

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса

Александра Хартманн
Возвращение Лотоса

«Автор»

2026

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса / Александра Хартманн — «Автор», 2026

Она считала его предателем. Он был уверен, что она погибла. После кораблекрушения я, Киара Марэ, выживаю и оказываюсь в Англии под чужим именем. Теперь у меня нет ни дома, ни денег, ни прошлого, только одна цель: выжить, найти сестру и никогда больше не верить мужчине, которого я любила и который разбил мне сердце. Но прошлое не умирает. Старый английский дом. Маленькая девочка. Молчаливый мистер Джойс, давший мне убежище. И мужчина, который однажды снова войдет в мою жизнь, не зная, что женщина, которая когда-то была его женой, стоит совсем рядом. В конце героев ждет долгожданный ХЭПродолжение книги "Лотос Серебристый"

© Александра Хартманн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое небо	5
Глава 2. Школа Святой Агнессы	7
Глава 3. Девочки	11
Глава 4. Разоблачение	15
Глава 5. Новое место	18
Глава 6. Дом леди Ашборн	23
Глава 7. Девочка на дереве	26
Глава 8. Испытательный срок	31
Глава 9. Секрет мисс Кэти	34
Глава 10. Тени прошлого	39
Глава 11. Несчастный случай	43
Глава 12. Розы и трепет сердца	48
Глава 13. Лотос под маской	52
Глава 14. Ветер в волосах	58
Глава 15. Прогулка	63
Глава 16. Письмо и надежда	70
Глава 17. Стакан пунша	75
Глава 18. Тени в саду	80
Глава 19. След на шее	83
Глава 20. У церкви святой Анны	90
Глава 21. Признание у озера	98
Глава 22. Лодочный домик	105
Глава 23. После взрыва	111
Глава 24. Прикосновение к сердцу	119
Глава 25. Роза для Лотоса	127
Глава 26. Тени перед бурей	133
Глава 27. Главные женщины Эдварда Фейна	141
Глава 28. Живые лица	153
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Александра Хартманн

Возвращение Лотоса

Глава 1. Чужое небо

Англия встретила небом, которое не умело гореть.

После ослепительной, жестокой синевы Лаоса, после тяжелого золота закатов над Меконгом, после влажного пламени тропических рассветов это небо показалось мне странным, почти невозможным. Оно не сияло, оно висело. Низкое, белесое, холодное, с рваными серыми краями облаков, которые шли так низко над полями, что, казалось, стоит протянуть руку, и пальцы намокнут в их сырой шерсти.

Поля Стаффордшира тянулись до горизонта ровными волнами земли и травы, пересеченными каменными изгородями, узкими тропинками, тонкими ручьями, отливавшими свинцом, и редкими темными рощами, в которых ветер жил уже не шелестом, как в Лаосе, а шепотом.

Да, именно шепотом.

Все здесь шептало: мокрый вереск, пустые луга, обнаженные кусты, черные ветви, вороны, вода под мостом.

Даже дождь не лился, а шептал по стеклу.

Я часто выходила одна в поле после уроков и шла, не разбирая дороги, пока не начинала мерзнуть так сильно, что пальцы немели в перчатках, а щеки делались жесткими от ветра. Тогда я останавливалась у какого-нибудь забора, смотрела на серую равнину, на тонкие дымки над крышами далеких ферм, на упрямые клочья солнца, пробивавшиеся сквозь тучи, и думала, что эта земля совсем не похожа на ту, где я родилась.

Но и в ней была своя суровая красота. Молчаливая. Сдержанная.

Та красота, которая не раскрывается навстречу человеку, а заставляет его долго идти под дождем, прежде чем он поймет, что уже любит это серое небо, черные ручьи, стылый ветер и колючие пустоши.

Школа Святой Агнессы стояла в стороне от деревни, на невысоком холме, окруженная лугами, старым яблоневым садом и каменной стеной, за которой теснились мокрые кусты роз. Здание было длинным, строгим, темно-кирпичным, с высокими окнами и узкими готическими арками над входом. Внутри пахло сургучом, мелом, книгами, влажной шерстью детских накидок и углем, который постоянно пытались экономить.

Я жила здесь уже почти три недели.

Для всех в этом доме я была мисс Жослин Симоне — новая учительница французского языка и рисования, пережившая кораблекрушение, потерявшая вещи, но не воспитание, и потому заслуживающая снисхождения. История была вполне правдоподобной и достаточно печальной, чтобы не задавать лишних вопросов. Люди вообще охотнее принимают ложь, если она не слишком блестяща и не просит многого.

Первую неделю мне казалось, что я хожу не по школьным коридорам, а внутри сна.

Сестры-учительницы в темных платьях. Шелест детских шагов. Холодные классы. Чернильницы. Карты. Глобус с облупившейся Африкой. Звон колокольчика к уроку. Маленькие девочки с белыми воротниками, склоненные над тетрадами.

Мир был так далек от Лаоса, что временами я просыпалась по ночам с уверенностью, будто вот-вот услышу за окном крик павлина, а вместо него слышала только дождь.

Другие учительницы относились ко мне вежливо, но настороженно.

Мисс Харрингтон, высокая, сухая, с прямой спиной и слишком внимательными глазами, сразу невзлюбила мою манеру произносить некоторые английские слова и однажды заметила,

что во французском колониальном воспитании всегда чувствуется опасная степень свободы. Мисс Лоуэлл, напротив, была добрее и чаще всего пыталась сунуть мне лишний кусок пирога за чаем, считая, что я выгляжу пугающе хрупкой. Была еще мисс Бреттон — круглолицая, румяная, вечно мерзнувшая и потому постоянно кутавшаяся в серую шаль. Именно она первой спросила меня, не скучаю ли я по дому.

Тогда я ничего не ответила. Потому что уже не знала, где мой дом.

Мой день начинался рано.

Колокол к мессе. Завтрак в общей столовой. Тонкий чай. Сухой хлеб. Иногда овсяная каша, от одного вида которой меня поначалу все еще мутило, тело не сразу забыло больницу и потерю ребенка, хотя разум уже научился прятать это от других.

Потом уроки.

Я учила девочек французским глаголам, правильным линиям в рисунке, основам хорошего вкуса и тому, как нужно держать осанку при чтении вслух. Иногда, глядя на их тонкие руки, на склоненные головы, на белые ленточки в волосах, я чувствовала такую странную, почти пугающую нежность, что приходилось отворачиваться к окну.

Потому что тогда я вспоминала того, кто уже никогда не родится. И это было больнее всего.

После полудня, если не шел сильный дождь, я выходила одна.

Дышала воздухом полей. Слушала холодные ручьи. Трогала ладонью мокрый мох на камнях. И думала о Джии.

Почти каждый день.

Я писала запросы. Отправляла письма. Пыталась через школьную почту и через Чарльза Джойса — директора, по доброте своей согласившегося однажды отнести еще одно мое письмо к доверенному почтовому агенту — получить хоть след из Бостона или Нью-Йорка.

Но ответа не было. Ни от сестры. Ни от Роя. И эта тишина уже жила во мне, как старая болезнь.

Вечерами я сидела у окна в своей маленькой комнате под самой крышей.

Писала. Или делала вид, что пишу.

Чаще всего просто смотрела, как по стеклу стекает дождь.

Иногда, если тучи расходились, над холмами на несколько минут появлялось солнце. Не золотое и жаркое, как дома. А бледное, хрупкое, нежное. Оно ложилось на траву светлой полосой и тут же исчезало, словно само удивлялось своему приходу.

В такие минуты мне казалось, что я и есть это солнце.

Чужая. Случайная. Ненадолго.

И все же живая.

Глава 2. Школа Святой Агнессы

Утро в школе Святой Агнессы начиналось колоколом.

Этот колокол напоминал телу о порядке. Проснись. Встань. Оденься. Спустиись. Подчинись новому дню. Сейчас не время веселью и улыбкам.

И я подчинялась этому приказу, хотя поначалу мне и было сложно. Слишком привольно мне жилось дома в Лаосе. Слишком сильно я привыкла жить чувствами, и так не приучена к жесткой дисциплине, которая словно холодная клетка, стискивала со всех сторон.

Моя комната под самой крышей была холодной. В Лаосе утро входило в спальню влажным золотом, птицами, запахом реки и горячей зелени. Здесь же оно пришло серым светом, просочившимся сквозь тонкие занавеси, и запахом сырого кирпича.

На стуле у кровати висело серое платье. То самое, которое мисс Харрингтон посчитала вполне уместным для разумной молодой женщины, не склонной к ненужной яркости.

— Мисс Харрингтон считает женскую привлекательность пороком, - со смущенной улыбкой произнес мистер Джойс в поезде. — Потому, чтобы понравится ей, лучше не выбирать ничего кричащего в одежде.

— Конечно, мистер Джойс, - спокойно отвечала я, сложив на коленях руки, - я собираюсь жить по правилам того учреждения, где мне дали место.

И теперь у меня было несколько правильных платьев.

Серое. Темно-коричневое. Синевато-черное. Одно цвета мокрого камня. Другое старой лаванды, потемневшей от пыли.

Ни один оттенок не жил. Ни один не пел. Ни один не дышал.

Все они были как новая оболочка моей жизни: скромные, тихие, правильные, стертые.

Я оделась медленно.

Сначала нижняя рубашка. Потом чулки. Потом платье. Потом пояс. Потом гладко собрала волосы и закрепила их так туго, что лицо в зеркале стало еще строже. Коричневая помада сделала губы тоньше и старше. Затем я надела очки.

Их я заказала почти сразу после приезда и размещения.

За мутноватыми стеклами с янтарным оттенком мой взгляд становился тусклее, старше. Не Киара Марэ, не женщина, которую однажды любили с безумием и болью, а мисс Жослин Симоне, учительница, перенесшая тяжелую дорогу и слишком много потерявшая, чтобы задавать ей лишние вопросы.

Я долго стояла перед зеркалом и смотрела на себя.

Лицо было моим. И не моим.

Волосы мои. Руки мои. Кожа моя.

Но вся я как будто переместилась чуть глубже, за тонкую стеклянную стену.

Киара теперь жила где-то там. Далеко. Внутри. И если кто-то хотел бы увидеть ее, ему пришлось бы сначала пройти сквозь холод, ложь, молчание и чужое имя.

Колокол ударил снова. Я чуть вздрогнула, пробуждаясь от своих мыслей, и поспешила вниз

Столовая для персонала была длинной, темной, с низким камином и узкими окнами, из которых открывался вид на влажный школьный двор. На столах уже стояли чайники, хлеб, масло, каша, вареные яйца и джем, вид которого почему-то всегда напоминал мне кровь на белой салфетке. После Лаоса английская еда казалась мне не просто пресной, она была лишеной страсти, стертой и серой, как и погода за окном. В ней не было специй, жара, аромата, не было той щедрости, которая даже в бедности делает пищу событием. Здесь еда подчинялась не удовольствию, а долгу.

Мисс Лоуэлл уже сидела за столом в своей неизменной серой шали.

— Доброе утро, мисс Симоне, — сказала она тепло. — Надеюсь, вы спали лучше.

— Благодарю, да.

— Это счастье. В такой сырости многие новенькие просыпаются с тоской и ревматизмом.

Я села. Мисс Бреттон тихо кивнула мне с другого конца стола. Мисс Харрингтон вошла последней и устроилась напротив с лицом женщины, которая считает доброжелательность уступкой слабости.

Чарльз Джойс появился через несколько минут, уже с бумагами в руках, будто даже за завтраком не мог позволить себе просто быть человеком без должности.

— Сегодня у вас два урока французского и один класс рисования, — сказал он, подавая мне листок. — Если почувствуете слабость, скажите. Я переставлю расписание.

— Не нужно, - отвечала я, внимательно читая расписание через очки.

Мисс Харрингтон едва заметно приподняла бровь.

— Надеюсь, мисс Симоне, вы не из тех женщин, которые сначала отказываются от помощи, а потом падают в обморок перед ученицами. Спешу вас сразу предупредить, жалости вы этим не добьетесь.

Я подняла на нее взгляд поверх чашки чая. Мне хотелось съязвить, ответить как-нибудь резко и хлестко, чтобы поставить на место эту высокомерную женщину. Но я не могла. Нет. Надо учиться быть другой. Надо сдерживать свой нрав.

Я опустила глаза.

- Что вы, мисс Харрингтон, я бы никогда не позволила себе столь предосудительное поведение.

Первый урок дался мне легче, чем я ожидала.

Девочки сидели за высокими деревянными партами в темных форменных платьях, с белыми воротничками, гладко причесанные, пахнущие мылом, чернилами, холодным воздухом и слегка яблоками, которые кто-то из них, должно быть, прятал в кармане. Некоторые смотрели на меня с откровенным любопытством, другие с тем настороженным уважением, которое дети испытывают к новым взрослым, еще не зная, бояться их или любить.

Я начала по-французски.

Несколько девочек тут же выпрямились. Две закатали глаза. Одна уронила перо.

- Пожалуй, сегодня, мы начнем урок с небольшого диктанта, чтобы я могла понять общий уровень класса, - произношу сухо, раскрывая сборник французских авторов.

И хор перьевых ручек заскреб по бумаге.

Одна рыжая девочка с длинным носом и слишком серьезным лицом на каждом втором слове останавливалась и краснела до ушей. Я подошла к ней, наклонилась и тихо подсказала.

Она подняла на меня огромные серые глаза и прошептала:

— Спасибо, мисс.

После этого урока я стояла у окна и задумчиво смотрела на мокрый от дождя сад. Неожиданно внутри меня разлилось тепло и тихая радость. Возможность поделиться с детьми чем-то, что у меня имелось в избытке вдруг стало источником вдохновения и какой-то призрачной надежды. Надежды, что новая жизнь не будет столь серой и мрачной, какой она рисовалась мне по дороге из Ливерпуля.

После обеда, когда девочки разошлись, а небо над школой стало еще ниже и серее, я вышла одна за ограду.

Тропа шла вниз по склону, мимо старых кустов шиповника, мимо каменной стены, покрытой мхом, мимо черной лужи, в которой отражалось белесое небо. Дальше начинались луга. За ними виднелся ручей, тонкий, холодный, почти стеклянный.

Я шла медленно, наслаждаясь прогулкой. Сырым воздухом было трудно дышать сразу после теплых школьных комнат, но именно в этой прохладе я чувствовала себя живее, чем под крышей.

Ветер трогал края шали. Где-то вдали кричали вороны. Пахло травой, мокрой землей и чем-то едва различимым, может быть, полевыми цветами, слишком сдержанными, чтобы кричать о себе.

Я остановилась у ручья и посмотрела вниз.

Вода шла быстро, чисто, без всякой тропической медлительности. В Лаосе вода несла запах и тепло. Здесь она была почти безличной. И все же в этой холодной прозрачности таилась странная правда.

Я присела на камень.

Достала из кармана недописанное письмо Джии.

Бумага отсырела на сгибах. Я давно уже не знала, куда писать. Но тем не менее с неумным упорством все равно писала. Эти письма были единственным местом, где я могла быть прежней, где я изливала всю свою боль от разрушенной вдребезги жизни.

— Мисс Симоне?

Я вздрогнула и подняла глаза. Чарльз Джойс стоял в нескольких шагах, держа в руке шляпу.

— Простите. Я не хотел пугать вас, - произнес он.

Я сложила письмо.

— Все в порядке.

Чарльз Джойс оказался моложе, чем я ожидала.

На фотографии, которую показывала мне настоящая Жослин на судне, он выглядел слишком уж по-школьному благовоспитанным: аккуратный костюм, ровный пробор, серьезные глаза, правильный подбородок. Я тогда даже подумала, что такой человек наверняка умеет говорить только о дисциплине, арифметике и сырости в пансионах для девочек. Но реальный мистер Джойс был живее. В движениях его чувствовалась неловкая спешка, как у людей, много думающих и не всегда успевающих за собственными мыслями. Волосы были темнее, чем на карточке. Черты лица мягче. А взгляд его часто теплел, особенно когда он говорил об успехах своих учениц.

Он подошел ближе ко мне, но не слишком, ровно настолько, чтобы не показаться навязчивым.

— Я просто хотел сказать, что, если вам нужно отправить письмо на северо-восток или за океан, я могу попросить знакомого в почтовом агентстве.

— Благодарю, мистер Джойс. Но я люблю гулять до почты. Природа здесь заставляет о многом задумываться.

— О чем же задумываетесь вы? – улыбнулся он.

Я встала на ноги, расправляя складки юбки.

- О многом, например о том, что никогда не думала, что Англия окажется настолько дождливым и промозглым местом.

Он рассмеялся, как-то неловко и смущенно, словно в дурном климате была и его вина.

- О, мисс Симоне, Англия и правда поначалу может произвести не самое благодушное впечатление, особенно на тех, кто привык к более теплему климату. Но подождите буквально месяц, и уверяю вас, вы не узнаете все вокруг. Холмы и поля покроются бархатной зеленью и заискрятся, а сады наполнятся щебетанием птиц и журчанием ручьев. Я покажу вам один склон, весной он весь зарастает вереском. Там очень живописно.

Он говорил это таким тоном, как будто читал поэму или балладу. Улыбка вдруг коснулась моих губ, но я поспешила ее спрятать. Однако это не утаилось от внимательного взгляда Чарльза Джойса.

- О, прошу вас, мисс Симоне, со мной вы можете позволить себе улыбаться и быть собой, обещаю, я не наябедничаю на вас мисс Харрингтон.

- Ну что ж, тогда я и правда спокойна, - улыбнулась я, уже не таясь.

- Позвольте проводить вас до почты?

Я кивнула, и мы пошли вниз по тропинке к деревне.

Глава 3. Девочки

Постепенно я начинала привыкать к ритму школы так же, как привыкают к чужой одежде: сначала ткань царапает кожу, потом перестаешь ее замечать, а потом вдруг ловишь себя на том, что уже не помнишь, как двигалось тело без нее.

Больше всего я полюбила своих учениц, но и пугали они меня тоже больше всего. Не потому, что были шумными, грубыми или капризными, нет, школа Святой Агнессы вырастала из такой дисциплины, которая не оставляла много пространства для открытых вспышек нрава. Но в девочках была та страшная, тонкая восприимчивость, которая делает детей опаснее взрослых. Взрослый может поверить в ложь, если она аккуратно подана и не слишком беспокоит его душу. Ребенок же чувствует прежде, чем понимает. Я вспоминала нас с сестрой, и только сейчас до конца осознала, насколько уязвимыми мы были.

Иногда мне казалось, что девочки смотрят на меня слишком пристально.

Не как на новую учительницу. А как на человека, пришедшего откуда-то очень издалека и не до конца принадлежащего миру их чернильниц, молитвенников и вышитых манжет.

Старшие наблюдали молча, с осторожностью. Младшие же сначала пугались меня из-за очков и слишком тихого голоса, потом тянулись ближе. Средние были самыми сложными: достаточно взрослыми, чтобы язвить, и недостаточно взрослыми, чтобы стыдиться собственной жестокости.

Именно они первыми начали испытывать меня на прочность.

В ту среду, когда воздух был особенно холоден и дождь с утра полосовал стекла, словно кто-то снаружи пытался бесконечно заштриховать весь мир, я вошла в класс французского и сразу почувствовала неладное.

Девочки сидели слишком тихо.

Та особая тишина, которая сразу говорит взрослому: здесь что-то уже произошло, просто вы еще не знаете, что именно. Я остановилась у кафедры.

Чернильницы. Ряды косичек. Белые воротнички. Тетради.

И посреди второго ряда маленькая фигура с опущенной головой.

Это была Мэри Эдридж, бледная, уязвимая девочка лет четырнадцати, всегда слишком аккуратная, слишком серьезная и, кажется, привыкшая существовать так, чтобы не занимать лишнего места в мире. У нее были светлые, почти бесцветные волосы, которые в школьном полумраке казались мышиными, и большие серые глаза.

На этот раз она сидела, не поднимая головы, а на промокнутом манжете ее рукава темнела клякса.

С соседней парты до меня донеслось едва слышное шипящее:

— Чернильная мышь.

Класс тут же задрожал подавленным смехом.

Я медленно положила книги на стол.

— Кто это сказал?

Молчание.

Я смотрела на девочек.

Наконец в третьем ряду медленно выпрямилась высокая темноглазая ученица с прекрасной осанкой и слишком красивым, уже почти женским лицом. Ее звали Эвелин Марч. Дочь богатого промышленника из Бирмингема. И по слухам, ее отец вложил не мало средств в прошлый годний ремонт школы и закупку новых парт.

— Простите, мисс Симоне, — сказала Эвелин Марч с безукоризненной вежливостью. — Но, кажется, мы всего лишь смеялись над неуклюжестью.

В ее красивых глазах не было ни тени стеснения. Она ощущала себя хозяйкой здесь, а учительниц считала чем-то вроде своих личных горничных.

Именно такие дети вырастают в самых опасных взрослых.

Я выдержала ее взгляд.

— Над чем именно вы смеялись, мисс Марч? — спросила я спокойным голосом.

Эвелин чуть склонила голову.

— Над кляксой на рукаве Мэри. Это, безусловно, не очень изящно.

В классе снова зашевелились. Я перевела взгляд на Мэри.

Она сидела неподвижно, только пальцы ее судорожно сжимали перо. Худенькое личико ее было бледно, словно полотно. В таких случаях дети страдают телом: у них горят уши, сводит горло, делается ледяным живот, а сердце бьется так, будто сейчас выскочит наружу и покатится по полу на потеху другим.

Это выражение лица я знала слишком хорошо. Такой была моя Джи в детстве.

— Мисс Элдридж, поднимитесь, — обратилась я к девочке.

Она медленно встала.

В ее глазах уже стояли слезы, которые она из последних сил пыталась удержать.

— Идите ко мне. Не бойтесь.

Она подошла, глядя в пол.

Я взяла ее за испачканный рукав.

— Пятно от чернил, — сказала я громко, так, чтобы слышал весь класс, — в школе является доказательством одной вещи: ребенок работает.

В классе повисло молчание.

— А вот насмешка над тем, кто работает, — это уже доказательство дурного воспитания.

Я отпустила рукав и повернулась к классу.

Эвелин Марч стояла спокойно, но в ее взгляде, направленном на меня, промелькнуло что-то недоброе.

— Мне жаль, если вы приняли мои слова за насмешку, мисс, — сказала она, мило улыбуясь. — Я вовсе не...

— Сядьте, — перебила я.

И впервые за все время позволила своему голосу звучать так, как он звучал когда-то дома: не громко, но с той острой, блестящей твердостью, которой дети боятся инстинктивно.

Эвелин потрясенно опустила на стул. Десятки глаз уставились на меня, кто-то с удивлением, кто-то со страхом.

Слеза в глазах Мэри дрогнула и покатилась вниз. Я сделала вид, что не заметила этого.

— Сегодняшний урок, — сказала я, — мы начнем с небольшого упражнения. Каждая из вас напишет по-французски десять строк о том, что такое истинное достоинство. И если хоть одна из вас напишет там слово изящество прежде слова милосердие, она перепишет работу трижды.

В классе наступила такая тишина, что я слышала, как за окном дождь сливается в ручьи на каменном подоконнике.

Перо Мэри дрожало в пальцах. Я тихо накрыла ее руку своей.

— Пишите, — сказала я уже мягче.

И только когда почувствовала, что она снова дышит, вернулась к кафедре.

Урок закончился, и девочки поспешно покидали класс.

- Мисс Симоне? — прозвучал надо мной чей-то серебристый голосок.

Я подняла голову. Эвелин Марч стояла в окружении четверых своих самых приближенных подружек, тоже дочерей богатых отцов.

На красивых губах Эвелин играла легкая улыбка.

- Вы ведь не так давно в школе Святой Агнессы, не так ли, мисс? – спросила она, изящно поигрывая бриллиантовой сережкой в ухе. Ей единственной во всей школе дозволялось носить украшения. Зоркие очи мисс Харрингтон именно на ней вдруг становились слепы.

Я отлично знала такой тип девушек, как Эвелин Марч: избалованные, жестокие папины дочки, считавшие, что все вокруг должно служить лишь к исполнению их прихотей и желаний. В Лаосе среди богатых француженок тоже встречалось таких не мало, но я никогда их не боялась и прекрасно умела ставить на место. Но здесь в стенах этой школы, под чужой личиной я рисковала слишком многим.

Я окинула Эвелин Марч пристальным взглядом, от которого ей стало явно не по себе.

- Что вы хотели сказать, мисс Марч? – спросила я, смотря на нее в упор через очки.

- О, ничего особенного, - хмыкнула она, - просто хотела предупредить, что мой отец, мистер Марч, тщательно следит за преподавательским составом школы и весьма придирчив. Он хочет, чтобы у меня были самые лучшие учителя Стаффордшира.

- Что ж, ваш отец весьма мудр.

Эвелин приблизилась ко мне и, наклонившись, словно невзначай смахнула невидимую пылинку с моего плеча.

- И он будет весьма расстроен, узнав, что молодая учительница совсем не соответствует высоким стандартам школы. Вы же понимаете, да?

В былые времена я надрала бы этой маленькой занозе уши, но в нынешнем положении мне не оставалось ничего иного, как выдавить из себя:

- Да, мисс Марч, я хорошо все понимаю.

Она мило улыбнулась, довольная достигнутым эффектом, ее подружки злорадно засмеялись за спиной.

- Мисс Симоне? – раздался вдруг мужской голос.

Мы все обернулись. В дверях стоял мистер Джойс с кипой папок под мышкой. Он явно заметил странное напряжение между мной и группой учениц. В его глазах читалось напряженное внимание. При его проявлении Эвелин Марч мгновенно изменилась в лице.

- О, мистер Джойс! – выдохнула она, и ее щеки залила краска. – Я как раз хотела идти к вам в кабинет, чтобы передать приглашение от моего отца на ужин в это воскресенье. Вы же будете, не так ли?

Она подлетела к нему, заглядывая в глаза, пытаясь поймать взгляд.

Он что-то отвечал ей, по всей видимости, пытался отказаться от приглашения, но Эвелин Марч уже снова применила свой излюбленный метод манипулирования людьми – напомнить о том, сколько ее отец вложил средств в процветание школы. Разница была лишь в том, что она явно робела перед мистером Джойсом, стараясь выглядеть оскорбленной невинностью.

Я удивленно подняла брови. Что это? Неужели этой нахалке нравится мистер Джойс? Ну что ж, неплохой для него вариант, пускай, она избалованная стерва, зато богата и похоже, что влюблена в него по уши. Осталось подождать каких-то четыре года, и они вполне могли бы пожениться. Но одобрит ли мистер Марч такой выбор дочери?

Я покачала головой и склонилась над раскрытым учебником, чтобы подготовиться к следующему уроку. И только сейчас заметила, что Мэри не ушла.

Она стояла у парты, тоненькая, бледная, с все еще покрасневшими глазами и испачканным рукавом, который пыталась спрятать за спиной.

— Да? — спросила я.

— Спасибо, мисс.

Сказано было так тихо, что эти два слова почти растворились в сыром воздухе класса.

— За что именно?

Она растерялась.

— За... то, что вы не позволили им...

Ее губы дрогнули. Я поднялась и приблизилась к ней.

— Мэри, — сказала я. — В жизни всегда найдутся люди, которым кажется, что чужая неловкость делает их выше. Это не так. Она делает их только мельче.

Девочка смотрела на меня, не моргая.

- Мисс Симоне, вы такая отважная! - выдохнула она, с детским восхищением смотря на меня. — Но только зря вы... Нельзя им переходить дорогу. Они будут мстить.

Я улыбнулась и коснулась теплой рукой холодной щеки девочки.

- Давай никого никогда не бояться и смотреть с надеждой в будущее, хорошо? Однажды школа закончится, и ты станешь взрослой. И все страхи уйдут. Главное, это не потерять себя и не унижаться перед такими, как мисс Марч. Договорились?

Мэри чуть расправила плечи.

— Да, мисс Симоне, спасибо за все.

Когда дверь за ней закрылась, я осталась одна.

Класс был тих. На партах темнели чернильные пятна. За окном дождь почти прекратился, и между облаками на миг проступила тонкая полоса света.

Я подошла к окну. Прижалась ладонью к стеклу.

Тот ребенок, которого у меня отняли, никогда не скажет мне спасибо.

И все же почему-то в этот момент мне показалось, что, помогая Мэри, я на одно крошечное мгновение прикоснулась к той части себя, которая не умерла вместе с домом Марч.

И от этого стало больно. И светло одновременно.

Но, как и говорила Мэри, проблема не закончилась уроком.

За чаем мисс Лоуэлл, добродушно наливая мне вторую чашку, заметила, что Эвелин не любит, когда ей перечит, а мисс Харрингтон сухо добавила:

— Некоторые девочки слишком рано узнают цену своего происхождения.

Я поняла. Значит, дело не только в школьной жестокости.

Эвелин Марч привыкла быть первой. Богатой. Красивой. Удобной для внимания. И, вероятно, уже считала, что мистер Джойс смотрит на нее так, как мужчина однажды должен смотреть на женщину, которую должен выбрать.

Когда уроки закончились, застучал по крышам дождь. Я стояла на крыльце школы, наблюдая за тем, как холодные капли ударяют по серым камням.

- Мисс Симоне, вы сегодня снова без зонта? – раздался у меня за спиной голос.

Я обернулась, выходя из задумчивости.

- Добрый вечер, мистер Джойс, - улыбнулась я, - вы правы, никак не могу запомнить, что нужно приобрести зонт.

Он был одет в свое серое пальто, в руках сжимал черный зонт-трость.

- Тогда позвольте, я провожу вас до дома?

Я хотела согласиться, но тут за его спиной заметила Эвелин Марч

Она стояла у окна, держа книгу, но не читала. Только пристально следила за тем, как Чарльз Джойс говорит со мной.

Когда я подняла голову, наши взгляды встретились. Эвелин не отвела глаз. В них уже жила не детская неприязнь. Что-то тоньше. Опаснее. Почти взрослое.

- Простите, мистер Джойс, но мне надо торопиться, - спешу я откланяться и выхожу прямо под дождь.

- Мисс Симоне! – растерялся мистер Джойс.

Но я уже убегала по дорожке прочь от школы.

Нет, достаточно, больше я не хочу быть третьей стороной в любовном треугольнике. Не хочу снова вставать между мужчиной и предназначенной для него избранницей.

Глава 4. Разоблачение

Весна в Англии не приходила. Она подкрадывалась на цыпочках, словно лесная фея.

В Лаосе смена сезонов чувствовалась всем телом сразу: воздух становился гуще, вода теплее, листья тяжелее, земля начинала пахнуть иначе. Здесь же весна действовала осторожно, почти стыдливо.

Сначала просто менялся свет. Он больше не был тускло-свинцовым и коротким, как в январе, а становился мягче, длиннее, будто под самым серым покровом неба начинала разгораться тайная, сдержанная жизнь. Потом исчезал утренний лед у ручьев. Холодные ветра потеплели, и стали дуть не яростно, а тихо и ласково. Потом на черных ветвях, которые всю зиму казались мертвыми, вдруг появлялись крохотные зеленые точки, так незаметно, что замечал их только тот, кто слишком долго смотрел в пустоту.

Я замечала. Наверное, потому что сама жила почти так же: не оживая по-настоящему, а только подавая едва уловимые признаки того, что внутри еще не все умерло.

Девочки в школе тоже менялись с весной. Становились шумнее. Чаше смеялись. Писали менее аккуратно. Глядели в окна на уроках. Младшие приносили в карманах первые цветы и прятали их в молитвенники, где лепестки быстро превращались в нежную пыль. Старшие становились беспокойнее, чувствительнее к взглядам, одежде, письмам из дома и к собственной красоте, которая только-только начинала осознаваться ими как сила.

Даже мисс Харрингтон в это время года делалась чуть менее суровой. Словно нежные краски, которыми играла природа вокруг, смягчала на время и ее тяжелый нрав.

Я продолжала писать Джии.

Уже не каждый день, это было бы слишком тяжело для души. Но регулярно. С надеждой, которая с каждой неделей становилась все труднее и труднее.

Ответов по-прежнему не было. Я страшилась думать о худшем. Нет, я слишком многих в своей жизни уже потеряла. Джи должна жить. И я обязательно найду способ отыскать ее.

Чтобы избавиться от тягостных мыслей, я старалась как можно дольше бывать на воздухе. Не сидеть в комнате под крышей, где вечерами мне начинало казаться, что тишина вползает в грудь и там превращается в камень. Не задерживаться слишком долго в учительской, где мисс Бреттон вязала, мисс Лоуэлл вздыхала над счетами, а мисс Харрингтон скрипела пером так, будто выводила не замечания в тетрадах, а приговоры живым и мертвым.

Я укутывалась потеплее и шла в поля, а затем дальше за холмы. Там я открыла живописную горную долину, полную зелени, распускавшихся цветов и тихих ручьев. Я опускалась на большой камень у кромки воды и слушала пение ветров.

В один из таких дней солнце особенно радостно светило. Стало жарко. Я сняла черное пальто, очки и распустила волосы, которые теперь доходили у меня до ключиц. Их остригли еще в госпитале.

Встряхнув головой, как когда-то давно я делала дома, устремляю свой взгляд далеко за горизонт. Там серебрились воды реки. Это было такое редкое счастье посмотреть на этот мир не через линзы моих очков. И я наслаждалась каждой минутой, каждым лучом весеннего солнца, игравшего на моем лице и в моих волосах.

- Вы все-таки нашли это место, - произнес мистер Джойс.

Я знала, что это он. В такие прогулки я все чаще его встречала. Не нарочно. Во всяком случае, я старалась верить, что не нарочно.

Он шел с книгой под мышкой, с письмами, с ключами, с очередной школьной заботой, а в действительности, как уже знала, просто по теми же дорожкам, по которым любила ходить я. Он никогда не навязывался и не пытался удерживать меня рядом силой разговора. Но если

наши шаги совпадали, шел рядом достаточно долго, чтобы сделать молчание между нами не тягостным, а странно мирным.

Я повернула голову и встретила с его внимательным взглядом, в котором я уже давно угадывала затаенный огонь.

- Это место восхитительное. Словно дом для цветочных эльфов, - говорю с приветливой улыбкой.

Ободренный моим приветствием, мистер Джойс приблизился и опустился на соседний камень, предварительно положив школьные папки на землю.

— Все еще считаете Англию скучной? – спросил он, довольно щурясь от спящего солнца.

Я задумалась, прежде чем ответить.

— Нет. Не скучной. Только... будто она не доверяет тому, кто смотрит на нее впервые.

Он улыбнулся.

— Значит, вы начинаете ее понимать.

Я не была уверена, что хочу понимать эту страну.

Понимать Англию значило признать, что она уже проникает в меня. А я до сих пор боялась любых новых корней. Будто, если позволю этой земле коснуться сердца, окончательно предам Лаос, мать, Джию, отца и ту прежнюю Киару, которая утонула у Гибралтарского пролива.

- Не желаете ли пройти немного дальше? – предложил мистер Джойс. – Там, за поворотом, открывается чудесная поляна, на которой уже зацвел весенний вереск.

Мы спустились чуть ниже.

Ручей здесь делал резкий поворот между камней и, ударяясь о них, вспыхивал серебром. Я подошла ближе и присела на корточки, касаясь ладонью прозрачной холодной воды.

Здесь же между камней цвели розовато-лиловые цветы с легким, травянисто-медовым ароматом.

- Мне казалось, что вереск цветет в конце лета, - говорю, наклоняясь к цветам.

- Так и есть, - кивнул мистер Джойс, - эти цветы зовут эрика весенняя. Они зацветают рано, даже могут расти из снега. Столько в них силы и жажды жизни.

- Расти из снега... - прошептала я, зачарованно рассматривая удлиненные цветки, раскачивающиеся на ветру. – Порой мне хочется стать таким цветком и суметь прорасти из холодного, мертвого снега.

Поднимаю глаза и встречаюсь с горячим взглядом мистера Джойса. Смущенно отворачиваюсь и смотрю вперед.

— А там что? — спросила я, кивая на дальний склон по другую сторону.

— Уже другое графство.

— Какое?

— Дербишир.

Я замерла, кажется, на секунду сердце перестало биться.

— Что вы сказали? Какое графство?

— Дербишир, - повторил мистер Джойс, всматриваясь в мое побледневшее лицо. – Что с вами, мисс Симоне?

Мир качнулся перед глазами. И словно неистовый ураган ворвалось воспоминание прошлого. Яркое, горячее, живое, страстное. Глаза Эдварда. Его голос. И эти слова: «Я отвезу мой прекрасный лотос в Дербишир и поселю среди роз».

Чтобы не упасть, опускаюсь прямо на землю. Мистер Джойс уже возле меня, придерживает за руку.

- Мисс Симоне, вам нехорошо?

- Нет, все в порядке, мистер Джойс, просто минутная слабость. Прошу давайте вернемся.

- Конечно!

В темных глазах мистера Джойса дрожал настоящий испуг. Осторожно придерживая мой локоть, он проводил меня до дверей пансиона, в котором я жила.

В эту ночь я проснулась, когда яркая луна остановилась против моего окна и стала слепить глаза. Я поднялась и села в кровати, любуясь серебристо-белым ликом хозяйки ночи. Сердце тревожно билось в груди, словно чувствуя, что скоро должно что-то произойти.

На следующий день после обеда ко мне пришла одна из младших учениц.

Щеки у нее пылали от бега, а белый воротничок сбился набок.

— Мисс Симоне, — выпалила она, едва отдышавшись. — Мистер Джойс просит вас зайти к нему в кабинет. Немедленно.

Сердце у меня дрогнуло.

Я поднялась из-за стола, где проверяла рисунки, поправила очки и вышла в коридор. Школа после уроков звучала особенно гулко, как пустой музыкальный ящик, из которого еще долго после окончания мелодии идут слабые отголоски.

Кабинет мистера Джойса находился в дальнем конце коридора, рядом с комнатой для бухгалтерских книг и маленькой библиотекой. Дверь была приоткрыта.

Я постучала.

— Войдите, мисс Симоне, — сказал он.

И голос его прозвучал совсем не так, как обычно.

Тихо. Напряженно. Очень серьезно.

Когда я вошла, он стоял у окна. На столе перед ним лежал конверт.

Он повернулся ко мне и очень долго молчал, прежде чем заговорить.

— Мисс Симоне, — сказал он наконец. — Мне кажется... нет, я почти уверен... что вы не та, за кого себя выдаете.

И в эту минуту я поняла: моя маска начала трескаться.

Глава 5. Новое место

— Мисс Симоне, взгляните, я правильно использовала этот глагол? - Мэри Эддридж подносит к моим глазам листок с начатым сочинением.

Мы с классом расположились за партами в школьном саду.

С приходом весны многие девочки начали заболевать, и, приехавшая через неделю, строгая инспекция выявила, что дети слишком мало проводят времени на свежем воздухе, и слишком много в холодных классах. Посему было принято решение, чтобы часть уроков перенести на улицу, благо погода к этому только располагала. Стоял май. Ясный и солнечный. Невыразимо прелестный. Чистое-чистое небо бездонное в своей сияющей синеве раскинулось надо головой. В тенистых углах и вдоль дорожек показались первые крокусы и нарциссы. Ослепительный свет заполнил все пространство вокруг, играл в свежей зелени кустов и деревьев, отражался от крыши и окон школы.

Выйдя из задумчивости, я опустила глаза на сочинение Мэри.

— Довольно неплохо, мисс Эддридж, только не забудьте использовать те прилагательные, которые мы разбирали на прошлом уроке, - отвечаю девочке с одобрительной улыбкой.

- Конечно, мисс Симоне, - отвечала она, довольная моей похвалой.

Другие ученицы последовали ее примеру, и тоже приносили свои работы на проверку. Тема сочинения была выбрана самая что ни на есть удачная: приход весны. Девочки с большим воодушевлением взялись за ручки, и я с тихой радостью наблюдала за их склоненными над партами лицами. Правда некоторые парты пустовали: Эвелин Марч с подругами отсутствовали на уроке. Их забрали домой семьи, чтобы переждать вспышку школьной простуды в родных стенах. Меня это только радовало, в классе словно спало невидимое напряжение.

Было томительно жарко. Я сняла шерстяной пиджак, оставшись только в платье. Глазами невольно обращаюсь к зданию школе, к окну на втором этаже. Это был кабинет директора.

Мистер Джойс отсутствовал уже три дня. Перед глазами встал тот день, когда он вызвал меня к себе.

— Вы знаете, что это? – спросил он, показывая на конверт. – Это письмо от некой мисс Фанни Маркес. Она пишет с просьбой сообщить ей, здесь ли работает ее давняя подруга – мисс Жослин Симоне. Они подруги детства, и мисс Маркес переживает, что та перестала ей писать. К письму она приложила фото.

Все то время, что мистер Джойс говорил, я не дышала. Возмездие должно было настичь меня, я знала это, только не думала, что это произойдет настолько скоро.

Мистер Джойс положил передо мной фото. С него на меня смотрела настоящая Жослин Симоне, такой, какой я ее запомнила: веселое лицо в обрамлении светло-каштановых кудрей. Я устало прикрыла глаза, продолжая кожей ощущать прожигающий насквозь взгляд мистера Джойса.

- Кто вы такая? – его голос прозвучал строго и сухо. – И какая цель вашего прибытия здесь?

Я могла бы еще раз солгать. Придумать очередную правдоподобную ложь. Но все эти уловки лишь усугубили бы мое положение. Я вздохнула и начала:

- Меня зовут Киара Марэ, я дочь Эдмонда Марэ, плантатора с Лаоса...

И я все ему рассказала. Медленно и спокойно, как рассказывают люди простую, совершенно обыденную историю. Я умолчала лишь об Эдварде и беременности. Эта часть меня таилась слишком глубоко в душе и была столь сокровенной, что казалось, даже предсмертные муки не заставили бы меня говорить об этом.

Все время, что я говорила, мистер Джойс сидел за столом, аккуратно сложив руки. Но, едва я закончила, он встал и начал ходить по комнате. В его движениях, в выражении темных глаз застыло напряжение.

— Вы понимаете, что я не могу вам верить, мисс Симоне... или мисс Марэ?

Я вздрогнула при произнесении моей настоящей фамилии, настолько я смирилась с тем, что Киара Марэ умерла.

- Я понимаю, мистер Джойс, - отвечаю, чуть склонив голову.

Он замолчал на мгновение, нервным движением взъерошил пятерней волосы и затем продолжил:

- Вы понимаете, что, если бы это письмо попало к кому-нибудь другому из школы, к той же мисс Харрингтон, вы незамедлительно были бы переданы в руки властям по обвинению в мошенничестве.

Я смотрела на сложенные руки у себя на коленях.

- Да, мистер Джойс, я хорошо это понимаю. Я осознаю, насколько низок мой поступок. Но тогда в госпитале, это казалось единственным решением, чтобы не попасть в приют для бездомных.

Он приблизился ко мне, и я подняла на него глаза.

- Если вы решите уже сейчас передать меня полиции, я приму это как достойное наказание за мой проступок. Я взяла имя другой женщины, обманула ваше доверие, подвела школу.

Мистер Джойс молчал, не сводя с меня пытливого взгляда. Я видела, что в нем происходила внутренняя борьба, и исход ее решал мою судьбу в эту секунду.

Затем он отошел к высокому окну и сложил руки за спиной.

- Идите, мисс Марэ, мне надо подумать. Но учтите, если вы решите бежать, я окончательно удостоверюсь, что все сказанное вами здесь не более чем очередная ложь.

Я поднялась на ледяных ногах и ушла. В этот же вечер он уехал.

Эти три дня стали для меня отдельной пыткой.

Я продолжала вставать под утренний колокол, надевать серые платья, очки и туго убирать волосы. Продолжала вести уроки, проверять тетради, поправлять детские локоны, замечать пятна чернил на манжетах и слушать, как по окнам хлещет дождь или, напротив, как ветер раскачивает молодую зелень в школьном саду.

Внешне я жила по-прежнему.

Внутри же всё время ждала удара.

Каждый шаг мисс Харрингтон в коридоре казался мне началом разоблачения. Каждый взгляд мисс Лоуэлл — жалостью человека, уже что-то знающего. Каждый стук в дверь ночью — знаком того, что за мной пришли.

Я почти не спала.

Лежала, уставившись в темный потолок под самой крышей, и слушала шепот ветра. Весенние ночи в Англии стали мягче, но и в них оставалась прохладная пустота, от которой в сердце еще сильнее сгущалось одиночество.

Днем я уходила гулять дальше обычного.

Теперь, зная, что за ручьем начинается Дербишир, я не могла не идти туда снова и снова. Стоило только закончиться последнему уроку, как я накидывала пальто и шаль и, не оглядываясь, спускалась с холма.

Тропа уже успела стать мне знакомой.

Мимо старых каменных стен. Мимо низких кустов шиповника. Мимо луж, в которых небо казалось глубже, чем вверху. Мимо ручья, скользящего между камнями.

Там, на границе между двумя графствами, я часто останавливалась и долго смотрела вперед.

Ветер шевелил молодую траву. Склон покрывался цветами. Вдали бледнели холмы. А где-то за ними жил тот Дербишир, который часто грезился мне ночью. Волшебная страна, утопающая в розах.

На четвертый день вернулся мистер Джойс. И я была сразу вызвана к нему.

В школе было особенно тихо. Уроки уже закончились, и пустые стены сохраняли в себе только слабое эхо детских голосов. Из дальней комнаты доносилось, как мисс Лоуэлл распоряжается насчет молока к ужину. Где-то наверху скрипела половица. В открытое окно тянуло молодой листвой и влагой.

Я постучала.

— Войдите.

Чарльз Джойс стоял у стола.

В этот раз на его лице не было той болезненной строгости, что в день письма. Он выглядел усталым, но внутренне уже решившим что-то. В руке держал конверт.

— Присядьте, — сказал он.

Я не села.

— Лучше говорите сразу.

Он выдохнул и положил письмо на стол.

— Я не сообщил никому в школе о вас.

Я молчала.

— И не сообщу.

Теперь я подняла на него глаза.

— Вы поверили мне?

Мистер Джойс потер руки.

- Я навел некоторые справки. В Индокитае действительно бушевала эпидемия холеры в начале зимы, и пассажирское сообщение было перекрыто. В целом остальная информация соответствует вашему рассказу, мисс..., - он запнулся, не зная, как ко мне обращаться.

— Благодарю вас, — сказала я тихо.

Он покачал головой.

— Не спешите благодарить. Здесь вам больше нельзя оставаться.

Я знала, что услышу именно это. И все равно сердце сжалось.

Он продолжил:

— Школа — слишком открытое место. Любое письмо, любая случайная встреча, любой человек из вашего прошлого или прошлого настоящей мисс Симоне может разрушить все.

Я села. Не от слабости. А от внезапного чувства утраты. Школа Святой Агнессы была не домом. Но это было первое место, где я научилась снова дышать.

Где боль хотя бы иногда становилась тише.

— Куда же мне идти? — спросила я.

Чарльз пододвинул ко мне письмо.

— Я нашел вам другое место.

Конверт был подписан строгой рукой. Печать незнакома.

— Это от леди Ашборн, — продолжил он. — Ей нужна учительница и компаньонка при внучке.

— Внучке?

— Девочке семь лет. Умна, избалована не слишком, но сложна по характеру и, как мне кажется, очень одинока. Я сам занимался с ней некоторое время, пока не принял место директора в Святой Агнессе. Теперь я не могу ездить так далеко.

— И вы рекомендуете меня?

Он посмотрел на меня с мягкой усталостью.

— Да.

Я опустила глаза на письмо.

Леди Ашборн. Новое имя. Новый дом. Новая попытка спастись под другой крышей.

— Когда?

— Завтра утром, если вы согласны.

Я закрыла глаза.

Снова уходить. Снова не успев пустить корни.

— Я согласна.

Я не хотела пышных прощаний. Но дети, как всегда, почувствовали перемену раньше взрослых.

На следующее утро Мэри Элдридж подошла ко мне на уроке с таким лицом, будто уже знала нечто дурное.

— Мисс... вы уезжаете?

Я кивнула. И этого оказалось достаточно.

Младшие девочки зашептались. Кто-то заплакал. Мисс Лоуэлл сморкалась в платок уже открыто. Мисс Харрингтон сказала, что временные кадры редко бывают надежны.

Некоторые подошли попрощаться. Другие только смотрели. Кто-то сунул мне в руку первоцвет. Кто-то письмо. Мэри молча протянула маленький рисунок: ручей, склон и женщина в темном платье у воды.

— Я вас запомню, — сказала она.

У меня защемило сердце. Я наклонилась и поцеловала ее в лоб.

Когда я вышла из школы, небо было ясным, а ветер пах новой травой. Но вместо радости весны я вдруг ощутила ту давнюю, знакомую боль: я снова ухожу из места, где могла бы однажды стать собой, и даже не знаю, ждут ли меня впереди новые стены или новая гибель.

Машина ждала у ворот.

Чарльз помог уложить мой чемодан, потом закрыл дверцу и сел рядом.

Некоторое время мы ехали молча.

Поля шли волнами. По склонам текли ручьи. На изгородях сидели птицы. Тонкие облака плыли высоко, не скрывая солнца, но делая свет мягче.

— Расскажите мне о ней, — попросила я наконец. — О леди Ашборн.

— Она вдова, — ответил Чарльз. — Очень благородна. Очень умна. И не терпит пустословия.

— Уже страшно.

Он улыбнулся.

— Не бойтесь. Она может быть суровой, но редко бывает несправедливой.

— А внучка?

— Девочка сложная. После смерти родителей долго жила не в этом доме. Плохо переносит перемены. Не любит лишних людей и почти не смеется.

— Вы говорите о ней так, будто она дикий зверек.

— Иногда это близко к истине.

Он замолчал. Я же погрузилась в пучину мыслей. Время тянулось медленно. И вот к концу второго часа мы свернули с дороги на длинную подъездную аллею.

И тогда дом открылся передо мной.

Он стоял на пригорке, каменный, широкий, молчаливый, с высокими трубами, старой башенкой и окнами, в которых отражалось весеннее небо. По обе стороны от лестницы тянулись розарии, пока еще не цветущие, но уже полные темной, упругой жизни. За домом виднелись старые деревья, чьи ветви только начали одеваться молодой зеленью. На гравии лежали влажные полосы света.

Одна высокая, сухоплечая, в черном платье, с лицом строгим и неподвижным, как полированное дерево. Это, как позже оказалось, была экономка, миссис Грей.

Вторая полная, уже немолодая, в темно-синем платье и кружевном воротничке, с внимательными карими глазами. В ней чувствовалась та особая привычка быть незаметной, без которой не выживают рядом с аристократией долгие годы. Это была миссис Уолтон, личная помощница леди Ашборн.

А сама леди стояла в глубине холла.

Высокая. Прямая. Серебристые волосы убраны безукоризненно. На ней было темное платье такого кроя, который сразу говорил о старом воспитании и неизменной привычке держать спину как знамя рода. Лицо у нее было сухое, острое, почти красивое своей сдержанностью. И глаза, холодные, серо-голубые, умеющие видеть больше, чем им показывают.

Мое сердце сжалось. Я медленно приблизилась к ней и, сделав поклон, проговорила:

- Мисс Симоне к вашим услугам, миледи.

Глава 6. Дом леди Ашборн

Это был старинный английский дом. Один из тех, которые возводились еще в те времена, когда мужчины носили доспехи, а на щитах писали имя своих дам сердца.

Он оказался не мрачным, как я ожидала, а молчаливым. Английская роскошь, не та, что блистает позолотой, хрусталем и десятками голосов, как приемы в колониальных домах Лаоса, а та, что годами накапливает достоинство в камне, дереве, старом серебре, коврах и в самой привычке к пространству.

Особняк стоял на пригорке, окруженный террасами, еще не расцветшими розариями, лужайками и аллеями старых деревьев, чьи ветви уже начали зеленеть. Каменный фасад светлел под бледным английским солнцем.

Внутри было прохладно. Пол в холле был выложен темным деревом, стертым у порогов до шелкового блеска. На стенах висели портреты, не слишком броские, но явно старые и дорогие. Где-то очень далеко тикали часы. Пахло полированным дубом, пылью, лавандой, затухающими углями в камине и еще чем-то, что всегда бывает в старых аристократических домах, запахом непрерывности, ведь здесь жили не годы, а целые поколения, и они все еще не до конца ушли.

— Мисс Симоне, — и строгие глаза леди Ашборн остановились на моем лице. — Мистер Джойс отзывался о вас сдержанно. Это хорошо. Люди, которых слишком хвалят, редко оправдывают ожидания.

Я сделала легкий поклон.

— Надеюсь, миледи, я не причиню вам разочарования.

Леди Ашборн ничего не ответила и отвернулась к камину, показывая, что разговор окончен.

Миссис Грей повела меня в сторону моей комнаты.

— Обед подают в час, чай в пять, ужин в семь, — мерно цедила она слова. — Восточное крыло отапливается. Западное закрыто, оно старое, требует ремонта. Окна там открывать не велено. В некоторые комнаты вход запрещен. Библиотека, утренняя гостиная, малая музыкальная комната и школьная — в вашем распоряжении. Девочка любит исчезать, но далеко не уходит.

— Как зовут девочку? — спросила я.

Миссис Грей замедлила шаг.

— Кэти Ашборн.

— Ей семь?

— Почти восемь.

— Мистер Джойс говорил мне, что ее родители погибли. Она их помнит?

Миссис Грей остановилась и повернула ко мне голову.

— Мисс Симоне, — начала она холодным тоном, — хочу сразу предупредить о главном правиле этого дома — не задавать вопросов. Здесь это не любят. Или вам быстро укажут на дверь.

Я замолчала, и дальше мы шли по сумрачному коридору в тишине.

Первый день я провела в почти праздном блуждании по дому.

Моя ученица так и не появилась.

Мне сказали, что она неважно перенесла перемену в доме и потому сегодня не выйдет. Я кивнула, делая вид, что верю. Но слишком хорошо знала детскую натуру, чтобы не понять: девочка прячется.

Придя как-то на кухню, я услышала, как шептались кухарка с горничной.

- Говорю тебе, Мардж, эта финтифлюшка и недели здесь не продержится, - хихикала кухарка, - вспомни предыдущую учительницу, мисс Питерс, сбежала аж через четыре дня. Эта и столько не задержится.

Я тяжело вздохнула. Мне дали новое место и убежище, но и его я могу потерять слишком быстро, если не найду язык с загадочной мисс Кэти.

Я обращалась к прислуге, к экономке и личной помощнице миссис Уолтон, но все отводили глаза и говорили что-то о сложном нраве девочке.

И мне ничего не оставалось другого как целыми днями исследовать дом.

Дом был устроен так, будто кто-то однажды решил, что простор и уединение можно примирить. Восточное крыло жило: здесь топились камин, пахло чаем, углем, собаками, бумагой, полированным деревом, чистым бельем. Здесь стучали шаги служанок, открывались и закрывались двери, горел свет, говорили в полголоса. В утренней гостиной стоял рояль, накрытый серым чехлом. В школьной комнате низкие полки с книгами, глобус, коробка с карандашами, карты и детская мольбертная доска. В библиотеке темное дерево, ковры, старые кресла и запах кожаных переплетов, который я сразу полюбила.

Западное крыло, напротив, было закрыто. Как-то раз после обеда я не сдержала своего любопытства, и, пройдя длинную галерею с высокими стрельчатыми окнами, дошла до закрытого крыла. К нему вела тяжелая дубовая дверь, которая открылась со скрипом. Я медленно пошла по сумрачному коридору под звуки своих шагов. Это место было выключено из жизни. Камин не топили. Шторы были опущены. Воздух стоял холодный, затхлый, с запахом пыли, давно не проветривавшихся тканей и ушедшего времени.

Под ногами хрустел пыльный ковер. На стенах висели выцветшие гравюры с охотничьими сценами — лошади, лисы, собаки в прыжке, красные камзолы, скачка по полям. Все в этом крыле говорило не о смерти, а о заброшенности. Как будто когда-то здесь тоже была жизнь, яркая, шумная, богатая, просто однажды ее решили сдвинуть в сторону и оставить стареть без свидетелей.

Я шла дальше.

В конце коридора оказалась старая комната, круглая по форме, с тремя окнами и поблекшими голубыми обоями, на которых едва проступали рисунки птиц и цветов. Пыль лежала на подоконниках таким толстым слоем, что в ней можно было писать пальцем. На стене висело поблекшее зеркало, в котором отражалось окно и мое бледное лицо, вдруг показавшееся совсем чужими.

И именно здесь я увидела узкую боковую дверь. Осторожно открыв ее, я увидела, что она вела на маленькую лестницу. Деревянную. Крутую. Почти скрытую за обшивкой стены.

Я спустилась по ней и неожиданно оказалась в саду. Он был заросшим, диким и прекрасным.

Когда-то, вероятно, здесь был розарий или маленький декоративный парк. Теперь же дорожки почти исчезли под травой, сирень росла как хотела, каменные вазоны накренились, плющ захватил часть стены, а в центре стояло старое дерево, раскидистое, с толстыми ветвями, еще не полностью одевшимися молодой листвой.

Ветер был тише, чем на открытых полях. Пахло влажной землей и цветами. Птицы здесь пели особенно звонко, как будто этот уголок дома уже давно не принадлежал людям и потому снова стал их царством.

Я остановилась.

И только тогда заметила движение в ветвях.

Сначала мне показалось, что это птица. Или кошка. Но нет.

На широкой ветке, метрах в двух над землей, сидела девочка.

Светлые локоны. Бледное лицо. Голубые глаза, огромные и почти прозрачные в зелени листьев. Тонкие ноги в белых чулках свисали вниз. На ней было простое светлое платье, и вся она напоминала фарфоровую куклу, которую кто-то слишком небрежно оставил на дереве.

Мы смотрели друг на друга молча.

Она не испугалась. Я тоже.

— Так вот где прячется мисс Кэти Ашборн, — улыбнулась я, приближаясь к дереву.

Глава 7. Девочка на дереве

— Так вот где прячется мисс Кэти Ашборн, — улыбнулась я, приближаясь к дереву. Девочка не ответила.

Она сидела на широкой ветке так спокойно, будто это место принадлежало ей по праву рождения, и никто на земле не мог потребовать, чтобы она слезла. Светлые локоны лежали на ее плечах, белые чулки чуть морщились на коленях, а в огромных голубых глазах не было ни детской паники, ни стыда, только настороженная, холодноватая оценка. Такими глазами, смотрят не дети, а маленькие старики.

— Вы не должны были меня искать, — строго произнесла она.

Голос ее оказался тихим и ясным, очень английским, с тем правильным выговором, который взрослые вбивают в ребенка задолго до того, как он поймет смысл многих произносимых слов.

— А я и не искала, — улыбаюсь. — Просто гуляла и увидела, что на вашем дереве уже кто-то живет.

В уголках ее губ мелькнуло что-то похожее на недоверчивое удивление.

— Уходите! Это не ваше дерево.

— Я не претендую.

Она помолчала.

Потом с достоинством сообщила:

— И на него нельзя забираться всем подряд.

— Вот как? — хмыкаю.

— Да.

Я подняла голову и посмотрела вверх.

Дерево было старым, сильным, с толстыми ветвями, покрытыми молодой, еще нежной зеленью. Не чинара или жакаранда, по которым я, бывало, лазила в Лаосе, но тоже вполне сойдет.

Я положила ладонь на ствол дерева. Не думая больше, я подхватила юбку и начала карабкаться вверх.

— Что вы делаете? — ахнула Кэти, впервые за весь разговор по-настоящему удивившись.

— Как видите, нарушаю ваше правило, мисс Кэти.

— Вы не сможете.

— Это мы еще посмотрим.

Ветка была скользкой от сырости и мха, но тело мое вдруг вспомнило старую ловкость, которой я не пользовалась так давно, что уже почти считала ее утраченной. Через минуту я уже сидела напротив девочки, придерживая рукой шаль и стараясь не думать о том, как нелепо, должно быть, выгляжу со стороны: взрослая учительница в сером платье и очках, забравшаяся на дерево ради знакомства с ребенком.

Кэти смотрела на меня во все глаза.

— Вы же старая! Да, к тому же учительница!

Я с важностью расправила юбку и отряхнула рукав пиджака.

— Значит, у меня есть шанс показаться вам не совсем отвратительной.

— Я этого не говорила.

Некоторое время мы сидели молча.

Отсюда сад леди Ашборн выглядел совсем иначе. Видно было старую каменную стену, ползаросшую плющом. Озеро внизу. Кусты сирени. Темную линию дальних деревьев. И небо, высокое, чистое, почти весенне-ласковое.

— Как же красиво! — вздохнула я, любуясь открывшимся видом. — Теперь я понимаю вас, мисс Кэти, почему вы предпочли этот заброшенный сад и это дерево. Вид здесь по-настоящему сказочный.

Она молчала, и потому я продолжила.

— В детстве я тоже часто лазила по деревьям, и за это моя нянюшка ох как ругала меня.

— У вас была няня? — вскинула девочки в удивлении брови.

А я прикусила губу. Могла ли быть у настоящей Жослин в детстве няня? Таких подробностей я не знала. Но мне хотелось как-то разговорить девочку. Она продолжала смотреть на меня слишком серьезно и недоверчиво.

— Отсюда видно такое чудесное озеро. Наверняка на нем было бы очень приятно покататься на лодке? Вы катались на лодке, мисс Кэти?

Девочка перевела взгляд вдаль, туда, где в лучах весеннего солнца золотились воды озера.

— Да, но очень давно, — ответила она после короткой паузы.

— Хочешь, мы как-нибудь вместе покатаемся? — предложила я, подсаживаясь чуть ближе.

Но это вызвало взрывную реакцию.

- Не хочу! Отстаньте от меня!

И с ловкостью, которой могут позавидовать обезьяны джунглей, мисс Кэти перепрыгнула на другой сук и очутилась на земле. Через мгновение она уже скрылась в густых зарослях боярышника.

Я вздохнула. Что ж, первое знакомство вышло не очень. Но хотя бы я теперь понимаю, что имел ввиду мистер Джойс, когда описывал свою бывшую ученицу. Сирота, живущая со строгой и холодной бабушкой, в доме, который слишком большой и пустой для такой маленькой девочки. Мистер Джойс рассказывал, что сам оставил это место, так как его назначили директором в школе, а вот остальные учительницы похоже действительно просто бежали, не выдержав тяжелого характера девочки.

Но, возможно, путь к ее сердцу все-таки существует. И я должна отыскать его.

Помимо миссис Грей, экономки, и миссис Уолтен, помощницы леди Ашборн, в доме жила некая мисс Эми Дженкинс.

Юная особа лет восемнадцати, приходившаяся миссис Уолтен внучкой. Она недавно вернулась из закрытого пансиона для благородных девиц, цитировала немецких классиков, и в целом держала себя с заносчивым высокомерием.

Когда меня представили ей, она окинула меня быстрым взглядом, в котором я сразу прочитала, насколько выше по статусу она себя считает.

Леди Ашборн находила общество этой особы приятным и каждый вечер приглашала ее в гостиную, выпить чай и почитать что-нибудь из Шиллера. Рядом с хозяйкой поместья мисс Эми Дженкинс менялась до неузнаваемости. Голос ее менялся, становился медленным и ласковым, как у мурчащих кошек, взгляд светло-голубых глаз теплел, она окружала пожилую леди заботой, на которую так падки старики.

В тот день она застала меня у школьной комнаты, где я безуспешно пыталась убедить мисс Кэти хотя бы сесть к столу.

Девочка уже исчезла, оставив только раскрытый альбом и след грязного башмачка на ковре.

— Бесполезно, — хмыкнула Эми, прислонившись к двери. — Мисс Кэти всегда сначала смотрит, а потом решает, стоит ли вообще замечать нового человека.

— Благодарю за столь обнадеживающее замечание.

Она пожала плечами.

— Я лишь говорю правду.

— Что ж, это редкость в доме, где все так любят недомолвки.

Глаза ее чуть сузились.

— Вы быстро начали судить о людях, мисс Симоне.

— А вы — о мне.

Она улыбнулась.

— Вы не похожи на гувернантку.

— Это упрек?

— Наблюдение.

Эми медленно приблизилась ко мне. Я заметила, что она одевалась очень тщательно. Достаточно скромно, чтобы не навлечь упрек пожилой леди, но при этом выбирая платья самого модного кроя, выгодно подчеркивавшие ее красивые изгибы тела.

— Хотите, я дам вам одну подсказку, мисс Симоне? – улыбнулась она приветливо, но глаза ее оставались холодными. – После этой подсказки мисс Кэти полюбит вас, и вы не потеряете своего места.

Я напряглась.

- Подсказку, мисс Дженкинс? Что же это может быть?

Она наклонилась ко мне и заговорщицки прошептала:

— Вы же знаете, как строга леди Ашборн, не так ли? Никаких детских шалостей, никаких сладостей.

Эми сделала паузу, а потом выдохнула:

- А вы наверняка знаете, как дети любят сладости.

Я молчала, Эми выпрямилась и так же с улыбкой вышла из класса, оставляя после себя тонкий аромат жасмина, похожий на жасминовое масло, которое делали наши лао на плантации, разве что аромат, исходящий от Эми, был более резким.

Мне была неприятна Эми Дженкинс, я кожей ощущала исходящую от нее опасность. И все же после ее ухода задумалась.

В школе Святой Агнессы ученицам так же не давали сладостей, только на особые праздники вроде Рождества или Пасхи, ну и на престольный праздник капеллан выносил в корзинах яблоки в карамели.

И только я стала приносить в класс шоколадные конфеты, чтобы отметить чей-нибудь день рождения. Девочки очень радовались такому угощению. И в тот раз мне действительно удалось расположить к себе тех, кто еще смотрел на меня с недоверием. Но сработает ли такой подход с мисс Кэти?

Я поднялась и подошла к окну. Заканчивалась вторая неделя моего прибывания здесь. Утром миссис Грей намекнула, что, если уроки не начнутся в ближайшие дни, леди Ашборн даст мне расчет. И тогда я окажусь за дверью. Больше мне не у кого просить помощи, некуда идти. К мистеру Джойсу я не посмею обратиться, он и так сделал для меня слишком много.

В ближайшей деревне была маленькая лавка.

После полудня я сходила туда сама и купила коробку шоколадных конфет в красивой синей бумаге. Дорого, по школьным меркам, но не настолько, чтобы задуматься о подвохе. Кондитер завернул их с такой важностью, будто продавал не сладости, а украшение.

Вечером, когда воздух наполнился упоительным благоуханием первых цветов. Я прошла в тот заброшенный сад и села на траву под деревом. С собой я захватила бумагу для рисования и цветные мелки. Развернув одну конфету, отправляю ее себе в рот.

Шоколад был темный, чуть горьковатый, с ореховой начинкой.

Через несколько минут сверху тихо хрустнула ветка.

Я не подняла головы.

— Если это ловушка, то она довольно слабая, — раздался сверху голос Кэти.

Я чуть улыбнулась.

— А если это просто угощение?

— Меня обычно пытаются заманить книжками и нотациями.

— Полагаю, шоколад честнее.

Молчание. Потом шорох.

Когда я все же подняла глаза, девочка уже сидела ниже обычного, свесив ноги с ветки и смотря не на меня, а на коробку.

— Вы привезли их для себя?

— Разумеется. Я ужасно жадная.

Она спрыгнула так быстро, что я едва успела спрятать тревогу за улыбкой.

Через секунду уже стояла рядом, настороженная, серьезная, но явно заинтригованная.

Я протянула ей конфету.

Она взяла, развернула, быстро посмотрела на меня и только потом положила в рот.

— Хорошие, — сказала она после паузы.

— Приятно слышать, — говорю, едва сдерживая улыбку.

Я решила сделать вид, что не обращаю внимания на маленькую сладкоежку, и опустила глаза к рисунку, который уже начала.

Шуршание продолжилось. Потом пауза.

— Что это вы такое рисуете? — спросила девочка, выглядывая у меня из-за плеча.

Ее фарфоровые щечки были перепачканы шоколадом, а в красивых глазах впервые загорелось простое детское любопытство.

Я повернула к ней лист с рисунком.

- А на что это похоже, мисс Кэти?

Девочка задумалась.

- Хм... Какой-то лес и дворец...

Я улыбнулась.

- Это не просто дворец, а Храм Короля Обезьян, и это не лес, а заповедные джунгли, где не ступала нога человека.

Девочка молчала, во все глаза разглядывая причудливую крышу, золотые статуи обезьян, потрескавшиеся камни, сквозь которые пробивалась трава.

- А там есть сокровища? — спросила она шепотом.

- Конечно, — хмыкнула я, — видишь у обезьян зеленые глаза? Так это самые настоящие изумруды величиной с кулак.

- С кулак! — ахнула девочка, прижав руки к груди.

- Да-да, — улыбаюсь и понижаю голос, заглядывая в расширенные от удивления глаза мисс Кэти, — но и это не самое главное сокровище. В самой глубине в величественной зале на возвышении стоит трон, сделанный из чистейшего золота. И только истинное божество может сидеть на нем, а нечистых обычных смертных, кто возжелает прикоснуться к нему, поразит укус черной кобры. Но хочешь раскрою тебе одну тайну?

Девочка позабыла о шоколадных конфетах, жадно слушая каждое слово.

- Какую тайну? Какую, мисс? — вскричала она от нетерпения, подсаживаясь ближе.

- Только тише, — я поднесла палец к губам, — когда-то я сидела на этом троне и повелевала кобрами.

Девочка стиснула руки и посмотрела на меня. А я спустила с носа очки и улыбнулась.

- Я поняла, мисс, — прошептала она, едва дыша, — вы не учительница, вы — принцесса... Заколдованная принцесса!

Я приблизилась к ее уху и заговорщицки прошептала:

- Только обещайте мне, мисс Кэти, что никому и никогда не расскажите о моей тайне. Иначе в то же мгновение, когда кто-то узнает о том, кто я есть на самом деле, я обернусь птицей и улечу прочь.

- Да, конечно, мисс... то есть да, я поняла! Я никому и никогда не расскажу о вас. Только умоляю, нарисуйте тот самый золотой трон!

Мы сидели рядом на траве — женщина в сером платье и бледная девочка с фарфоровым лицом, и ели шоколад, рисуя и наслаждаясь нежными звуками весны.

Вечером, уже вернувшись к себе в комнату и переодевшись ко сну, я задумчиво смотрела в окно.

Да, сегодня я была неосторожна, рассказав об эпизоде своего прошлого, того самого прошлого, которое я так отчаянно пыталась скрыть. Но, с другой стороны, та жизнь на плантации в Лаосе иногда и в самом деле походила на волшебную сказку.

- Только с печальным концом, - грустно улыбаюсь в темноту.

Меня позвали сразу утром, едва я приготовилась идти на завтрак.

Миссис Грей вошла в библиотеку без стука впервые на моей памяти, и лицо у нее было таким, что я мгновенно встала.

— Леди Ашборн требует вас к себе. Сейчас же.

В комнате леди Ашборн пахло лавандой, лекарством и раздражением.

И у окна, чуть в стороне, я увидела Эми Дженкинс.

Ее лицо было безмятежно. Едва завидев меня, она чуть улыбнулась, но в глазах ее читалось злобное торжество.

Леди Ашборн сидела прямо, как судья.

— Вы дали ребенку шоколад? — спросила она сразу, пронзая меня ледяным взглядом.

Я не стала отпираться.

— Да, миледи.

Леди Ашборн медленно поднялась, ее лицо потемнело.

— Мисс Симоне, еще ни один учитель не допускал настолько вопиющую оплошность. Дать шоколад ребенку, у которого аллергия на сладкое. Это возмутительно! Немедленно покиньте этот дом!

Пальцы холодеют, а земля уходит из-под ног.

Глава 8. Испытательный срок

— Мисс Симоне, еще ни один учитель не допускал настолько вопиющую оплошность. Дать шоколад ребенку, у которого аллергия на сладкое. Это возмутительно! Немедленно покиньте этот дом.

Слова леди Ашборн прозвучали не громко.

Именно поэтому они ударили так сильно.

Комната будто застыла. Пахло лавандой, лекарством и теплой золой из камина. Кэти, укутанная в плед, сидела в кресле, бледная и покрытая красноватыми пятнами сыпи. У ее ног стояла миссис Уолтон с чашкой настоя. У окна, чуть в стороне, замерла Эми Дженкинс, и в этой ее подчеркнутой неподвижности было столько скрытого злорадства, что меня на мгновение бросило в жар.

Я ощущала, как горят мои щеки. Как сердце медленно и тяжело бьется в груди. Как все пространство вокруг стало тоньше, острее, почти стеклянным.

Мне следовало бы защищаться. Оправдываться. Сказать, что я не знала. Что меня ввели в заблуждение. Что кто-то посоветовал.

Но что-то во мне воспротивилось этой мысли.

Я знала: если сейчас попытаюсь переложить вину, стану в этом доме еще меньше, чем уже стала.

И потому я только произнесла:

— Простите меня, миледи.

Леди Ашборн смотрела так, будто отмеряла мою цену по каплям.

— Простить вас? — повторила она холодно. — Это слово слишком легко сходит с губ людей, которые не знают последствий собственной небрежности.

Я опустила глаза.

Тут дверь открылась, и в комнату вошел доктор.

Невысокий сухощавый мужчина в поношенном черном сюртуке, с серебряными очками и руками, пахнущими спиртом и мятой. Он поклонился хозяйке дома и сразу подошел к Кэти.

Мы молчали, пока он осматривал девочку. Доктор ощупал ей запястье, шею, посмотрел горло, лицо, спросил о дыхании и наконец выпрямился.

— Приступ неприятный, но не опасный, миледи, — сказал он. — К утру сыпь спадет. Пугает сильнее, чем вредит. Нужно только не давать сладкого и пару дней держать ее подальше от солнца.

Комната словно выдохнула.

Миссис Уолтон опустила плечи. Кэти незаметно уткнулась глубже в плед. Эми отвела глаза к окну.

Только леди Ашборн не изменилась в лице.

— Благодарю вас, доктор, — сказала она.

Он поклонился и вышел.

Наступила пауза. Очень долгая.

Я стояла, не шевелясь, и ждала приговора.

Наконец леди Ашборн медленно поднялась с кресла. Ее серые холодные глаза пронзали меня насквозь, словно иглы.

— Вы останетесь в доме до тех пор, пока я не найду вам замену, — произнесла она медленно. — Но отныне вы работаете здесь не по доверию, а на испытании. Любая следующая ошибка, и вы уедете в тот же день, мисс Симоне. Понимаете меня?

— Да, миледи, — отвечала я с поклоном.

— Хорошо.

Она перевела взгляд на Эми.

— Мисс Дженкинс, вы проводите мисс Симоне до комнаты.

Эми слегка побледнела.

Я поняла, что ей совсем не по вкусу быть приставленной ко мне, да еще в такой момент.

— С удовольствием, миледи, — сказала она, однако голос ее был чересчур ровным.

В коридоре она заговорила первой.

— Вам необыкновенно повезло, мисс Симоне.

Тон был вежливый. Слишком вежливый. Как тонкий нож, обернутый лентой.

— Вы так считаете?

— Разумеется. Обычно бабушка... — Она осеклась. — То есть миледи не оставляет в доме тех, кто причиняет вред ребенку.

Я остановилась и повернулась к ней.

— Вы очень заботитесь о ребенке, мисс Дженкинс.

Она улыбнулась.

— Все в этом доме заботятся о мисс Кэти.

— Странно. Потому что никто не считал нужным предупредить меня о ее слабости к шоколаду. А вы даже советовали предложить его девочке.

Ее губы дрогнули.

- Конечно я посоветовала, но мне и в голову не приходило, что вы побежите сразу покупать конфеты для мисс Кэти. Это такой странный поступок, мисс Симоне.

Мы стояли друг напротив друга в длинном пустом коридоре, где пахло полировкой, старыми коврами и сквозняком из западного крыла. Весенний свет уже уходил, и в окнах мутнел ранний вечер. На лице Эми играла та самая улыбка, которой женщины прикрывают свою вражду.

Внутри нарастала ярость. Та самая ярость, которая заставляла меня совершать в прошлом необдуманные поступки. Но сдержать ее я была не в силах – кровь горячим ключом била в висках.

Я резко шагнула к мисс Дженкинс, оказавшись к ней лицом к лицу. В нос ударил искусственный запах жасмина.

- Имейте в виду, мисс Дженкинс, - заговорила я совершенно другим тоном, - что я не люблю, когда из меня делают дуру. И если вы думаете, что я спущу вам с рук подобные выходки, то вы весьма глупы.

Под силой моего взгляда Эми быстро заморгала и отступила, явно растерявшись. Видимо избалованная внучка личной помощницы решила, что нашла в моем лице смиренную жертву, над которой она сможет издеваться. Но мой тон и мои слова поразили ее.

- Вы просто гувернантка, - зло усмехнулась она, сбросив наконец маску, - обычная служанка. Сегодня вы, завтра – другая.

Я улыбнулась и покачала головой.

- Но и вам не стоит забывать, мисс Дженкинс, что такие люди, как леди Ашборн, могут сколь угодно раздавать привилегии своим приближенным, но никогда не забудут, что вы – всего лишь родственница прислуги. И кстати, мисс Дженкинс, вы ведь не работаете, так? То есть вы к тому же еще и нахлебница.

На этот раз она побледнела уже по-настоящему.

Но тут же выпрямилась.

— Вы не продержитесь здесь долго.

— Возможно, — ответила я. — Но пока я здесь, постарайтесь хотя бы не подводить свою бабушку таким дешевым коварством.

Ее глаза вспыхнули. Она ничего не сказала в ответ. Только резко развернулась и пошла прочь по коридору

Я смотрела ей вслед и думала: да, теперь у меня действительно появился враг.
Этим вечером ужин подали мне в комнату.

Миссис Грей объяснила это сухо и почти оскорбительно-вежливо:

— Миледи полагает, что после случившегося вам лучше отдохнуть и не смущать дом своим присутствием.

Я поблагодарила ее так спокойно, как только могла.

Но, когда за ней закрылась дверь, позволила себе бессильно опуститься в кресло и закрыть лицо руками.

Слишком много всего в этом доме решалось без слов. Холодом. Интонацией. Поворотом головы. Паузой.

В Лаосе люди кричали, плакали, били посуду, спорили и проклинали. Здесь же могли унижить так, что даже голос не повышался.

Я долго сидела у окна.

Мне следовало бы чувствовать облегчение. Я ведь осталась. Не изгнана. Еще не выброшена за ворота.

И все же внутри было тяжело.

Не от страха. Не от стыда. А от той почти детской усталости, которая приходит, когда ты на мгновение поверил, что нашел дорожку к чьему-то сердцу, а потом снова оказался один у закрытой двери.

Когда я уже собиралась гасить лампу, в дверь тихо стукнуло что-то маленькое.

Я вздрогнула.

Открыла дверь.

На пороге лежала синяя конфетная обертка, сложенная очень аккуратно.

И рядом маленький сиреневый цветок, сорванный, должно быть, у старого дерева.

Я долго смотрела на эти две вещи.

Потом очень осторожно взяла их в ладонь.

Кэти.

Значит, все не напрасно. Значит я все-таки здесь остаюсь.

Глава 9. Секрет мисс Кэти

Утро стояло ясное.

То самое английское весеннее утро, которое не кричит о своей красоте, как Лаос, а раскрывается тонкими касаниями: бледным золотом на траве, каплями росы в молодой листве, легким паром над клумбами, запахом мокрой земли и сирени, и птичьим щебетом, еще осторожным, но уже все более уверенным.

Я сидела у круглого стола под окнами утренней гостиной и сортировала тетради, хотя в доме леди Ашборн никаких тетрадей мне пока еще не поручали. Скорее это было занятие для собственных рук.

Я подняла глаза, услышав шаги по гравии.

Кэти шла по дорожке между клумбами с таким видом, будто делает мне большую честь своим появлением. На ней было синее платье с белым воротничком, светлые волосы мягко блестели в утреннем свете, а в руках она держала веточку цветущего терна.

Остановилась в трех шагах от меня.

— Доброе утро, мисс Симоне.

Голос звучал нарочито спокойно.

Я не удержалась от улыбки.

— Доброе утро, мисс Ашборн.

Пауза.

— Вы не очень сердитесь? — спросила она, глядя куда-то мимо меня, на кусты роз.

— За что именно?

Она помолчала.

— За то, что я взяла шоколад и не сказала.

— Сердиться на детей за то, что они любят сладкое, было бы несколько поздно, мисс Кэти.

Она перевела на меня быстрый взгляд.

— Но бабушка вас наказала.

— Да.

— И вы все равно остались.

— Как видите.

Кэти поджала губы и задумалась, потом произнесла:

— Мой пони сегодня опять укусил конюха. Хотите я покажу вам своего Принца?

— Полагаю, — сказала я наконец, — это означает приглашение?

Впервые за всю эту сцену у нее в глазах мелькнула живая искра.

— Может быть.

Я встала.

— Тогда я, пожалуй, приму его, пока вы не передумали.

Конюшни пахли сеном, кожей, навозом, овсом и теплыми крупными животными. Этот запах неожиданно ударил мне прямо в сердце, не болью, а почти облегчением. В нем было что-то древнее, домашнее, вне времени. Лошади пахнут почти одинаково в любой стране, и на миг мне показалось, что между Лаосом и Англией протянулась тонкая, но живая нить.

Кэти тащила меня дальше в стойла.

— Он там, — проговорила она, задыхаясь от быстрого шага.

Он оказался маленьким пони цвета темного меда с черной гривой, большими настороженными глазами и упрямо прижатыми ушами. Стоило ему увидеть Кэти, как он дернул головой, переступил копытами и фыркнул с таким выражением, будто заранее не согласен ни с чем, что предложит мир.

— Его зовут Принц, — торжественно представила Кэти пони.
Я улыбнулась.

— Очень смелое имя для существа такого роста.

Она бросила на меня почти оскорбленный взгляд.

— Он не маленький. Просто компактный.

Я не сдержала смеха.

— Простите. Тогда, безусловно, у вас очень внушительный и грозный скакун.

Принц подошел и уткнулся теплым носом мне в ладонь. Потом попытался потянуть зубами край моего рукава.

— Вот видите, — строго сказала Кэти, — он вас уже любит.

— Или проверяет на съедобность.

— Он так делает только с хорошими людьми.

Мы провели вместе целый день, и после обеда Кэти даже согласилась сесть за парту и прописать несколько французских глаголов.

Я наблюдала за ее склоненной над тетрадкой головкой и не могла сдержать радостной улыбки.

Постепенно, капля за каплей этот дом начал меня принимать. И в сердце затеплилась надежда, что хотя бы на короткий срок я смогу найти себе тут убежище.

Чарльз Джойс приехал в субботу.

Я увидела его еще из окна школьной комнаты, хотя теперь это уже была не школьная комната, а светлая малая гостиная восточного крыла, где я занималась с Кэти чтением, письмом и рисованием. По утрам здесь было особенно много света: он стекал с высоких окон на темный паркет, касался старых глобусов, коробок с карандашами, шелковых занавесей и бледного овального лица самой Кэти, когда она, нахмурившись, выводила буквы своим четким, слишком взрослым почерком.

В тот день мы складывали из цветной бумаги маленькие корзинки для первоцветов, и я уже начала подозревать, что искусство вырезать ровные полоски не является природным дарованием мисс Кэти. Она держала ножницы с таким выражением лица, будто оказывает бумаге огромную милость, вообще соглашаясь ее трогать.

Потом Кэти подняла глаза. Посмотрела туда же, куда смотрела я. И, заметив машину, въезжающую в аллею, мгновенно оживилась так, как оживлялась редко.

— Это мистер Джойс.

Через несколько минут он уже шел по коридору быстрым шагом, все так же неся под мышкой папки, письма и, кажется, половину всего, что, по его мнению, нельзя было оставить без внимания даже в выходной день. Весенний воздух сделал его моложе: лицо было оживлено, в глазах светилась та теплая, чуть смущенная энергия, которая шла ему гораздо больше, чем строгая школьная деловитость.

Он вошел, поклонился мне и тут же обратился к Кэти:

— Надеюсь, мисс Ашборн не слишком мучает мисс Симоне своим блестящим характером?

Кэти чуть пожала плечами.

— Сегодня я была почти образцовой.

— О, тогда мне явно повезло приехать в исторический момент, — заметил он.

Я увидела, как уголки губ девочки чуть дрогнули.

Чарльз Джойс умел говорить с ней так, будто не боялся ни ее молчания, ни упрямства. Именно поэтому, вероятно, она и позволяла ему оставаться в числе немногих взрослых, которых еще не сочла скучными.

Он пробыл с нами недолго. Поговорил с Кэти о книгах, посмотрел ее почерк, похвалил рисунок пони, изображенного как нечто среднее между античным конем и разъяренной кошкой, а потом, уже выходя, обернулся ко мне.

— Если вы не заняты после чая, мисс Симоне, — сказал он, — я хотел бы показать вам с мисс Кэти то место, о котором недавно говорил. Склон за южным ручьем. Теперь он, наверное, в полном цвету.

— Если миледи не будет возражать, — ответила я.

— Бабушка не будет против! — тут же вмешалась девочка, вскакивая на ноги.

После чая мы пошли втроем.

Пешком, потому что день стоял такой ясный и мягкий, что грех было бы прятаться в машине. Воздух был прохладен, но в нем уже чувствовалась живая, настойчивая сладость молодой листвы. Над старыми яблонями кружились мелкие пчелы. На траве блестели капли, еще не до конца высохшие после ночной росы. И весь мир, казалось, был натянут тонкой струной ожидания: вот-вот что-то окончательно раскроется, распустится, станет собой.

Кэти сначала шагала рядом, но потом, как часто бывало с детьми, внезапно устремилась вперед, то к кусту с первыми цветами, то к низкой ограде, то к пони Принцу, которого вывели пастишь на ближнем лугу. Ее белая шляпка мелькала впереди, как большой цветок.

Мы с Чарльзом шли чуть позади.

— Что она любит? — спросила я вдруг.

Чарльз повернул голову.

— Кэти?

— Да.

— Лошадей. Воду. Истории. Зброшенные части дома. И очень не любит, когда ее жалеют.

Я смотрела на светлую головку девочки у ручья.

— А родителей она помнит?

В лице Чарльза что-то изменилось.

Не резко. Но тень появилась.

— Немного, — ответил он после паузы. — Или ей кажется, что помнит.

— Вам известно, что с ними случилось?

Он молчал дольше, чем следовало бы для простого ответа.

Потом сказал:

— Я знаю только то, что ее отец умер очень молодым. А мать... исчезла.

Я почувствовала, что это не вся правда. Но спрашивать дальше не стала.

Чарльз продолжил уже тише:

— В этом доме не любят говорить о происхождении Кэти.

— Потому что она незаконнорожденная?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вы очень быстро понимаете то, о чем другие предпочитают молчать.

— Мне кажется, такие дети всегда чувствуют, что вокруг них слишком много недоговорок.

Он ничего не ответил.

Кэти уже бежала к нам обратно, прижимая к груди несколько цветков.

— Это вам, — сказала она и всучила мне пучок весенней эрики так резко, будто это не подарок, а приказ.

— Благодарю.

— Только не засушивайте, — строго предупредила она. — Цветы надо либо любить живыми, либо не трогать вообще.

Я чуть улыбнулась.

— Постараюсь следовать этому правилу, мисс Ашборн.

Она кивнула с видом человека, который дал важнейший жизненный совет.

Чарльз провел нас по холму, и далее по склону. Он рассказывал о школе Святой Агнессы, о моем классе, о том, что им завезли велосипеды.

- Вы умеете кататься на велосипеде, мисс Симоне? – спросил он, смущенно улыбаясь.

- Нет, - честно отвечала я.

- Если пожелаете, я мог бы научить вас. Уверяю, это очень приятное занятие. Очень бодрит.

- Было бы неплохо, - смеюсь в ответ.

Лицо мистера Джойса просияло.

- Тогда в следующую субботу, если вы, конечно, будете не заняты, мисс Симоне?

- Конечно, - отвечаю я.

Мы провели вместе весь день, собирая цветы, смеясь и рассказывая друг другу истории.

На следующее утро мы с Кэти делали цветы из папье-маше.

День был теплый. Окна школьной комнаты стояли широко раскрытыми. На столе лежали ножницы, клей, краски, проволока и листы цветной бумаги. Кэти сосредоточенно вырезала лепестки, высунув кончик языка, и это неожиданно сделало ее по-настоящему ребенком.

— Для чего вам столько цветов? — удивилась я.

— Я хочу украсить рамку.

— Какую рамку?

Она помолчала.

Потом ответила:

— Для фотографии.

- Для фотографии?

Кэти помедлила, но потом встала, подошла к комоду и вынула из верхнего ящика фотографию в потертой серебряной рамке.

Я взяла ее в руки.

С фотографии на меня смотрела женщина с короткими темными волосами, одетая вызывающе нарядно, с мундштуком в пальцах и тем выражением красивого лица, какое бывает у женщин сцены, знающих цену и аплодисментам, и мужчинам. Рядом с ней стоял совсем юный мальчик, не старше восемнадцати, тонкий, светловолосый, красивый той еще неустоявшейся красотой, которая слишком часто оказывается незащитной перед миром. Что-то в его лице было знакомым. Особенно в линии подбородка и выражении глаз.

Пальцы мои похолодели.

Я перевернула фотографию.

На обороте, чуть выцветшими чернилами, было написано:

«Моему Гарри от его Жужу,

как воспоминание о самой восхитительной неделе в Париже».

В глазах у меня потемнело.

— Кэти, — произношу очень тихо, боясь собственного голоса. — Твоего отца звали Гарри?

Она кивнула.

— Да.

Я посмотрела на нее.

— А какая у него была фамилия?

— Фейн, — ответила она просто. — Гарри Фейн. А что?

Фотография дрогнула у меня в руках.

Я упала на колени прямо у стола и закрыла лицо руками.

Глава 10. Тени прошлого

Я не знаю, сколько прошло времени.

Звуки вернулись не сразу, сначала тонкий скрип рамки на паркете, потом шорох бумажных лепестков, рассыпанных по столу, потом голос Кэти, чужой, испуганный, совсем детский:

— Мисс Симоне. Мисс Симоне, вам плохо?

Я не могла поднять лица. Спазм сдавил горло.

Гарри Фейн.

Светловолосый мальчик на фотографии смотрел на меня сквозь уплывающую тьму. Они не были сильно похожи с Эдвардом, и все же с первого взгляда можно было сразу понять, что они братья. Это был его род. Его кровь.

— Мисс Симоне!

Кэти стояла надо мной, бледная, растерянная, в одной руке она сжимала бумажный лепесток. В ее глазах застыл испуг, она не понимала, что делать с этим взрослым, которому вдруг стало плохо.

— Простите, мисс Кэти, - выдавила я, хватая ртом воздух. — У меня просто закружилась голова.

Девочка окинула меня недоверчивым взглядом, затем вернула фотографию в комод, бережно, и это движение, то, как маленькие руки положили серебряную рамку на место, как закрыли ящик, будто запирая на ключ целую жизнь, ударило меня сильнее всяких слов.

— Не плачьте, — сказала Кэти, не глядя на меня. — Я знаю, что папа умер. Но когда люди смотрят на меня и жалеют, я злюсь.

Я сглотнула. Но я жалею. Я жалею, Кэти. Только жалость моя не про тебя, а про нас всех.

Девочка уже стояла у окна, выпрямившись, как крошечная взрослая леди. Свет весеннего дня ложился ей на плечи, на тонкий профиль, на светлые локоны, и от этого она казалась еще более хрупкой и неправильной для всего того горя, которое уже успела пережить. Только теперь мне стало казаться, что в чертах ее личика было что-то едва уловимо похожее на ее отца, Гарри Фейна, и на ее дядю, Эдварда.

— Я не жалею вас, — сказала я после паузы.

— Нет?

— Нет. Я... — мне пришлось остановиться, чтобы голос не предал меня. — Я просто не люблю, когда хороших людей слишком рано отнимают у тех, кто их любил.

Кэти некоторое время молчала.

Затем подошла ближе и неожиданно серьезно спросила:

— Вы знали моего папу?

Вопрос ударил неожиданно и больно. Что я могла ответить? Нет, я не знала твоего отца, но мой старший брат, Даниэль, знал его, и он был той страшной силой, которая привела твоего отца к страшному концу. Нет, я не могла...

— Нет, — ответила я. — Я никогда не видела его живым.

Это была правда.

— Но вы говорили так, будто... — Кэти запнулась. — Будто знаете.

Я закрыла глаза на мгновение.

— Иногда, — произнесла я осторожно, — бывают лица, на которых слишком ясно написана судьба.

Кэти не поняла моих слов, но не стала добиваться объяснений.

— Мой папа был красивый, — сказала она тихо улыбнувшись. — Все говорят, что я похожа на него глазами. А дядя Эдвард говорит, что я такая же упрямая.

Чувствую, как бледнею. При имени Эдварда у меня вновь потемнело в глазах, но теперь я уже удержалась на ногах.

Я повернула голову слишком медленно, боясь собственного выражения лица.

— Кэти, твой дядя... он часто приезжает сюда?

Кэти покачала головой.

— Нет. Очень редко. У него всегда дела. Бабушка говорит, что мужчины семьи Фейн всегда уезжают по делам именно тогда, когда им следовало бы сидеть дома.

В этом сухом, почти взрослым тоном произнесенном замечании было так много от леди Ашборн, что я невольно бы улыбнулась, если бы сердце мое не сжималось все сильнее.

— А когда он был здесь в последний раз?

— Прошлым летом. На мой день рождения.

Она наконец оживилась и заговорила быстрее:

— Мы катались по озеру. Он сам греб. И разрешил мне держать весло, хотя миссис Уолтон сказала, что я уроню его в воду. Это он привез мне моего Принца и сказал, что научит меня держаться в седле лучше всех в графстве, когда вернется.

Я улыбнулась. Очень слабо. Потому что эта фраза была так похожа на Эдварда, что я почти услышала ее в его голосе.

Каждое сказанное Кэти слово отзывалось во мне странной, мучительной нежностью.

Он был здесь. Эдвард был здесь.

Ходил по этим дорожкам. Смеялся с этой девочкой. Смотрел на то же озеро, на которое теперь каждый день смотрела я.

Так близко.

И так бесконечно далеко.

— Он красивый, — повторила Кэти с убежденностью ребенка, выносящего окончательный вердикт. — И смелый. И не боится бабушки.

— О, это редкое достоинство, — поднимаю бровь, улыбнувшись слегка иронично.

Я вдруг увидела его так ясно, будто он стоял здесь, у порога школьной комнаты: темные волосы, сдержанный взгляд серых глаз, сильные руки, привыкшие держать поводья, книги и меня.

Меня...

Нет. Не меня. Киару Марэ, которая умерла. Которая лежит на морском дне Гибралтарского пролива.

Я медленно опустилась на стул, ощущая слабость в коленях. Осознание всей правды вдруг обрушилось на меня и оглушило. Получается, леди Ашборн не бабушка, а прабабушка для Кэти, а настоящая бабушка, мать Эдварда...

Судорожно стискиваю пальцы. Да, я помню, она сошла с ума после гибели сына и мужа.

— Мисс Симоне? — позвала Кэти, уже с ноткой нетерпения. — Вы сегодня какая-то очень задумчивая. Это скучно.

Я моргнула и, сделав над собой усилие, выпрямилась.

— Простите. Ваше замечание справедливо. Продолжим делать цветы?

Она кивнула, но еще долго поглядывала на меня исподтишка, словно пыталась понять, какую дверь в моей душе только что случайно приоткрыла.

Всю вторую половину дня я прожила как в тонком, зыбком тумане.

Я отвечала Кэти, исправляла ее французские упражнения, слушала, как она с удивительной серьезностью рассуждает о том, почему бумажные фиалки выходят убедительнее бумажных роз, и в то же время где-то глубоко внутри все продолжало звучать одно и то же: Гарри Фейн. Эдвард был здесь прошлым летом.

Когда урок закончился, я вышла в сад одна.

Небо было прозрачным и высоким. Солнце стояло уже довольно низко, мягко касаясь верхушек деревьев. По дорожкам тянулся запах нагретой земли, молодой травы и первых розовых почек, еще не раскрытых, но уже готовых к цветению. В дальних кустах кто-то из слуг развешивал на веревках белье, и белые простыни время от времени вздрагивали от ветра, точно призраки, которым наскучило молчать.

Медленно я дошла до озера.

Оно лежало внизу, тихое, гладкое, серовато-золотое под вечерним светом. Только у самого берега по воде пробегала слабая рябь, и в ней дрожали отражения ветвей.

Здесь он сидел с Кэти в лодке.

Здесь звучал его голос.

Я остановилась так резко, будто могла еще различить в воздухе след его присутствия.

Как странно устроено сердце. Оно учится терпеть разлуку, привыкает к мысли о невозвратном, смиряется, каменеет, даже находит в себе силы дышать дальше, и все же достаточно одного имени, одного сходства в детском лице, одной истории о лодке на озере, чтобы все прежнее поднялось изнутри с такой неистовой силой, словно ничего не прошло. Словно не было тяжелого расставания, ненависти и ошибок.

Я села на низкую каменную скамью у воды.

В памяти возникли слова Эдварда. Его голос, живой и сильный, полный боли и гнева:

— *Твой брат виновен в смерти моего брата.*

Я закрыла глаза.

Даниэль.

Даже теперь это имя отзывалось во мне не только сестринской любовью, но и чем-то тяжелым, смутным, как тень на дне колодца. Я слишком мало знала. Или, быть может, слишком многое боялась знать.

Солнце медленно уходило вниз. Вода темнела.

И мне вдруг стало страшно.

Не так, как бояться будущего, бедности или разоблачения. Иначе. Словно прошлое, от которого я столько бежала, наконец поднялось с земли и теперь медленно, неотвратно идет за мной следом по этим английским дорожкам, хрустящим гравием под ногами.

Ночью мне впервые за долгое время приснился Даниэль.

Я увидела его таким, каким он был когда-то, еще до всего: высоким, смеющимся, загорелым, с растрепанными волосами и тем беспечным блеском в глазах, который всегда тревожил отца и восхищал меня.

Мы стояли на веранде дома в Лаосе. Воздух дрожал от жары. За белыми колоннами густо темнела зелень сада, и жасмин полз по резным решеткам, наполняя вечер томительным, сладким ароматом.

— Киара, — сказал он, и голос его был живым, настоящим. — Не смотри на меня так.

— Как?

— Как на покойника.

Я хотела ответить, но не смогла.

Тогда он улыбнулся. Странной, усталой улыбкой, которой прежде у него не бывало.

— Ты всегда слишком поздно задаешь вопросы, маленькая сестра.

— Это правда? — выдохнула я наконец. — Это ты?..

Он не дал мне договорить.

Лицо его дрогнуло, как отражение в воде. Жасминовый вечер померк. Веранда исчезла.

Теперь была ночь. Ветер. Черная вода. Чьи-то крики вдалеке. А Даниэль стоял уже не на веранде, а на палубе, весь в холодном лунном свете.

— Ты опять не туда смотришь, — сказал он тихо.

— Даниэль!

Я шагнула к нему, но между нами вдруг выросла вода: темная, тяжелая, живая. Она поднималась все выше, заглушая голос, воздух, память.

Где-то за этой стеной мне слышался другой голос.

Эдвард. Джия. Отец. Пея. Парамит.

Тени прошлого...

И я проснулась.

Проснулась резко, с криком, с холодными руками и сердцем, бьющимся так, словно хотело разорвать грудь.

Комната была темна. За окном шумел ветер в листве. Где-то в доме пробило два часа.

Я села на постели, обхватив руками колени, и долго сидела так, прислушиваясь к собственному дыханию.

Сон не отпускал.

В нем было что-то не просто страшное, а предупреждающее. Словно прошлое не хотело больше оставаться погребенным и теперь искало путь обратно: через имена, лица, озеро, кровь, память.

Глава 11. Несчастный случай

После сна о Даниэле весь следующий день я прожила с тем странным ощущением, будто в воздухе что-то дрожит и ждет только одного неверного движения, чтобы сорваться.

Снаружи все оставалось на своих местах: серебристое утреннее небо над старыми вязами, чопорные часы в холле, отмеряющие время с упрямой английской точностью, запах чая, угля, лавандового воска и отполированного дерева. Но для меня в этих стенах теперь поселилось нечто иное — тревога. Она не имела ни голоса, ни лица, и все же сопровождала меня повсюду, как тень, которая на закате становится длиннее самого человека.

Тем временем весна уже почти перестала быть обещанием и становилась настоящей жизнью. В розариях леди Ашборн распускались первые бутоны, тонкие, туго свернутые, как пальцы девочки, не привыкшей доверять миру. Старый садовник мистер Эммет ворчал над рассадой, его жена сушила травы на кухонном окне, а в старом саду, куда вели потайные ступени западного крыла, сирень уже наполняла воздух терпкой, чуть пьяной сладостью. Дом, казалось, дышал мягче.

Даже камин топили теперь реже, и в коридорах стоял уже не зимний дух, а весенний запах открытых окон и старого дерева, прогретого наконец солнцем.

В эти дни я часто уходила в западное крыло и подолгу задумчиво бродила по пустым залам и галереям, заглядывая в мутные окна, за которыми цвел весенний сад. К пяти часам я возвращалась в гостиную, где всех уже ждал чай.

Войдя, я увидела, что перед Кэти лежала подарочная коробочка, которую девочка уже открыла, над ней, сладко улыбаясь, ворковала Эми Дженкинс:

- О, мисс Кэти, очень надеюсь, что эти шелковые ленты понравятся вам, - щебетала она, - я так волнуюсь. Я сама выбирала их. Эти оттенки так подойдут вашим голубым глазам.

- О, не волнуйтесь, милочка, - улыбалась леди Ашборн, - уверена, мисс Кэти очень довольна подарком, не так ли юная мисс?

Она остановила строгий взгляд на девочке. И та, чуть краснея, проговорила:

- Да, мисс Дженкинс, мне очень понравился ваш подарок. Благодарю.

В глазах Эми отразилось удовольствие от победы. В последнее время не проходило и дня, чтобы она не дарила Кэти какие-нибудь приятные мелочи. В ход шли ленты, цветные карандаши, новая книжка с картинками, бархатная подушечка для кресла в детской, обещание показать семейный альбом, если мисс Кэти будет хорошо себя вести, а однажды даже крошечный фарфоровый наперсток с нарисованной розой, совершенно бесполезный и потому необычайно привлекательный для ребенка.

Все эти подарки Эми дарила исключительно за чаем и исключительно в присутствии леди Ашборн. В этом и заключалась вся изощренность ее натуры. После нашей стычки она стала еще аккуратнее и еще опаснее.

Эми никогда не позволяла себе ничего, что можно было бы прямо назвать грубостью. Напротив, она сделалась почти неизменно любезна со мной, с той безупречной, сладковатой любезностью, которая похожа на тонкую перчатку, скрывающую острые ногти.

При леди Ашборн она стала появляться еще чаще.

То читала ей вслух, мягко и проникновенно, с тем особенным мурлыкающим тоном, которым некоторые женщины умеют услаждать старость; то собственноручно приносила плед, то выбирала для нее цветы в гостиную, то с заботливым видом напоминала миссис Уолтон о настойках, порошках, мазях, письмах и визитах. При этом она неизменно умудрялась вставить между делом что-нибудь невинное, но достаточно колкое, чтобы обозначить мою неловкость, мою чужеродность, мою неуместность в этом доме.

— Бедная мисс Симоне все еще не привыкла к нашим порядкам, миледи, — говорила она с мягкой улыбкой. — Не знаю, насколько это хорошо отразится на мисс Кэти.

Или:

— Мисс Симоне, конечно, так старается понравиться Кэти. Иногда, быть может, даже слишком старается.

При этом Эми совершенно невинно восхищалась прежней гувернанткой, умевшей, по ее словам, держать расстояние между собой и ребенком.

Кэти с детской радостью принимала ее подарки, правда, наигравшись с ними, бросала их на столе или на подоконнике. Они не заставили девочку привязаться к Эми. И тогда она пошла на решительный шаг.

Щенок появился в доме в четверг, сразу после завтрака.

Утро было тихое, теплое, в прозрачном воздухе уже стоял тот тонкий весенний свет, который делает старые английские усадьбы почти игрушечными: камень светлеет, стекла вспыхивают, молодая листва кажется полупрозрачной, а в тени сирени и бузины уже слышится жужжание первых пчел.

Мы с Кэти только что вышли из классной комнаты и собирались перейти в малую гостиную, где я обещала показать ей новую карту Франции, когда из холла донесся звонкий возглас Эми:

— Мисс Кэти! Скорее же! Я приготовила для вас сюрприз!

Кэти остановилась.

Я почувствовала, как в ее руке, лежавшей на сгибе моей ладони, что-то дрогнуло, не то удивление, не то радостное ожидание, которое дети тщетно стараются скрыть, когда им обещают чудо.

Мы спустились в холл.

Эми стояла у подножия лестницы, сияющая, нарядная, с почти праздничным выражением лица. У ее ног на ковре возился маленький бело-рыжий щенок с шелковистыми ушами и тем нелепо серьезным, доверчивым взглядом, который бывает только у совсем юных созданий.

Увидев Кэти, он тут же неловко заковылял к ней по ковру, поскользнулся, смешно шлепнулся на бок, но тотчас вскочил и, словно не желая признавать своего поражения, снова ринулся вперед.

Кэти ахнула.

Это был такой чистый, неподдельный звук, что даже я вздрогнула.

— Мне? — прошептала она, опускаясь на колени.

— Разумеется, вам, — пропела Эми. — Я подумала, что такой прелестной маленькой леди, как вы, обязательно нужен друг.

Щенок уже лизал пальцы Кэти, наступал на подол ее платья и размахивал хвостом так яростно, будто намеревался взлететь.

И в это мгновение на лице девочки произошло то редкое чудо, которое всегда трогало меня до глубины души: исчезла взрослая настороженность, исчезла холодная гордость, исчезла маска маленькой леди, и осталось только счастье. Самое простое, самое детское.

— Он настоящий, — сказала она благоговейно.

— Уверю вас, — заметила я, — это трудно не заметить.

Кэти подняла на меня сияющие глаза.

— Посмотрите, какой он чудесный!

— Несомненно, — согласилась я. — Хотя, по-моему, он уже составил о нас крайне независимое мнение.

Щенок тем временем пытался укунить кисточку на ковре и чихал от собственного усердия.

В холл вошла леди Ашборн. Она остановилась на пороге.

Ее взгляд скользнул по Кэти, по щенку, по Эми, и я физически ощутила, как в воздухе чуть изменилась температура.

— Мисс Дженкинс, — сказала она негромко. — Что это значит?

Эми тут же обернулась с таким видом, словно всю жизнь только и ждала случая проявить великодушие.

— Небольшой подарок для мисс Кэти, миледи. Я подумала, что ребенку в ее положении полезна привязанность к живому существу.

Это было сказано очень ловко, будто она действовала почти по медицинскому предписанию и единственно из заботы.

Леди Ашборн перевела взгляд на девочку, и в лице ее на одно мгновение проступило то редкое, почти невыносимое выражение, которое бывает у очень холодных людей, когда они любят слишком сильно и потому скрывают это особенно тщательно.

— Что ж, — сказала она наконец. — Раз уж животное уже здесь, было бы жестоко отослать его обратно. Но учтите, мисс Дженкинс: этот щенок не должен мешать порядку в доме.

— Конечно, миледи, — проворковала Эми.

В тот день уроки, разумеется, шли плохо.

Какой ребенок станет спокойно разбирать французские времена, когда в доме появился живой, теплый, мягко пахнущий молоком и соломой комочек счастья? Щенок, которого Кэти тут же назвала Блицем, носился по террасе, путался в собственных лапах, нападал на шнурки, трепал уголки ковриков и с уморительной серьезностью облаивал садовую лейку, как смертельного врага.

После обеда стояла такая ясная, такая ласковая погода, что леди Ашборн распорядилась подать чай на лужайке у озера.

Туда вынесли легкие кресла, плетеный столик, чашки тонкого фарфора, серебряный чайник, блюдо с несладким печеньем для мисс Кэти. Весенний свет лежал на траве широкими золотистыми пятнами. Озеро внизу блестело, как гладкий металл. Ветер шевелил верхушки камышей, и в этом ленивом шорохе было что-то убаюкивающее.

Кэти, получив разрешение поиграть неподалеку, бегала по траве со щенком.

Я сидела чуть поодаль от леди Ашборн и миссис Уолтон, следя за девочкой, как следят за огнем в камине: вроде бы он мирный, послушный, домашний, но стоит отвернуться — и беда.

Эми, как всегда, была возле хозяйки дома. Она сама разливала чай, подавала салфетки, наклонялась слишком близко, говорила слишком мягко и смотрела на Кэти с подчеркнутой улыбкой женщины, желающей, чтобы все заметили ее доброту.

— Щенок, кажется, пришелся мисс Кэти по сердцу, — заметила она.

— Посмотрим, насколько долго, — сухо отозвалась леди Ашборн. — Детские привязанности меняются столь же быстро, как погода.

Я перевела взгляд на девочку. Кэти бежала впереди с Блицем на руках, потом опускала его на землю, и тот несся кругами, падая, путаясь в траве, снова вскакивая и лая на собственную тень.

В следующую минуту все произошло так быстро, что память моя потом еще долго не могла восстановить точную последовательность.

Щенок вырвался вперед.

То ли его привлекла птица у воды, то ли блеск поверхности, то ли просто безрассудная радость движения, свойственная всем молодым существам. Он стремительно помчался вниз по склону, прямо к берегу.

— Блиц! — вскрикнула Кэти и бросилась за ним.

— Мисс Кэти! — крикнула я, уже вскакивая.

Щенок не остановился. Добежав до самого края, он на мгновение замешкался, заскользил по влажной траве и исчез.

Послышался всплеск.

Кэти даже не крикнула.

Она только дернулась вперед всем телом, как дергаются от страха дети, у которых мысль всегда опережает разум, и в ту же секунду прыгнула следом.

Помню, как леди Ашборн резко встала, опрокинув чашку.

Помню пронзительный голос миссис Уолтон.

Помню, как Эми вскрикнула: — Боже мой!

И ничего больше.

Потому что в следующий миг я уже бежала.

Сбросила туфли на ходу. Сорвала с плеч шаль. Подол платья путался в ногах, цеплялся, мешал дышать. Холодный воздух ударил в лицо, очки слетели, трава была мокрой, склон предательски скользким, и где-то впереди, в ослепительном блеске воды, мелькнуло синее платье Кэти.

А потом я прыгнула. Быстро, не раздумывая ни секунды.

Вода сомкнулась надо мной тяжелой, темной массой; платье сразу потянуло вниз, волосы прилипли к лицу, и на одну страшную долю секунды мне показалось, что я снова там, в той другой воде, среди паники, криков, гибели, прошлого. Озеро оказалось холоднее, чем я могла вообразить. От ледяного укуса тело на мгновение забывает, как дышать.

Я рванулась вперед, почти вслепую, чувствуя, как сводит грудь, как лед обжигает кожу сквозь ткань. Где-то справа мелькнула белая лапа щенка, отчаянно бьющая по воде, а чуть дальше светлое пятно, волосы, рука.

Кэти.

Она не боролась. Это испугало меня сильнее всего.

Я нырнула глубже, схватила ее за плечо, за ткань платья, выдернула к себе. Тело девочки было удивительно легким и вместе с тем безвольным, как у тряпичной куклы. Ее лицо ушло под воду, и я, задыхаясь, перехватила ее выше, прижала к себе, заставляя голову держаться над поверхностью.

— Кэти!

Она не ответила.

Берег был страшно далеко, или мне так казалось. Каждое движение давалось с усилием. Юбки тянули вниз. Ледяная вода резала грудь. В ушах шумело. Но где-то рядом уже были голоса, крики, чьи-то руки.

Кажется, садовник вбежал в воду по колено. Кажется, кто-то схватил щенка. Кажется, конюх помог мне дотянуться до отмели.

Я почти не помнила этого.

Помнила только, как вдруг земля оказалась под коленями, как я вытащила Кэти на траву, перевернула ее, откинула мокрые волосы с лица и увидела это лицо.

Белое. Совсем белое. С закрытыми глазами. С неподвижными губами.

У меня внутри что-то оборвалось.

— Нет, — мою грудь сотрясло рыдание. — Нет. Нет, нет, нет...

Я опустилась перед ней прямо в мокрую траву, не чувствуя холода, не слыша ничьих голосов. Кто-то пытался оттащить меня, кто-то говорил, что надо позвать доктора, кто-то плакал, но я уже не различала слов.

Я приподняла Кэти, перевернула, нажала на ее маленькую спину, потом снова уложила, растирая холодные руки, щеки, виски. Неумело, отчаянно, почти безумно.

— Кэти... Кэти, пожалуйста...

Голос мой сорвался.

Я наклонилась к ней так близко, что чувствовала на губах запах озерной воды и мокрых детских волос.

— Живи, — прошептала я. — Слышишь меня? Живи, маленькая... пожалуйста, живи... Слезы текли по моему лицу, смешиваясь с водой, и я уже не стыдилась их.

— Не смей уходить, — говорила я, почти не сознавая, что говорю. — Не смей... Я не вынесу еще одной смерти... только не ты... Господи, только не ты...

И вдруг кашель.

Слабый. Судорожный. Хриплый.

Из губ девочки вырвалась вода. Она дернулась, зажмурилась, задышала прерывисто, страшно, но задышала.

Я вскрикнула то ли от радости, то ли от облегчения, то ли от того, что сердце наконец разрешило себе снова биться.

— Кэти!

Она открыла глаза.

Затуманные, испуганные, еще не понимающие, где она и что произошло.

— Мисс... Симоне?.. — выдохнула она едва слышно.

Я засмеялась и заплакала одновременно, прижимая ее к себе так бережно, будто держала на руках не ребенка, а собственную душу, только что возвращенную с того света.

В следующую минуту нас окружили.

Миссис Уолтон упала на колени возле девочки с криком, в котором уже не было ни достоинства, ни самообладания. Леди Ашборн стояла неподвижно, смертельно бледная, и только по тому, как судорожно дрожали ее пальцы, можно было понять, чего ей стоило не потерять сознание. Эми замерла чуть в стороне, прижав обе руки к груди. Щенка кто-то уже завернул в плед; он тихо повизгивал, живой и целый.

— В дом, — резко сказала леди Ашборн, и голос ее прозвучал так, будто был выкован из металла. — Немедленно. Мисс Кэти в дом. Пошлите за доктором. Живо!

Конюх поднял Кэти на руки.

Она уже цеплялась за его сюртук, слабо, но упрямо, и, прежде чем ее унесли, успела повернуть голову ко мне.

Наши глаза встретились.

В ее взгляде было что-то новое.

Я устало улыбнулась. О, Небеса, я смогла. Сегодня я смогла спасти эту жизнь.

Холод вдруг навалился на меня весь сразу, чудовищный, пронизывающий, безжалостный. Меня затрясло так, что застучали зубы. Мокрое платье прилипло к телу ледяной тяжестью. В глазах потемнело.

Последнее, что я помню, как кто-то зовет меня по имени.

Не моему настоящему имени.

Тому, под которым я еще жила.

Глава 12. Розы и трепет сердца

Я возвращалась не сразу.

Сначала был только жар: густой, тяжелый, невыносимый, как будто кто-то запер меня в тесной комнате под палящим солнцем и не оставил ни одного окна. Потом приходили голоса. То уходили, то приближались, то растворялись в темноте, словно их несли через воду.

— Дышит?

— Пока да.

Мне снился Лаос.

Я шла по белой веранде дома Марэ и не слышала собственных шагов.

Ставни были распахнуты, но вместо сада за ними темнела не зелень, а дым. Пахло не жасмином, а мокрым пеплом. По длинному коридору медленно плыли тени: Пея с лампой, Парамита с венком в руках, мать в золотом сари, Джия в дорожной шляпе с вуалью. Я звала их, но они не оборачивались.

И только в самом конце коридора, у распахнутой двери в сад, стоял Эдвард. Светлый, как в самые первые дни, с серыми глазами, полными той жгучей нежности, от которой у меня всегда слабели колени. Приближается и склоняется к моим губам.

— Киара, - жарко выдыхает. — Где ты?

— Я здесь, - шепчу. — Эдвард, я здесь...

Когда я пришла в себя по-настоящему, за окном стояло утро.

Свет был бледный, мягкий, и, прежде чем я поняла, где нахожусь, мне показалось, что это Лаосский рассвет, только слишком тихий, без гула цикад и без звона воды в каменных чашах. Потом я увидела низкий потолок, маленькое окно, грубые занавески и поняла, что это не дом Ашборнов.

Я лежала в узкой кровати у стены.

Комната была бедной, но чистой. Беленые стены. Небольшой стол. Очаг. Два деревянных стула. На подоконнике глиняный кувшин с водой и небольшой букетик весенних цветов. Рядом с ним лежала детская картинка, раскрашенная неровной рукой: лошадка, дом, солнце и крошечная девочка в синем платье.

Я моргнула.

— Кэти...

Голос вышел хриплым и слабым.

Скрипнула дверь.

В комнату вошла женщина средних лет, плотная, круглолицая, с усталым, но добрым лицом. Это была жена садовник, миссис Эммет. В руках она несла миску и ложку.

— Ну вот и славно, — сказала она, ставя все на стол. — Очнулись наконец. А я уж думала, вы и дальше будете спорить с жизнью.

Я попыталась приподняться, но голова тут же закружилась.

— Где я?

— В сторожке при саде, мисс. Доктор велел не везти вас в большой дом. Боялись, что вы простудились так, что от вас еще и другие подхватят. Особенно мисс Кэти.

Я закрыла глаза, с облегчением откидываясь обратно на подушки.

Значит, Кэти жива.

Эта мысль ударила в меня так сильно, что я едва не заплакала снова.

Женщина, заметив это, произнесла:

— Не пугайтесь. С девочкой все хорошо. Испугалась она, да. Но уже ходит. И все твердит, какая вы храбрая, что вы ее спасли.

Я медленно повернула голову к букету на подоконнике.

— Это от нее?

— Да. И картинку сама сделала. Сказала, что вы любите лошадей.

Я дотронулась до грубой бумаги кончиками пальцев, как до чего-то бесконечно драгоценного.

— Спасибо... — выдохнула я. - Сколько... сколько я болела?

Миссис Эммет вздохнула и поправила край одеяла.

— Почти три недели, мисс.

Три недели.

Я закрыла глаза. Мир качнулся.

Три недели вырванной жизни.

Миссис Эммет принесла бульон и подала мне ложку.

— Пейте бульон, пока теплый, мисс, - тепло улыбнулась она.

Я послушно сделала несколько глотков.

— Да, вы всех нас напугали, - качала она головой. – Особенно мистера учителя. В первые дни не отходил от вас ни шаг. Так переживал, что мы боялись с моим Питером, как бы он сам тут тоже не слег.

- Мистер учитель? – удивилась я, поднося очередную ложку бульона ко рту. – Вы имеете в виду мистера Джойса?

- Его самого, - кивнула миссис Эммет.

Легкая улыбка коснулась моих губ. Милый мистер Джойс. Он слишком добр ко мне. А я... Никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня.

Следующие дни слились в медленное, мутное течение.

Лихорадка то отступала, то возвращалась. Иногда я могла сидеть, иногда вновь проваливалась в полусон. Миссис Эммет приносила мне еду, меняла воду, поправляла одеяло и разговаривала со мной так, будто мы давно знакомы.

Она была женщиной прямой, без излишней нежности, но в ней чувствовалась та редкая сила, которая исходит от людей, умеющих заботиться не словами, а делом.

— Вы слишком рано стараетесь встать, — говорила она. — Тело упрямое, но его надо уговаривать, а не торопить.

— Я не люблю быть бесполезной, — отвечала я однажды.

Конечно же пришел мистер Джойс. Увидев, что я уже встаю, он потрясенно замер в дверях.

- Мисс Симоне, разве вам можно уже подниматься? – выдохнул он, сжимая в руках шляпу.

Я бодро улыбнулась, выпрямляя спину.

- Конечно же! Я совсем здорова. Смотрите!

Мир качнулся, и я чуть не упала. Мистер Джойс подскочил ко мне, придерживая за плечи.

— Осторожно. Вот так. Не геройствуйте, мисс Симоне.

А мне почему-то стало смешно от собственной неуклюжести, от его такого заботливого голоса и дрожи в руках, которыми он прижимал меня к себе.

Я откинула голову и засмеялась, кажется, впервые за очень долгое время.

Мистер Джойс сначала растерялся, во все глаза смотря на меня. Но потом тоже засмеялся.

И вот однажды утром миссис Эммет сказала:

— Ну что ж. На сегодня хватит комнаты. Пора вам подышать садом.

Я остановилась на пороге сторожки, опершись на ее руку.

Воздух был мягким, почти теплым.

Июнь уже вступил в свои права: трава поднялась выше, кусты разрослись, клумбы налились густыми красками.

Розы распустились так пышно, будто весь сад наконец вспомнил, ради чего был посажен. Белые, розовые, алые, они стояли вдоль дорожек живыми облаками, и ветер приносил их запах волнами, то сладкими, то терпкими.

Я сделала несколько шагов и замерла. Так сладостно и томительно было наблюдать за красотой вокруг. После болезни красота природы почти пугала. Я шла медленно, очень медленно, и чувствовала, как слабость еще живет в коленях.

Я дошла до низкой каменной стены и, чуть отдышавшись, опустила ладонь на теплый камень.

И тогда услышала быстрые шаги.

— Мисс Симоне!

Я подняла голову.

Ко мне по дорожке бежала Кэти.

Она была в светлом платье, с лентой в волосах, румяная, оживленная, и в эту минуту в ней было столько радостной энергии, что я невольно улыбнулась сквозь слабость.

Она остановилась передо мной почти в последний миг, словно боялась напугать меня своим порывом.

— Вы вышли! — выдохнула она. — Я так ждала! Я каждый день спрашивала, можно ли вас увидеть, и молилась, чтобы вы скорее поправились.

У меня перехватило горло.

— Мисс Кэти...

Она схватила меня за руку обеими ладонями.

— Я очень испугалась, — быстро сказала она, стараясь не расплакаться. — Когда вас унесли, я думала, что вы тоже можете умереть. Как... как мой папа.

Я опустилась перед ней на колени и чуть обняла за плечи.

— Я жива, — тихо сказала я. — Видишь? Я здесь.

Она кивнула и вдруг смутилась, будто призналась в чем-то слишком личном.

— Я так молилась о вас, — прошептала она. — И еще о Блице. И о том, чтобы вам наконец стало лучше.

Сердце защемило от мучительной нежности. Я коснулась пальцами ее личика.

— Спасибо.

Кэти посмотрела на меня так, словно хотела сказать еще тысячу слов, но вместо этого резко выпрямилась и почти торжественно произнесла:

— Мисс Симоне, у меня для вас очень важная новость.

Я удивилась.

- Что же это может быть?

Она понизила голос, хотя вокруг не было никого, кроме ветра и роз.

— Приехал дядя Эдвард.

Я перестала дышать. Воздух исчез. Звуки исчезли. А сердце замерло и не хотело снова биться.

Эдвард.

Здесь.

В этом доме.

Сейчас.

— Что?.. — едва слышно произнесла я похолодевшими губами.

— Он приехал вчера вечером, — быстро заговорила Кэти, не замечая, как меняется мое лицо. — Ему сообщили, что со мной случилось несчастье. И теперь они все собрались в гостиной и ждут вас.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Зачем?

Кэти удивленно моргнула.

— Чтобы поблагодарить вас за мое спасение, конечно же! Я уже все рассказала дяде Эдварду, о том какая вы храбрая и замечательная!

Кэти все еще что-то говорила, но я уже почти не различала ее слов.

Я медленно поднялась.

Пальцы мои непроизвольно сжали шпалеру у стены, увитую розами.

Лепестки были нежные, почти прозрачные. Шипы острые. Они впились в мою руку до крови, только я не чувствовала боли.

В сердце билось только одно:

Эдвард вернулся.

Глава 13. Лотос под маской

Я не помнила, как добралась до своей комнаты.

Кажется, Кэти еще что-то говорила мне вслед. Кажется, миссис Эммет окликнула меня, предостерегая не торопиться. Но слова расплывались, терялись в густом шуме крови, бившейся у меня в ушах.

Эдвард вернулся.

Он находился в доме.

В гостиной.

Ждал меня.

Я толкнула дверь и вбежала внутрь так резко, что едва не споткнулась о край ковра. Комната закружилась перед глазами. Я схватилась за спинку стула, пытаюсь отдышаться, но дыхание не желало подчиняться.

Мне хотелось смеяться. Плакать. Бежать. Остаться.

Я столько раз представляла себе эту встречу. Она снилась мне одинокими ночами. В воображении Эдвард являлся ко мне во всех возможных обликах: холодный и гневный, убитый горем, счастливый, забывший меня. Иногда он говорил, что никогда не переставал ждать. Иногда проходил мимо, даже не взглянув.

Но ни в одном из этих видений я не думала о том, что произойдет со мной, когда я действительно услышу его голос.

Я бросилась к шкафу.

На пол полетело голубое платье, затем серое, затем коричневая юбка, которую миссис Эммет считала слишком простой даже для прогулок. Наконец я остановилась на темном платье из грубой шерсти. Оно было скромным, почти бесцветным, с высоким воротником и длинными рукавами. На нем не было ни одной детали, способной привлечь взгляд.

Я сняла платье, в котором ходила по саду, и переоделась дрожащими руками.

Потом сняла ленты с волос.

Мои пальцы путались, не слушались. Несколько раз шпилька падала на пол, и я поднимала ее, почти не видя, куда тянусь. Наконец я туго стянула волосы на затылке и закрутила их в узел.

Нет.

Этого было мало.

Я достала очки и надела их. Стекла слегка запотели от моего горячего дыхания, и на несколько секунд все вокруг стало мутным. Так было легче.

Лицо исчезало. Черты расплывались. Киара Марэ отступала в тень.

На туалетном столике стояла маленькая коробочка с косметикой. Я открыла ее и нанесла на губы коричневую помаду, тусклую, почти землистую. Она сразу сделала лицо старше и строже.

Я посмотрела на себя в зеркало.

Передо мной стояла мисс Симоне. Сдержанная гувернантка с бледным лицом, тяжелыми очками и гладко убранными волосами.

Не женщина, которую Эдвард любил. Не та, которую он когда-то держал в объятиях. Не та, чье имя он произносил, задыхаясь от страсти и желания.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять бешеный стук обрадованного сердца.

Да. Я хотела увидеть его.

Господи, как же я хотела его увидеть.

И именно поэтому боялась больше всего.

Мне было страшно встретиться с ним взглядом. Страшно услышать, что в его голосе не осталось для меня ничего. Страшно увидеть, что он научился жить без меня. Но еще страшнее было другое: вдруг одного взгляда окажется достаточно, чтобы я забыла обо всех своих обещаниях, о новой жизни, о чужом имени, о том, что Киара Марэ должна оставаться мертвой.

Я прижала ладонь к груди.

Сердце билось быстро, почти болезненно.

Я вытерла кровь с ладони, но тонкие царапины от шипов все равно остались. Пришлось надеть перчатки.

— Ну же, — прошептала я своему отражению. — Иди.

Дорога до гостиной показалась мне длиннее, чем весь путь от сторожки до дома.

Я шла медленно, держась прямо только благодаря упрямству. Ноги еще оставались слабыми после болезни, а ладонь, пораненная розовыми шипами, неприятно пульсировала. Я спрятала ее в складках юбки.

У дверей гостиной я остановилась.

За ними звучали голоса.

Голос леди Ашборн. Голос миссис Уолтон. Мягкий, нарочито любезный голос Эми.

И еще один.

Низкий. Спокойный. Чуть хрипловатый. Сердце пропускает удар...

Эдвард.

Боже, я, наверное, сплю...

Он что-то говорил, но я не разобрала слов.

В груди сделалось тесно. Я прикрыла глаза и на мгновение прижалась лбом к холодной деревянной панели.

Эдвард был совсем близко.

Я могла войти. Могла просто повернуть ручку.

Но тело отказывалось двигаться.

Наконец дверь открылась изнутри, и на пороге появилась миссис Уолтон.

— Мисс Симоне, — с облегчением сказала она. — Мы уже начали беспокоиться. Входите же.

Я заставила себя переступить порог.

В гостиной пахло чаем, розами и древесным дымом. Леди Ашборн сидела во главе стола. Рядом с ней расположилась Эми, выпрямившаяся в своем кресле с видом безупречной скромности. Миссис Уолтон сидела напротив.

А у окна стоял Эдвард.

Я не подняла глаз. Просто все мое существо, все органы чувств безошибочно нашли его в комнате.

Мне было достаточно увидеть его руки, лежавшие на спинке кресла, край темного сюртука, крепкую фигуру, неподвижную и знакомую до мучительной боли.

Он был здесь.

Настоящий.

Живой.

— Мисс Симоне, — произнесла леди Ашборн. — Подойдите ближе.

Я сделала несколько шагов.

— Прежде всего я хочу поблагодарить вас за спасение Кэти, — продолжила она. — Ваш поступок был безрассудным, но, несомненно, достойным признательности.

— Это был мой долг, миледи, — ответила я, стараясь говорить как можно глуше.

— Не всякий человек исполняет свой долг, бросаясь в ледяную воду, — заметила миссис Уолтон. — Вы могли погибнуть.

— Мисс Симоне отвечает за безопасность мисс Кэти, — мягко встала Эми. — Ей платят именно за то, чтобы следить за ребенком. Разумеется, мы все благодарны ей за счастливый исход, но нельзя забывать и о том, что несчастье произошло во время ее присмотра.

Я почувствовала, как пальцы сжимаются под складками юбки.

Эми произнесла это почти ласково, с выражением искреннего беспокойства. И именно поэтому ее слова прозвучали особенно мерзко.

Она не обвиняла меня прямо.

Она всего лишь напоминала всем присутствующим, что я не героиня, а наемная гувернантка, плохо исполнившая свои обязанности и поплатившаяся за это.

— Мы говорим о том, что мисс Симоне спасла Кэти, — заметила леди Ашборн.

— Разумеется, миледи. Я лишь полагала, что благодарность должна быть соразмерна обстоятельствам.

- Мисс Дженкинс права, - произношу тихо, - спасти Кэти было моим долгом.

И в эту секунду я услышала:

— Долг? — произнес Эдвард.

Слово было простым. Но голос...

О, Боже. Сколько ночей я слышала его во сне. Сколько раз просыпалась оттого, что мне казалось: еще миг, и он позовет меня по имени.

Живой. Низкий. Сдержанный. И от этого в груди сделалось так больно, что я чуть сильнее сжала пальцы в перчатках.

Теперь он звучал совсем рядом.

— Прыгнуть в ледяную воду ради ребенка способен только по-настоящему отважный человек, — продолжал Эдвард. — Насколько мне известны подробности, Кэти упала на глазах у очень многих взрослых, но лишь у одной мисс Симоне хватило смелости прыгнуть за ней.

Это его голос. Его интонация. Его способ сдерживать ярость и произносить слова так, что у другого человека подкашиваются колени.

Закрываю глаза, усилием воли подавляю головокружение.

В комнате стало тихо.

Я услышала, как он оттолкнулся от кресла.

Его шаги приближались.

И теперь он был совсем рядом. Я забыла, что надо дышать.

— Мисс Симоне, — продолжил Эдвард, — я благодарю вас. За жизнь моей племянницы. Сердце колотится где-то в горле, в ушах стучит. Но все же держу себя в руках.

Я медленно присела и тихо произнесла:

— Благодарю вас, милорд.

И только потому, что склонила голову низко, никто, надеюсь, не увидел, как побледнело мое лицо.

— Присядьте с нами, — предложила леди Ашборн. — Вы еще слабы. Вам следует выпить чаю.

Нет. Если я останусь здесь еще хотя бы минуту, то упаду без чувств.

— Простите, миледи, — сказала я. — Боюсь, после болезни силы еще не вполне вернулись. Мне следовало бы немного отдохнуть.

Леди Ашборн посмотрела на меня пристально.

— Что ж. Тогда не стану настаивать. Но имейте в виду: отныне я желаю видеть вас каждый день за ужином.

Я похолодела. Боже, нет, только не это... Но отвечаю лишь:

- Благодарю вас, миледи.

Снова сделала реверанс. Почти не чувствуя ног, вышла из комнаты. Дошла до первого поворота коридора. Еще до лестницы. И только там, у стены, сползла вниз на ковер.

Меня трясло.

Он меня не узнал.

Эдвард меня не узнал.

Я должна была радоваться. Именно этого я хотела. Именно ради этого обрезала волосы, надела очки, сменила имя, спрятала лицо и научилась жить так, словно прежней Киары никогда не существовало.

Но радость не пришла.

Вместо нее была боль. Мучительно острая.

Я, наверное, стала такой некрасивой, поэтому он меня не узнал.

Я плакала беззвучно, прижимая ладонь ко рту, чтобы никто не услышал. Плакала от облегчения, потому что он не разоблачил меня. От отчаяния, потому что он не увидел во мне ту, которую когда-то любил. От страха, потому что теперь я знала: могу находиться с ним в одной комнате и все равно быть для него совершенно чужой.

С приездом Эдварда все в доме словно ожило и заговорило. Заиграло разными красками. Все теперь вращалось вокруг него, как планеты вокруг солнца.

В последующие дни я научилась видеть Эдварда краем глаза.

Это был единственный способ выдержать его присутствие и не выдать себя.

Иногда, идя по саду, я замечала его силуэт через ограду, увитую розами. И тогда, укрытая от посторонних глаз, я жадно смотрела на него. Он был такой же, как в моих снах. Только на висках проступила седина, а черты лица стали резче, а взгляд жестче. Но даже теперь, при этой усталости, при этой новой сухой сдержанности, он был так мучительно, страшно красив, что сердце мое сжималось до боли.

Он почти все время проводил с леди Ашборн или Кэти. С девочкой он обращался мягко, терпеливо, хотя за внешним спокойствием я видела тревогу.

Кэти показывала ему свои рисунки, рассказывала о Блице, о новых розах, о том, как научилась правильно произносить французские слова. Эдвард слушал ее, слегка наклонив голову, иногда улыбался, и от этой улыбки у меня в груди становилось больно.

Он был очень нежен со своей племянницей.

Таким же, каким, вероятно, был когда-то братом.

Таким бы он был отцом для нашего ребенка...

Я наблюдала за ним издали: из-за двери библиотеки, из глубины коридора, через отражение в темном оконном стекле. Он не замечал меня.

Он часто бывал в библиотеке.

И много пил.

Это я заметила не сразу, а только на третий день, когда, проходя по галерее к вечеру, уловила в воздухе знакомый терпкий запах виски. Потом увидела стакан у его локтя. Потом пустую бутылку на каминной полке.

Тревога сдавила грудь. Я не помню, чтобы он столько пил раньше. Конечно, Эдвард пил, как все мужчины его круга. Но теперь это было по-другому.

Теперь это не было ни развлечением, ни светской привычкой. Он словно пытался забыться, убежать от тяжелых мыслей, которые то и дело омрачали его взгляд, когда он вдруг отвлекался от разговора с Кэти и смотрел долго вдаль.

И еще.

Он не был женат.

Однажды Кэти сообщила мне эту новость. Она говорила, что бабушка очень ругала дядю за отказ от помолвки с прекрасной леди, но дядя оставался непреклонен.

- Бабушка сказала, что дядю Эдварда околдовала дурная женщина, и потому он отверг леди Кингсли.

Тогда мне казалось, что я смогла сдержать себя в руках, и лишь через несколько минут заметила, что держу учебник вверх тормашками.

Почему? Этот вопрос мучил теперь меня ночами, не давая спать.

Почему ты не женился на леди Бланш Кингсли? Я же видела газету, я же подписала те бракоразводные бумаги, чтобы ты стал свободен. Но ты не женился...

И я поднимала глаза к бледному лику луны, словно ожидая от нее ответа, но та таинственно молчала.

Особенно сильно приезд Эдварда изменил Эми Дженкинс.

Она прямо-таки расцвела, словно ждала его приезда все это время.

Теперь ее платья становились чуть красивее с каждым днем, ленты свежее, взгляды длиннее, смех мягче, а запах жасминовых духов стойко держался в коридорах и комнатах дома.

Она ловко оказывалась там, где появлялся Эдвард. Подавала чай. Садилась ближе. Слушала, чуть склонив голову. Задавала вопросы о лошадях, скачках, охоте, Лондоне, парламенте, об игре в поло.

Он отвечал ей безукоризненно вежливо.

И абсолютно холодно.

Я не могла сдержать ликование каждый раз, когда замечала, как все кокетливые попытки Эми соблазнить Эдварда разбивались о непреступную стену равнодушия.

Но потом, уйдя к себе, я вопрошала свое отражение в зеркале, какое право я имею его ревновать? Мы уже давно стали друг другу никем.

И все же я ревновала. Яростно. Дико.

Каждый раз, когда Эми склонялась ближе к Эдварду. Каждый раз, когда смеялась чуть громче, привлекая на себя его взгляд. Каждый раз, когда, как ей казалось, производила впечатление.

Я едва сдерживала себя, чтобы не вцепиться в аккуратно взбитые кудри Эми, когда она как бы невзначай касалась ими руки Эдварда при наклоне.

В тот вечер я не могла уснуть. словно дикий зверь, запертый в клетке, я металась по комнате, не в силах совладать с чувствами.

Понимая, что сойду с ума, если не выйду из комнаты, я направилась в пустое западное крыло и бродила там, словно призрак, по темным готическим залам, пока луна не стала заходить за деревья.

Я уже собиралась вернуться к себе, когда заметила полоску света под дверью библиотеки.

Я остановилась и прислушалась. В комнате было тихо.

Потом едва слышный звон стекла.

Я приблизилась, дверь была приоткрыта, и я заглянула в щелку.

Эдвард спал в кресле у камина.

Сердце ударило сильнее.

На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом. Темные волосы упали на лоб, одна рука безвольно свисала с подлокотника. В другой он держал стакан с виски. В камине догорали поленья, окрашивая его лицо в красноватый свет.

Я застыла на пороге.

Он выглядел измученным. Раздавленным каким-то долгим, невидимым бременем.

На его висках серебрилась седина. Под глазами залегли тени. Лицо во сне стало почти беззащитным, и я вдруг увидела в нем того Эдварда, которого знала прежде, до гнева, до вины, до всех наших ошибок.

Сердце сжалось.

Не отдавая себе отчета, я медленно вошла.

Половицы тихо скрипнули, но он не проснулся.

Я подошла к креслу и осторожно протянула руку к стакану. Хотела забрать его, поставить на стол, чтобы он не пролил напиток во сне.

Но остановилась.

Моя ладонь дрогнула. Он был теперь так близко. Я слышала его дыхание, чувствовала запах дорогого одеколона и табака. Ощущала тепло его тела.

— Что же случилось, Эдвард? — прошептала я. — Почему ты не женился? И почему стал так много пить?

Голос мой дрогнул. Я сама не узнала его.

Эдвард не проснулся. Только едва слышно что-то прошептал во сне.

Мне хотелось коснуться его лица. Провести пальцами по седым волосам. Сказать, что я жива. Что все это время думала о нем. Что не хотела исчезать. Что боялась.

Но я не имела права.

Я наклонилась к нему.

Запах виски смешивался с запахом дерева, дыма и его кожи. Все это было настолько знакомым, настолько родным, что у меня закружилась голова.

— Эдвард...

Я потянулась и коснулась губами его губ.

Очень легко.

Но этого оказалось достаточно.

Он шевельнулся. Рука его, еще сонная, потянулась ко мне. Пальцы легли мне на шею. И прежде чем я успела отстраниться, он приподнялся и ответил на поцелуй, медленно, бессознательно, так, как будто во сне наконец нашел то, по чему тосковал.

Я задрожала.

Поцелуй стал глубже, горячее, живее, чем я могла ожидать. В нем не было осознанности, но было воспоминание тела, которое оказалось сильнее времени.

Это было невозможно. Это было безумие. Это было все то, по чему я тосковала столько времени.

Эдвард тихо вдохнул.

И тогда в коридоре послышались шаги.

Я резко отстранилась.

Дверь библиотеки оставалась приоткрытой. В темном проеме мелькнула женская фигура.

Эми Дженкинс.

Сердце сорвалось в безумный галоп.

Через боковую дверь у книжных полок я выскользнула в темноту и прижалась к стене, дрожа всем телом.

В библиотеку вошла Эми и остановилась возле кресла.

И именно в этот момент Эдвард открыл глаза. Несколько секунд он смотрел перед собой, словно пытался вспомнить сон.

Потом его взгляд упал на Эми.

— Мисс Дженкинс? — хрипло произнес он

Эми улыбнулась.

Глава 14. Ветер в волосах

После той ночи в библиотеке я стала бояться не Эдварда, а саму себя.

До этого все было мучительно, но все же ясно. Он не узнавал меня. Я могла прятаться за очками, за серыми платьями, за туго стянутыми волосами, за голосом мисс Симоне, который я выработала в себе так же тщательно, как новую осанку и новые паузы в речи. Я страдала, тосковала, ревновала, смотрела на него украдкой, как смотрят на запретный огонь, зная, что он способен не только согреть, но и сжечь окончательно. Но все это еще можно было удерживать внутри.

После того поцелуя уже нельзя.

Мое тело реагировало на него прежде разума.

Эдвард, еще во сне, узнал мои губы, не узнав моего лица. И я сама, едва коснувшись его, забыла и про обиду, и про письма, и про Бланш, и про все свои клятвы ненависти.

Все это было слишком опасно.

Вот только после той ночи Эдвард, казалось, стал чаще замечать Эми. Он по-прежнему был холоден с ней, но теперь позволял ей дольше находиться рядом. И останавливал на ней внимательный взгляд. Словно пытался понять, действительно ли именно она была той женщиной, чей поцелуй остался на его губах.

Эми, разумеется, это почувствовала.

И с той самой поры стала держаться рядом еще увереннее.

Она появлялась там, где был он. Носила более светлые платья. Укладывала волосы чуть тщательнее. Голос ее стал мягче, смех, чуть ниже и задушевнее, а жасминовые духи, казалось, все чаще задерживались в его кресле, на подлокотнике, у портьер и в воздухе гостиной.

Я видела это и злилась больше, чем имела право.

Я ревновала его безумно и горячо. Я ненавидела Эми.

Потому что Эдвард смотрел на нее, но не на меня.

Потому что я сама однажды совершила безумство и чуть не выдала себя.

И потому что воспоминание о том поцелуе не давало мне покоя.

Я пыталась не думать о нем, но не получалось.

Стоило закрыть глаза, и я вновь чувствовала его губы, горячее дыхание и руку на своей шее. Это воспоминание сводило с ума. И всякий раз, как в груди поднималась надежда, я тут же давила ее, почти с яростью.

Нет. Дороги в прошлое нет. Киара Марэ умерла.

Но даже мертвые, как выяснялось, умеют ревновать.

В то утро я сидела в классной комнате и пыталась проверить упражнения Кэти. За окном стоял ясный день. В саду шевелились ветви яблонь, на дорожках блестели капли после ночного дождя, а в открытое окно вливался легкий ветер, пахнувший травой и цветущими кустами.

Кэти сидела за маленьким столом и что-то рисовала, низко склонившись над листом. Карандаш у нее то и дело останавливался, а потом начинал двигаться с новой силой.

— Что ты рисуешь?

— Пока не скажу.

— Значит, это тайна?

— Да.

— Тогда я тем более хочу знать.

Кэти прикрыла рисунок рукой и нахмурилась.

— Вы всегда так делаете?

— Что именно?

— Пытаетесь узнать то, что вам не говорят.

— Это одна из обязанностей гувернантки.

— Нет. Это любопытство.

Я посмотрела на нее поверх очков.

— Заканчивайте рисунок, мисс Ашборн. Потом решим, кто из нас любопытнее.

Кэти высунула кончик языка и снова принялась за работу. Через минуту она отодвинула лист.

— Теперь можно смотреть.

На рисунке была миссис Грей. Кэти изобразила ее посреди сада, с лейкой в одной руке и садовыми ножницами в другой. Вокруг экономки росли цветы, но все они почему-то были повернуты в противоположную сторону.

— Почему цветы от нее отворачиваются? — спросила я.

— Они боятся, что миссис Грей начнет их отчитывать.

— За что?

— За то, что они растут не там.

Я прикрыла губы ладонью, но Кэти уже заметила улыбку.

— Вы смеетесь!

— Нет. Я всего лишь пытаюсь понять, почему у миссис Грей такая большая лейка.

— Она большая, потому что миссис Грей поливает все сразу.

— Даже то, что не просило?

— Особенно то, что не просило, - сощурилась девочка.

Я не выдержала и рассмеялась. Кэти тут же засмеялась вместе со мной, уронив карандаш на пол.

И в этот момент я почувствовала на себе чей-то взгляд. Я обернулась.

У дверей стоял Эдвард.

Он, должно быть, услышал наш смех из коридора. В одной руке он держал длинную деревянную рейку, к которой был привязан воздушный змей, в другой свои перчатки.

Эдвард не улыбался.

Он смотрел на меня.

Его взгляд задержался на моем лице, потом скользнул к Кэти и вернулся обратно. Я первой перестала смеяться. Улыбка исчезла сама собой.

— Я, кажется, не вовремя, — произнес он.

— Мы показывали миссис Грей сад, — быстро сказала Кэти.

Эдвард перевел взгляд на лист.

— Судя по выражению ее лица, сад нуждается в строгом надзоре.

— Миссис Грей надзирает за всем, — ответила Кэти.

— В этом я не сомневаюсь.

Кэти снова рассмеялась. Я опустила глаза, чтобы не встретиться с Эдвардом взглядом.

— На улице хороший ветер, — обратился он к Кэти после короткой паузы. — Ты обещала показать мне, как запускаешь змея.

— Сейчас?

— Если мисс Симоне не возражает.

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня спокойно, но в этой спокойной манере было что-то настойчивое.

— Разумеется, я не возражаю, — сказала я.

— Тогда вы пойдете с нами, — заявила Кэти.

— Я?

— Вы должны следить, чтобы дядя Эдвард не запутался в веревке.

— Это очень ответственное поручение, - поднимаю бровь.

— Он уже однажды запутался.

— Кэти! – воскликнул Эдвард, едва сдерживая улыбку.

— В садовой ограде.

— Я был ребенком.

— Ты был почти взрослым, дядя.

Эдвард покачал головой, глаза его сияли.

Мы вышли в сад.

Ветер был легким, но ровным. Воздушный змей быстро поднялся над зеленой лужайкой, его хвост зашелестел в воздухе. Кэти держала катушку обеими руками и визжала от восторга, когда змей вдруг взмывал выше.

Эдвард стоял за ее спиной, придерживая ее локти.

— Медленнее, — говорил он. — Не тяни так сильно.

— Он падает!

— Он не падает. Он поворачивает.

— Он хочет улететь!

— Тогда придется его удержать.

Я стояла чуть в стороне, стараясь смотреть на небо, а не на Эдварда.

Но это было бесполезно.

На нем был светлый летний костюм, темные волосы трепал ветер. Он выглядел моложе, чем в гостинной, и совсем не походил на человека, который часами молча сидит у камина с бокалом виски. В его движениях появилась легкость. Он то придерживал Кэти за плечо, то наклонялся к ней, объясняя, как не дать змею сорваться вниз.

Кэти смеялась.

Он тоже несколько раз улыбнулся.

Сердце мое болезненно сжалось, и я отвернулась к цветам.

— Мисс Симоне, давайте с нами! — позвала Кэти.

— Я не умею, — честно призналась я.

— Дядя Эдвард вас научит, правда, дядя? — с надеждой спросила она.

И у меня внутри все оборвалось.

Нет.

Но Эдвард уже отошел от Кэти, поднял с земли второго воздушного змея и направился ко мне.

— Ну же, мисс Симоне, не отказывайтесь, — сказал он с той ослепительной, почти мальчишеской улыбкой, которая всегда сбивала меня с толку. — Уверю вас, это вовсе не сложно.

Я нервно сглотнула.

Что же делать?

Он уже оказался за моей спиной и вложил мне в руки красного змея. От него пахло солнцем, травой и чем-то едва уловимым, чистым, сухим, как летний ветер перед грозой.

— Что нужно делать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Поднимите его так, чтобы он поймал ветер, — сказал Эдвард совсем близко от моего уха.

И от его голоса у меня по коже пробежала дрожь.

Я послушно подняла змея к безоблачному небу. Поток воздуха коснулся натянутой ткани, дрогнул в ней, как живая сила.

Но стоило мне разжать пальцы, как змей беспомощно опустился и упал мне к ногам.

— Не получилось, — выдохнула я, глядя на алое пятно ткани на траве с таким видом, будто оно меня предало.

— Вы слишком быстро сдаётесь, — тихо рассмеялся Эдвард. — Смотрите, как надо.

Он поднял змея, чуть отступил назад и отпустил.

Ткань мгновенно расправилась.

Красное крыло поймало ветер, дрогнуло, выпрямилось и взмыло вверх, легко, почти торжествующе. Эдвард начал медленно отпускать катушку, и его лицо, поднятое к небу, показалось мне особенно светлым и открытым.

— Видите? — спросил он и, вложив катушку мне в руку, снова встал у меня за спиной. — Теперь попробуйте сами.

Мои пальцы сжали дерево катушки.

Нить натянулась.

И змей вдруг пошёл выше, послушный ветру и моему осторожному движению руки. Я едва успела вдохнуть от удивления.

— Он летит! — воскликнула я, и в голосе моем прозвучала такая радость, что я сама ее не узнала.

Я обернулась к Эдварду с сияющей улыбкой и тут же замерла.

Он стоял слишком близко.

Ветер шевелил его волосы, солнце лежало на его лице, а серые глаза смотрели на меня так пристально, словно он вдруг увидел во мне что-то, чего не ожидал.

Улыбка исчезла с моего лица.

Мне стало страшно от этой тишины, от неподвижности его взгляда, от того, что я вдруг слишком ясно почувствовала его рядом.

И все же я не отвела глаз.

— Мисс Симоне... — начал он.

Но в этот миг Кэти дернула катушку.

Змей резко рванулся в сторону. Нить больно впилась в пальцы девочки.

— Не тяни! — крикнул Эдвард.

Но девочка уже побежала за ним. Змей сорвался ниже и понесся к старой яблоне. Кэти споткнулась о выступивший из земли корень и упала.

Катушка выскользнула из ее руки.

Эдвард оказался рядом первым. Он поднял Кэти на руки, прижав к себе.

— Где больно?

— Ладонь, — всхлипнула она.

— Покажи.

Кэти спрятала руку у груди.

Я быстро подошла к ним.

— Дайте мне посмотреть.

Эдвард сразу повернулся ко мне. Несколько секунд он будто не слышал моих слов. Затем опустил на скамью и посадил Кэти рядом.

На ладони содралась кожа. Крови было немного, но для Кэти рана выглядела ужасно.

— Все не так страшно, как кажется, — сказала я. — Сейчас промоем, и станет легче.

— Будет больно?

— Немного.

— Я не буду плакать.

— Конечно, нет. Но можешь зажмуриться. Это не считается.

Кэти послушно закрыла глаза.

Я смочила водой платок и осторожно промокнула рану. Кэти зашипела, Эдвард перевел на меня встревоженный взгляд.

— Все хорошо, — сказала я с улыбкой. — Ты очень храбрая. Сейчас промоем, и станет легче.

Я уже забинтовала ее ладонь чистой лентой, которую носила в кармане.

Кэти осторожно пошевелила пальцами.

— Уже не болит.

— Потому что ты очень храбрая.
— Это потому, что вы очень быстро все сделали.
Я улыбнулась ей.
Кэти потянула Эдварда за рукав.
— Дядя Эдвард, а змея можно снова запустить?
Он посмотрел на нее и положил руку на голову.
— Сегодня уже нет.
— Но ветер такой хороший.
— На сегодня достаточно.
— Но...
— Кэти.

В его голосе не было строгости, но девочка сразу замолчала.

Эдвард наклонился, взял ее на руки и понес к дому.

Я пошла следом.

У самой двери в дом Эми появилась на крыльце. На ней было светлое платье с зеленой лентой под грудью.

Она улыбнулась Эдварду и протянула руки к Кэти.

— Бедное дитя. Что случилось?

— Ничего серьезного, — ответила я. — Кэти упала.

Эми даже не посмотрела на меня.

— Вы позволили ей бегать по саду с этим змеем?

Эдвард повернул к ней голову.

— Кэти была со мной.

Эми на мгновение замолчала, затем снова улыбнулась.

— Тогда вам обоим следует быть осторожнее.

Глава 15. Прогулка

Вскоре после приезда Эдварда в доме Ашборнов устроили званый вечер.

В гостиную съехались соседи, несколько семей из Лондона и знакомые леди Ашборн. В доме было шумно, двери то и дело открывались, слуги проходили между гостями с подносами, а из музыкальной комнаты доносились звуки рояля.

Эми в этот вечер словно получила разрешение быть кем-то большим, чем просто внучкой помощницы леди Ашборн. Она не отходила от Эдварда, встречала гостей вместе с ним, отвечала на вопросы о доме и несколько раз обращалась к нему так, будто между ними давно установилось особое взаимопонимание.

Когда одна из дам спросила, надолго ли он уезжает, Эми ответила прежде него:

— Еще не скоро. Эдвард терпеть не может находиться вдали от Кэти.

Она сказала это с улыбкой и положила пальцы ему на рукав.

Эдвард посмотрел сначала на ее руку, потом на лицо. Но ничего не сказал. Я отвернулась раньше, чем успела увидеть, уберет ли он ее пальцы.

К вечеру дом стал тише, но не успокоился.

Часть гостей уже разъехалась. Музыка в дальней комнате смолкла. В холле еще слышались голоса слуг, убирающих лишние чашки и переставляющих вазы, но тот пышный светский шум, который весь день стоял под сводами дома, начал медленно опадать, как пена на слишком крепком вине. В открытые окна тянуло прохладой сада, запахом роз и чуть влажной землей после короткого вечернего тумана.

Леди Ашборн сидела в гостиной ближе к камину, хотя огонь еще не разжигали. На ней было темное шелковое платье с глухим воротом и длинными рукавами, а на груди мерцала старая брошь, тяжелая, фамильная, с бледным голубым камнем, который холодно отсвечивал при каждом движении ее тонких рук. Рядом с ней на маленьком диване устроилась Кэти, уже в светлом домашнем платье, с книгой на коленях, но явно слишком сонная, чтобы читать. Эми, в платье цвета бледного шалфея, сидела поблизости и все еще держалась так, будто этот вечер должен был закончиться ее маленькой, но важной победой.

Эдвард стоял у окна.

Темный пиджак, белая рубашка, галстук безукоризненно завязан, одна рука в кармане, другая держит чашку с кофе. Он выглядел красивым до жестокости и слишком усталым для человека, которого развлекает светское общество. Я давно заметила: чем тише становился дом, тем явственнее проступала в нем эта усталость.

— Как Шарлотта? — спросила леди Ашборн Эдварда, не поднимая глаз от чашки.

Вопрос прозвучал так буднично, что только дрогнувшие пальцы на ручке выдали ее тревогу.

Эдвард не ответил сразу.

Потом произнес:

— Без перемен.

Леди Ашборн закрыла глаза на мгновение.

— Бедная моя девочка, — сказала она очень тихо. — Ей стало бы легче, если она могла вернуться в Рассел-холл.

Сердце у меня вдруг кольнуло. Они же говорят о матери Эдварда. Рассел-холл.

То самое имя, которое я слышала в Лаосе, в рассказе Эдварда о своей семье, о брате, об отце, о доме, который был отнят.

— Ты до сих пор не выкупил его? — спросила леди Ашборн.

Эдвард поставил чашку на каминную полку.

— Нет.

— Но почему? У тебя теперь более чем достаточно средств.

В его лице что-то резко, почти болезненно изменилось.

— Потому что Джон Картер запретил продажу, — сказал он. — Рассел-холл не выставлен на рынок и не будет выставлен, пока он жив.

Леди Ашборн побледнела.

— Он делает это из ненависти.

— Разумеется.

— Проклятый человек, — прошептала она, и ее серые глаза сверкнули. — Он отнял у Шарлотты и мужа, и сына, а теперь держит ее память о счастье как трофей. Если бы только она вернулась в Рассел-холл, она бы ожила, я уверена в этом. Там ведь росли вы с Гарри, там она была счастлива с Ричардом.

Леди Ашборн стиснула подлокотники и на секунду закрыла глаза, борясь с эмоциями. Лицо же Эдварда было мрачным. Он положил руку на каминную полку и напряженно смотрел на огонь.

- Прошлая зима стала для нас ударом, - продолжила леди Ашборн, наконец совладав с голосом, - сначала смерть моего Альберта, а потом и ты... - леди Ашборн сделала паузу и остановила на Эдварде тяжелый взгляд, - как ты мог, Эдвард, спутаться с той женщиной? Разорвать помолвку с Бланш. Ты ведь был помолвлен с ней с четырнадцати лет! Ты был влюблен в нее! Старинный род, друзья семьи. И все разорвать из-за какой-то...

- Бабушка, достаточно, - оборвал Эдвард ее холодно, отходя к окну и складывая руки за спиной.

Взор леди Ашборн был полон негодования.

- Ты хочешь, чтобы я молчала? Но я не могу. Я хочу, чтобы хотя бы один мой внук не совершал безумств из-за... - леди Ашборн не договорила, бросив быстрый взгляд на сидящую рядом Кэти, фраза так и осталась неоконченной.

Эдвард продолжал смотреть в темный сад, между его бровями пролегли две вертикальные черты.

— Я прошу вас, — сказал он уже мягче, но с той настойчивой твердостью, которая не допускает возражений, — не говорить об этом.

— Как пожелаешь, - медленно произнесла леди Ашборн, снова откидываясь на спинку кресла.

Но по тону ее было ясно: она не согласна и не простила.

Я сидела неподвижно.

Сердце стучало тяжело, больно. А глаза щипало. Осознание всей той тяжести, что нес Эдвард на своих плечах, казалось, только сейчас в полной мере дошло до меня. Я и мой брат в самом деле стали проклятием для этой семьи. Сначала Даниэль своим распутством привел юного Гарри Фейна к трагическому концу, а затем я стала тем запретным плодом, вкусив который, Эдвард был вынужден отказаться от семейных уз. Я сидела, смотря на свои ледяные пальцы, не слыша ничего вокруг.

- Мисс Симоне, - обратилась ко мне сидящая неподалеку миссис Уолтон, - передайте, пожалуйста, очки леди Ашборн.

Я была как заторможенная, слова проникали глухо, как через толщю воды.

- Что? — спросила я растерянно.

Миссис Уолтон недоуменно уставилась на меня.

- Очки леди Ашборн. Они около вас.

Я вздрогнула и огляделась. Нашла очки и хотела отнести их леди Ашборн. Но тут неожиданно Эдвард подошел ко мне.

- Я сам их отнесу, сидите, - произнес он, забирая очки из моих рук.

На долю секунды, так быстро, что можно было подумать, что мне показалось, Эдвард задержал мои пальцы в своих руках.

— Благодарю вас, милорд, — сказала я, и голос прозвучал ровно лишь чудом.

— Вы не из этих мест, мисс Симоне? — спросил он вдруг.

Я вскинула голову и тут же пожалела об этом.

Он смотрел слишком внимательно.

Прежде чем я успела ответить, Эми уже легко вмешалась:

— О, мисс Симоне сюда устроил мистер Джойс. Кажется, она прежде преподавала в его школе. Там, должно быть, особая традиция — брать под личное покровительство молодых учительниц.

Это было сказано с улыбкой, достаточно сладкой, чтобы любой посторонний счел фразу почти невинной.

Эдвард перевел на нее внимательный взгляд, потом снова посмотрел на меня.

- Это правда?

- Мистер Джойс очень помог мне, - говорю ровно, смотря в пол, - он достойный человек и заботится о своих бывших подчиненных.

Эми ядовито хмыкнула.

- О вас, мисс Симоне, он заботится особенно трепетно, думаю, все это заметили.

Я стиснула руки, это был единственный способ не вlepить этой мерзавке пощечину.

Неожиданно вмешалась леди Ашборн.

— Довольно, мисс Дженкинс, - повернула она к ней голову.

Эми мгновенно побледнела.

— Я не имела в виду ничего дурного, миледи.

— Зато прозвучало именно так. И это не украшает ни вас, ни ваш ум. Мистер Джойс — действительно человек достойный, а мисс Симоне уже доказала свою полезность и твердость более чем достаточно.

Кэти тут же горячо вмешалась:

— Мисс Симоне лучше всех рассказывает истории. И она не скучная, как остальные.

Эми отвела глаза.

А я молилась, чтобы этот вечер наконец закончился.

Уже отведя Кэти в спальню, и вернувшись к себе, я долго сидела в темной комнате, сцепив руки и глядя в пустоту. Сколько же было совершенно ошибок в прошлом, и сколько жизней они затронули в большей или меньшей степени. Из темноты выплыло ухмыляющееся лицо Джона Картера, лучшего друга Даниэля, и главного виновника всех тех бед, что обрушились на семью Фейнов. Я помнила ту разрушительную ненависть, что звенела между ним и Эдвардом в Лаосе. Они были врагами, и сердце подсказывало мне, что эта вражда не могла закончиться ничем хорошим.

Мучимая тяжелыми мыслями и воспоминаниями, я не смогла уснуть до самого рассвета.

На следующее утро мистер Джойс заглянул в классную комнату ровно в тот миг, когда я пыталась сосредоточиться на уроке французского с Кэти.

Девочка сидела, подперев подбородок ладонью, и с совершенно отсутствующим видом разглядывала узор на страницах книги.

— Мисс Симоне, — сказал мистер Джойс с той мягкой улыбкой, которую он всегда приберегал для Кэти и для тех редких случаев, когда хотел смягчить мое сопротивление. — Помните, вы обещали мне покататься на велосипедах?

Я подняла на него взгляд не сразу.

— Простите?

Он слегка усмехнулся.

— Велосипеды. Я обещал научить вас. Вы тогда сказали, что непременно попробуете, если погода будет хорошей.

И только тут я вспомнила.

Стыдно было признаться, но последние дни слились для меня в один бесконечный поток, все мои мысли были заняты Эдвардом.

— О, боже, — пробормотала я. — Я действительно забыла.

— Это заметно, — с притворной серьезностью отозвался он. — Но я не обижаюсь.

Кэти тут же вскинулась.

— Я тоже хочу!

— Вы еще слишком малы для настоящего велосипеда, — ответил мистер Джойс. — Но у нас есть маленький с дополнительными колесами. Вы сможете ехать рядом.

— С дополнительными колесами? — восторженно повторила Кэти.

— Именно.

Она перевела взгляд на меня и даже подпрыгнула на стуле.

— Мисс Симоне, вы поедете? Пожалуйста! Пожалуйста, поедemте!

Я посмотрела на мистера Джойса, потом на ее сияющее лицо и неожиданно для самой себя кивнула.

— Хорошо.

— Великолeпно, — улыбнулся он счастливо. — Тогда через полчаса у боковой калитки. Погода стояла чудесная.

Такая ясная, что небо казалось вымытым до прозрачности. Солнце лежало на траве широкими золотистыми полосами, а в воздухе, уже по-летнему теплом, чувствовался едва уловимый запах свежескошенной зелени, пыли, роз и чего-то совсем юного, почти детского, того, что бывает только в начале лета.

У боковой калитки нас ждали два велосипеда.

Один большой, мужской, блестящий, с высоким рулем и тонкими колесами. Другой маленький, с дополнительными боковыми колесиками и светлой сиденьем, явно приготовленный для Кэти.

Она уже сидела на своем, схватившись за руль с видом человека, который вот-вот отправится в кругосветное путешествие.

— Я готова! — сообщила она торжественно.

— Боюсь, это можно назвать преувеличением, — заметил мистер Джойс, придерживая ее велосипед за седло.

Он выглядел сегодня необыкновенно довольным. Солнце золотило его волосы, ветер слегка трепал полы светлого пиджака, и в нем было то спокойное, надежное обаяние человека, которому хочется доверить и ребенка, и дорогу, и собственное неуверенное сердце.

— Сначала вы, мисс Симоне, — сказал он, подводя ко мне большой велосипед.

Я посмотрела на него с сомнением.

— На это чудовище?

— На этого благородного железного коня.

— Он выглядит как орудие для убийства.

— Только для тех, кто не умеет держать равновесие.

Я закатила глаза, но подошла ближе.

— И как им управлять?

— Сесть. Обхватить руль. Ноги на педали. И, самое главное, не думать, что вы упадете.

Я расправила плечи и смело села на сиденье.

Велосипед подо мной качнулся.

Я вцепилась в руль.

- Мистер... мистер Джойс... - голос мой дрогнул.

— Спокойнее, — сказал мистер Джойс, удерживая его сзади. — Вот так. Теперь просто отпустите себя вперед.

— Это проще сказать, чем сделать.

— Попробуйте.

Он улыбнулся, и в его голосе не было ни тени насмешки.

Я сделала вдох.

Потом выдох.

И тронулась.

Сначала осторожно, почти несмело. Потом быстрее. Колеса послушно заскользили по дорожке, и сердце мое подпрыгнуло от неожиданной радости.

— Вот так! — крикнул мистер Джойс мне вслед. — Держитесь ровно!

Кэти, уже двигаясь рядом на своем маленьком велосипеде, восторженно размахивала рукой.

— Мисс Симоне, вы летите!

Я рассмеялась.

И вдруг, сама не знаю как, прибавила скорость.

Ветер ударил мне лицо и растрепал мои волосы по плечам.

Юбка натянулась, щекоча колени. Мир вокруг мгновенно вытянулся в свет, небо и зеленые полосы садовых аллей. Я чувствовала, как воздух проходит сквозь меня, как будто я и вправду становлюсь легче, чем была, как будто все месяцы болезни, страха и молчания вдруг остались позади.

Мне стало так хорошо, что я засмеялась вслух.

Громко. Свободно. Почти по-детски.

— Мисс Симоне! — донесся сзади голос мистера Джойса. — Не слишком быстро!

Но я его уже не слышала.

Я ехала быстрее. Еще быстрее. Склон уходил вперед. Солнце било в глаза. И вдруг мне показалось, что я не на велосипеде, а лечу.

Лечу, как птица над холмами, над водой, над всем тем, что пыталось меня утопить, сжечь, стереть.

Я отпустила одну руку. Потом вторую.

Раскинула их в стороны.

Подняла лицо к небу. Очки я где-то уже потеряла, и теперь ничто не стояло между моими глазами и этой бесконечной синевой.

Сердце мое билось от счастья и упоительного ощущения свободы.

Я смеялась. Как в последний раз смеялась очень давно, еще дома, в Лаосе.

— Мисс Симоне! — кричал мистер Джойс. — Руль!

Но я уже опоздала.

Переднее колесо с глухим стуком наскочило на камень.

Велосипед дернулся. В одно мгновение все перевернулось.

Руль резко вывернуло в сторону, я потеряла равновесие и вместе с велосипедом полетела на землю.

Трава, небо, колючий воздух, боль в боку, содранная ладонь, резкий выдох, который сразу же оборвался. Я лежала на земле, не сразу понимая, где верх, а где низ, и только слышала, как где-то далеко закричала Кэти.

— Мисс Симоне!

— Не двигайтесь! — донесся голос мистера Джойса.

Я попыталась приподняться и тут же зашипела от боли.

Колено горело. Ладонь саднила. Левый бок ныл так, будто туда вбили камень.

Я лежала на траве, часто дыша, и смотрела в небо, которое вдруг снова стало слишком большим.

И тут я услышала автомобиль.

Медленно затихающий шум шин по гравию.

Моя грудь сжалась.

Нет.

Только не это.

Я даже не успела собраться с мыслями, как рядом раздались шаги, а затем знакомый голос, низкий, чуть насмешливый, от которого у меня перехватило дыхание.

— Ну, должен признать, мисс Симоне, это было весьма эффектно.

Эдвард.

Я не видела его, но узнала бы этот голос где угодно. Даже в шуме воды. Даже во сне.

— Я наблюдал за вами из машины, — продолжал он. — Надо сказать, весьма безрассудное удовольствие.

Кто-то негромко фыркнул.

Эми.

Боже, он что теперь ее в своей машине возит?

— Безрассудное? — с притворным ужасом произнесла она. — мистер Фейн, вы только посмотрите! Это же совершенно непозволительно. Как подобная гувернантка может научить мисс Кэти чему-нибудь разумному!

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. И только сейчас осознала, что на мне нет очков, волосы растрепаны. Нет, нельзя Эдварду увидеть меня такой.

— Вы ранены? — спросил Эдвард уже серьезнее, не обращая внимания на колкость Эми, и шагнул ближе.

Я дернулась, пытаясь совладать со своим телом. Но прежде чем успела поднять голову, рядом уже оказался мистер Джойс.

— Мисс Симоне, — сказал он, тяжело дыша от бега и помогая мне приподняться. — Осторожно. Не двигайтесь резко.

Я вцепилась в его рукав обеими руками и подняла на него глаза полные немой мольбы.

Он посмотрел сначала на меня, потом на Эдварда, потом снова на меня. И я увидела, как что-то меняется в его лице.

Мистер Джойс медленно поднялся и почти незаметно заслонил меня собой. Спокойно и естественно.

Но в этом жесте было что-то безошибочно защитное.

Эдвард остановился.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но я заметила, как потемнели его глаза.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да, мистер Фейн, — ответил мистер Джойс. — Мисс Симоне просто упала. Это пустяки.

Эдвард замер.

Несколько секунд мужчины смотрели друг на друга. Я кожей ощутила нарастающее напряжение в воздухе.

Эдвард первым нарушил тишину.

— Я всего лишь хотел помочь.

— Благодарим, милорд, — отвечал мистер Джойс максимально учтиво и твердо, выдерживая холодный взгляд Эдварда, — но теперь мисс Симоне со мной, а значит она в безопасности. Вы можете не беспокоиться.

— Дядя Эдвард, - раздался звонкий голосок мисс Кэти, которая подъехала на своем велосипеде, - вы видели, какая мисс Симоне храбрая! Она умеет плавать лучше всех и теперь научилась ездить быстрее мистера Джойса!

Мистер Джойс кашлянул.

— Быстрее — возможно, не самое точное слово.

— Нет, самое! — упрямо сказала Кэти. — Она летела как птица!

Я невольно закрыла глаза.

Кэти всегда говорила слишком искренне, чтобы можно было обижаться.

Эми слегка прищурилась.

— Кэти, — мягко произнесла она, — не стоит преувеличивать. Мисс Симоне явно не следовало так рисковать после болезни.

Но Эдвард не ответил ей.

Он смотрел туда, где за спиной мистера Джойса я, пряча лицо, сжимала его рукав поблевшими пальцами.

Я почти физически ощутила это молчание.

Затем он молча развернулся и пошел к машине, серебристому кабриолету, остановившемуся у края дорожки. Эми засеменила следом, предварительно смерив нас с мистером Джойсом презрительным взглядом.

Я краем глаза видела, как Эдвард сел за руль, а Эми опустилась на соседнее сиденье. Мотор завелся. Но прежде чем тронуться, Эдвард повернул голову. Его взгляд остановился на мне, на руках, которыми я все еще держалась за рукав мистера Джойса.

Потом Эдвард отвернулся к дороге. Кабриолет тронулся с места, подняв за собой легкое облако пыли.

Я продолжала стоять на траве, пока серебристая машина не скрылась за поворотом.

Глава 16. Письмо и надежда

Мистер Джойс помог мне сойти с дорожки так осторожно, будто я была не взрослой женщиной, а хрупкой чашкой, которую достаточно задеть пальцем, чтобы она разбилась.

Левое колено ныло, ладонь саднила, а бок отзывался тупой болью при каждом шаге. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что при одном только воспоминании о появлении Эдварда у меня снова начинало сбиваться дыхание.

— Сюда, — тихо сказал мистер Джойс.

Он привел меня в маленькую комнату рядом с кухней, усадил в кресло.

— Не двигайтесь, — сказал он, опускаясь передо мной на одно колено.

В руках у него был носовой платок, смоченный водой из фляги. Очень осторожно, боясь причинить боль, он приложил холод к моей щеке и виску.

Я вздрогнула.

— Простите, — прошептала я.

— За что?

— За то, что доставляю вам одни неприятности.

Он поднял на меня глаза. Темные, усталые, слишком внимательные.

— Если бы все мои неприятности были столь прекрасны, я, пожалуй, не жаловался бы на судьбу.

Я отвела взгляд.

Он продолжал держать платок у моей щеки.

Потом очень тихо спросил:

— Почему вы так испугались мистера Фейна?

Я замерла. Вопрос повис в воздухе между нами.

— Я не испугалась, — сказала я наконец.

— Тогда почему схватились за меня так, будто за спиной стоял не человек, а пламя?

Я сжала пальцы на подлокотнике.

— Не спрашивайте меня об этом.

— Мисс Симоне...

— Умоляю вас...

Мистер Джойс замер.

— Хорошо, — наконец сказал он.

— Благодарю, — прошептала я.

Он встал.

Постоял еще секунду.

Потом, уже добавил другим тоном, более будничным, словно желая убрать возникшую неловкость между нами:

— Вам, мисс Симоне, строжайше запрещено летать без рук вниз по склонам хотя бы до конца недели.

Я невольно рассмеялась.

— Это новый школьный устав?

— Нет. Частное распоряжение обеспокоенного директора.

Уже в этот же вечер я осознала, что что-то поменялось.

Мы сидели с Кэти в малой гостиной. Она устроилась на ковре у моих ног, обложившись книжками, и с серьезностью, достойной маленькой аббатисы, рассматривала картинки во французском сборнике сказок. Я читала ей вслух, но сама почти не следила за словами. Двери в соседнюю бильярдную стояли раскрытыми, и оттуда доносились мягкие удары шаров, редкий

смех Эми и негромкий голос Эдварда. Точнее, играл, разумеется, Эдвард, а Эми старательно разыгрывала очередную сцену.

- О, мистер Фейн, посмотрите, правильно ли я держу киль? – щебетала она, соблазнительно наклоняясь над столом и специально держа киль кое-как.

Закатываю глаза. Ну как можно быть настолько омерзительной?

Эдвард что-то ответил ей спокойно. Потом подошел ближе.

Коснулась ее руки, поправляя кисть. Я увидела, как щеки Эми тут же залила краска, торжествующая, сладострастная. Она вся подалась к нему, как цветок, разворачивающийся к солнцу. Мне так и захотелось швырнуть в них чем-нибудь тяжелым.

— Мисс Симоне, — вдруг сказала Кэти, поднимая голову от книги. — Почему вы так побледнели? Вам нехорошо?

Ее чистый, звонкий голос долетел и до бильярдной.

Эдвард мгновенно перевел взгляд с шара на меня.

И этот взгляд пронзил меня насквозь.

Глубокий. Пристальный. Слишком внимательный.

Я хотела отвернуться, но не смогла. Так и сидела, не двигаясь, пока он смотрел на меня, будто пытался понять нечто, чего я сама боялась назвать. В уголках его губ дрогнуло что-то неуловимое.

И сердце у меня болезненно сжалось.

- Мистер Фейн, посмотрите, теперь я все правильно сделала? – не унималась Эми.

Он снова перевел на нее внимание.

Чувствую, как все кружится перед глазами, на дрожащих ногах поднимаюсь и говорю Кэти:

- Я сейчас принесу еще один сборник, подожди меня здесь.

Девочка кивнула, увлеченная яркими картинками в книжке.

Я поспешила из гостиной. Но в темном коридоре остановилась и посмотрела в высокое окно. Сердце немного успокоилось. И я несколько минут позволяю себе полюбоваться луной.

- Вам уже лучше, мисс Симоне? – раздался за спиной голос Эдварда.

Я резко обернулась.

Эдвард стоял в коридоре в белой рубашке и жилетке, с закатанными до локтей рукавами. В сумраке его лицо казалось еще резче, а взгляд темнее и опаснее обычного.

- Да, благодарю вас, мистер Фейн, - отвечаю максимально ровно, пятясь спиной глубже в тень.

- Не очень похоже на это.

Я подняла вопросительный взгляд.

И он жестом указал на свою левую щеку, имея в виду царапину у меня на лице. Пальцы мои задрожали. Рука непроизвольно дернулась к щеке. Боже, он что, разглядывал мое лицо?

Повисло молчание.

В течение которого я смотрела на ковер под ногами, а Эдвард на меня.

Потом он вдруг дернулся вперед.

- Мисс Симоне... я... - начал он.

Голос прозвучал глуше обычного.

Словно он сам не понимал, зачем вышел за мной в этот коридор и что хочет здесь сказать.

- Мы завтра едем с Кэти кататься на лошадях, - наконец произнес он после паузы, - не хотите ли присоединиться?

- Благодарю вас, милорд, - отвечаю, смотря в пол, - но я думаю, что мое присутствие будет неуместно. К тому же у меня завтра выходной.

- И у вас уже есть планы? – поднял Эдвард бровь.

Он хотел произнести эту фразу с иронией, но какой-то оттенок в его голосе заставил забиться мое сердце чаще. Я подняла голову и встретила с его непроницаемым, темным взглядом.

- Я... - начинаю растерянно.

Договорить я не смогла.

- Мистер Фейн, ну куда же вы ушли так надолго? – раздался певучий голос Эми.

В коридор упала полоса света и показалась ее фигура. Она сжимала киль, вид она приняла самый что ни на есть обиженный.

- Мистер Фейн, я очень нуждаюсь в вашей помощи.

Еще несколько мгновений Эдвард смотрел на меня, а потом повернулся к Эми.

- Да, конечно, мисс Дженкинс, я весь в вашем распоряжении.

И ушел.

На следующее утро всё семейство собралось выехать на воздух. Предполагалось устроить пикник и катание на лошадях в Дальних садах. Так называлось место за рекой, у самого леса, где у леди Ашборн стоял небольшой коттедж, утопавший в розах. Погода выдалась редкостно ясная даже для щедрого английского июня: небо было высоким, бледно-голубым, солнечный свет — мягким, золотистым, а в воздухе уже с раннего утра стоял тонкий запах прогретой травы, лошадиной кожи и цветущего шиповника.

Решено было не ехать на автомобилях. Леди Ашборн любила в подобных случаях старомодную неспешность и говорила, что ни один мотор на свете не способен заменить шелест колёс по гравии и мерный перестук копыт.

Поэтому теперь у парадного крыльца уже ожидала лёгкая коляска с откинутым верхом.

Леди Ашборн сидела в ней прямо и величаво, как сидят женщины, которые состарились, не утратив ни привычки повелевать, ни умения быть элегантными. На ней было дорожное платье из светлого шёлка цвета увядшей чайной розы, отделанное крошечными перламутровыми пуговицами и тонкой строчкой по вороту. На плечи она набросила лёгкий кремовый жакет, а голову её венчала широкополая соломенная шляпа с пыльно-голубой лентой, завязанной под самым затылком. У шеи поблёскивала нитка жемчуга, на запястьях тонкие кружевные манжеты, а рядом лежала аккуратная сумочка из светлой кожи и сложенный зонтик от солнца с резной ручкой.

Кэти, устроившаяся подле неё, казалась свежим летним цветком. На девочке было белое льняное платье с мелкими складками на груди, голубым поясом и коротким жакетиком, едва прикрывавшим плечи. На голове маленькая соломенная шляпка с васильковой лентой, завязанной под подбородком. Она всё время вертелась, то поправляя перчатки, то оглядываясь, то задавая сразу несколько вопросов, на которые никто не успевал отвечать.

Эми, разумеется, постаралась выглядеть так, словно этот выезд устраивался исключительно ради неё. Она была в прелестном платье из бледно-голубого крепа, мягко облегавшем стан и расходившемся книзу плавными складками. Подол при ходьбе едва касался щиколоток, открывая лакированные туфельки с низким каблуком и тонкой перемычкой. На руках у неё были перчатки цвета слоновой кости, а на голове светлая шляпа с полями, украшенная искусственными незабудками и длинной зелёной лентой, нарочито перекликавшейся с поясом на платье. Даже хлыстик для верховой езды, который она держала в руке, казался не принадлежностью прогулки, а тщательно подобранным аксессуаром.

Миссис Уолтон, как всегда безупречно сдержанная, уже сидела рядом, в тёмно-сером дорожном костюме и маленькой шляпке без лишних украшений, с тем спокойным достоинством, которое не бросается в глаза, но внушает уважение.

А Эдвард был верхом на белой лошади.

Я стояла у окна гостиной и смотрела на него сквозь кружевную занавеску, сама не замечая, как задерживаю дыхание. Он сидел в седле с той природной уверенностью, какая даётся не

воспитанием, не школой и даже не привычкой, а чем-то врождённым. Высокие сапоги плотно обхватывали его сильные ноги; тёмный дорожный редингот, безупречно сидевший в плечах, ещё явственнее подчёркивал широкую грудь и стройность фигуры. Белый воротничок рубашки резко выделялся на фоне загорелой кожи, а непокорные тёмные волосы, чуть тронутые солнцем, отливали тёплым блеском. Он слегка наклонился к коляске, отвечая Кэти, и улыбка, мелькавшая на его лице, была так неожиданно молода и светла, что у меня болезненно сжалось сердце.

Боль, обида, стыд, ревность — всё это смешалось во мне в один мучительный, сладкий ком. Мне следовало бы отвернуться. Следовало бы заняться чем-нибудь и не стоять, как последняя глупая девчонка, у окна, любуясь мужчиной, который уже давно забыл о Киаре Марэ. О тех ночах, когда он сжимал меня в своих объятиях, задыхаясь от страсти. О том, что мы были когда-то женаты и ждали ребенка... Все это осталось в прошлой жизни, и теперь казалось лишь призрачным сном.

Наконец экипаж тронулся. Колёса мягко зашуршали по гравию, белая лошадь Эдварда нетерпеливо переступила с ноги на ногу, потом пошла следом, легко и красиво.

Я проводила их глазами, пока они не скрылись за липовой аллеей.

Едва они уехали, ко мне подошла одна из горничных.

— Мисс Симоне, к вам приехал мистер Джойс, — сообщила она.

В этот момент я сидела в классной комнате и, пытаюсь хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, вырезала из цветной бумаги листья и лепестки для аппликаций Кэти. Услышав имя мистера Джойса, я тотчас поднялась и направилась в библиотеку.

Сегодня он был особенно взволнован. Шляпу он держал в руках вместо того, чтобы положить на стол, и всё время машинально сжимал пальцами её поля. На зелёном сукне письменного стола лежал конверт.

— Мистер Джойс?

Едва завидев меня, он поднялся.

— Простите, что приехал без предупреждения, — сказал он. — Но, мне кажется, у меня для вас есть новости.

Сердце моё сразу забилося сильнее.

— Какие?

Он протянул мне письмо.

— Помните, вы рассказывали мне о вашей сестре и о враче по имени Мишель Колэ? Вы говорили, что, если бы добрались до Бостона, отправились бы именно к нему.

Я побледнела.

— Да...

— Я позволил себе написать ему. На всякий случай. И вот пришёл ответ.

Руки мои задрожали так сильно, что я едва не выронила конверт.

— Вы написали ему?

— Надеюсь, вы не сердитесь, — мягко сказал он. — Я подумал, что, если ваша сестра действительно была в Бостоне... если она ждала ребёнка... кто-то мог знать, что с ней стало дальше.

Я не могла говорить. Только смотрела на письмо. На белую плотную бумагу. На незнакомый почерк. На возможность, от которой у меня вдруг перехватило горло.

— Откройте, — тихо сказал мистер Джойс.

Я сломала печать дрожащими пальцами. Письмо было коротким, но каждое слово в нём отдавалось у меня в груди ударом. Доктор Мишель Колэ действительно знал коллегу, который в конце весны принимал роды у миссис Джии Томпсон. Насколько ему было известно, у неё родилась дочь. Далее он сообщал имя врача и адрес, по которому можно было направить запрос.

Я дочитала до конца и не сразу поняла, что по лицу моему текут слёзы.

— Она жива, — прошептала я. — Боже мой... Джиа жива. И у неё родилась девочка...

Я прижала письмо к груди.

— Я не знаю, как вас благодарить, — сказала я, поднимая на мистера Джойса полные слёз глаза.

Он тепло улыбнулся.

— Лучше просто напишите ответ сразу же. Моя машина ждёт у ворот. Мы можем немедленно отвезти письмо на почту.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

— Конечно. Да. Да, сейчас.

Он пододвинул ко мне бумагу, чернила, промокательную книжку, и я писала, едва поспевая за мыслями. Просила сообщить всё, что известно. Спрашивала о Джии, о ребёнке, о Рое. Снова и снова выводила имя сестры, словно боялась, что, если хоть раз напишу его неровно, судьба передумает и отнимет у меня эту весть.

Когда письмо было готово, Чарльз взял его очень бережно.

— Тогда едем на почту, — произнёс он, открывая передо мной дверь библиотеки.

— Да. Скорее! — улыбнулась я.

Глава 17. Стакан пунша

Город встретил нас гулом автомобилей, скрипом тележных колёс и далёким паровозным свистом. По улицам сновали люди; мимо медленно ползли грузовики, чёрные такси и автобусы с открытыми задними площадками. На тротуарах спешили женщины в недорогих шерстяных пальто и фетровых шляпках, мужчины в потёртых пиджаках и рабочих куртках, мальчишки-газетчики с красными от ветра руками. Воздух был насыщен запахом угля, бензина, сырого камня и свежего хлеба из булочной на углу.

У самой почты стояла очередь. Возле стены, под рекламой чая и мыла, несколько мужчин курили, разговаривая вполголоса. Их лица были усталыми, одежда чистой, но сильно ношеной. Один держал под мышкой папку с бумагами, другой свёрнутую кепку. Чуть поодаль мальчик лет десяти выкрикивал, размахивая газетами:

— Последние новости! Новые сокращения! Падение производства! Чрезвычайные меры кабинета!

Я невольно замедлила шаг.

— Так везде? — тихо спросила я, когда мы вышли с почты.

Мистер Джойс кивнул.

— Почти везде. Закрываются фабрики. Люди теряют работу. Кто-то ещё держится, кто-то уже нет. Англия умеет сохранять достоинство даже в бедности, но от этого бедность не становится легче.

Он сказал это спокойно, без патетики, и, может быть, именно поэтому его слова показались мне особенно горькими.

Мы остановились на углу улицы.

— Вы уже обедали, мисс Симоне? — спросил он.

— Ещё нет, — честно призналась я.

— Тогда позвольте мне хотя бы накормить вас.

— О нет, право, не стоит...

— Стоит, — возразил он. — Иначе я решу, что вы намерены упасть в обморок прямо посреди мостовой, а подобная ответственность мне совершенно ни к чему.

Я улыбнулась.

— Вы всегда так настойчивы?

— Только когда речь идёт о людях, которые слишком редко заботятся о себе.

От настоящего обеда я всё же отказалась: от волнения мне казалось невозможным проглотить даже кусок.

— Тогда позвольте хотя бы угостить вас мороженым. Сегодня довольно жарко.

Я хотела возразить, но он уже направлялся к небольшой кондитерской на противоположной стороне улицы. Я последовала за ним.

Лавка с мороженым была маленькой, белой, пахнущей сливками, ванилью и влажным деревом.

Мистер Джойс взял мне клубничное, а себе шоколадное.

Мы сели у окна.

Едва я положила первую ложку в рот, как внутри меня разлилась искренняя, почти детская радость.

Мороженое было холодным, нежным, с легкой кислинкой настоящих ягод.

Мистер Джойс с улыбкой наблюдал за мной.

— Когда вы узнаете, где сестра, — спросил он после паузы, — что вы будете делать?

Я опустила ложечку.

— Поеду к ней. Буду помогать с ребенком.

Он кивнул.

Будто знал, что услышит именно это, и все же надеялся на другой ответ.

— И останетесь там?

— Да.

Мистер Джойс долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Америка очень далеко.

Я подняла на него глаза.

— Она моя сестра, — добавила я тише. — Она нуждается в помощи. Я должна быть рядом с ней.

Мистер Джойс положил ладонь на стол.

— А что будет с вами?

— Со мной?

— Вы готовы бросить все здесь?

Я задумчиво посмотрела на улицу.

Затем снова на мистера Джойса.

— Однажды я все потеряла. Мистер Джойс. Больше не хочу совершать ту же ошибку. Моя Джи – это последнее, что у меня осталось в этом мире. И я уеду, как только узнаю, где она.

Он вздохнул.

— Я и не думал, что вы отступите.

В его голосе не было упрека. Только тихая печаль, которую я не хотела замечать.

— Вы будете писать мне? – спросил он.

Я тепло улыбнулась.

— Конечно.

Мы вышли из лавки и направились к машине.

Когда мы проходили неподалёку от железнодорожной станции, над крышами уже клубился серый паровозный дым. Оттуда доносились свистки, лягз сцепок, крики носильщиков, скрип багажных тележек. Народу было много: женщины с чемоданами, военные в штатском, рабочие, дети, торговцы. И вдруг я увидела лицо.

Сначала только плечо. Потом поворот головы. Потом лицо. Осунувшееся, заросшее щетиной, постаревшее, измятое жизнью и все же до боли знакомое.

Зеленые глаза.

Глаза моего отца. Глаза моего брата. В жилах стынет кровь.

— Боже мой... Даниэль, — прошептала я.

Мир сорвался с места прежде, чем я успела подумать.

Я бросилась вперед.

Мимо корзин. Мимо чьего-то чемодана. Мимо женщины с ребенком. Мимо низкого тележного борта.

— Даниэль! – крик вырвался из моего горла, но он был не в силах перекрыть гул толпы и шум локомотивов.

Пар повалил гуще. Кто-то крикнул мне вслед. Кто-то схватил за локоть, я вырвалась.

Я видела только темную фигуру впереди, в клубах дыма, у самого края платформы. Он оглянулся, или мне это только показалось, и тут же исчез в толпе.

— Даниэль!

Паровоз свистнул так пронзительно, что звук, казалось, расколол мне голову.

Я остановилась. Пусто.

Только люди, дым, движение, чужие спины.

Никакого Даниэля.

— Мисс Симоне! — задыхаясь, догнал меня мистер Джойс. — Что случилось?

Я повернулась к нему.

Наверное, лицо мое было таким, что он сразу перестал задавать лишние вопросы.

— Я видела брата, — сказала я хрипло. — Мне кажется... нет, я уверена... это был он.

— Здесь?

— Да.

Сама произнося это вслух, я слышала, как невероятно это звучит. И все же сердце не желало отказываться от увиденного.

Чарльз осторожно взял меня под локоть.

— Вы могли ошибиться.

— Нет... — прошептала я. Потом, уже тише: — Или, может быть, да. Боже... я не знаю.

Он не стал спорить.

Только мягко увел меня от платформы, в сторону церкви, стоявшей чуть поодаль от площади. Белесый камень ее стен светился в июньском солнце. У ворот теснились столы, накрытые для какого-то благотворительного базара. Женщины в скромных платьях продавали пироги, шили ленты, раскладывали по корзинам яблоки и бутылки с пуншем. Над входом висела дощечка:

В помощь семьям рабочих, пострадавших от закрытия фабрик

— Пойдемте туда, — тихо сказал мистер Джойс. — Вам нужно сесть.

Мы вошли под сень старых лип, где стояли столы, покрытые белой, но уже тронутой ветром тканью.

Я достала несколько купюр. Мистер Джойс тоже.

— Благослови вас Бог, — сказал священник.

Одна из женщин протянула нам по кружке легкого пунша.

Он был сладкий, чуть пряный и неожиданно крепче, чем я ожидала. Первый глоток согрел, второй ослабил тугой узел под грудью.

Мы сели на лавку у церковной стены.

- Это и правда ваш брат? - спросил мистер Джойс, когда я немного пришла в себя. - Вы говорили, что его посадили в тюрьму в Лаосе.

- Наверное, это и правда невозможно, - шепчу. - Чтобы он оказался здесь... именно здесь... Нет, должно быть, я просто слишком разволновалась из-за письма. Из-за Джи. Из-за всего.

Он помолчал, давая мне прийти в себя.

— Возможно, вам и впрямь показалось, — сказал он наконец. — А возможно, нет. Но в любом случае не стоит сейчас терзать себя догадками. Сегодня у вас выходной. Давайте просто уйдём отсюда. Пройдёмся. Вам нужен воздух и покой.

Когда мы возвращались обратно, солнце уже клонилось к вечеру. Пунш ударил мне в голову сильнее, чем следовало, вероятно, из-за голодного желудка и волнения. Дорога в машине казалась мягкой, зыбкой. Поля за окном шли волнами. Мир чуть расплывался, но не неприятно, а будто смягчаясь по краям.

Я прислонилась виском к прохладному стеклу и, должно быть, на несколько минут задремала.

Очнулась я, когда автомобиль остановился у крыльца.

— Мы приехали, — мягко сказал мистер Джойс.

— Простите, — пробормотала я, пытаясь выйти как можно достойнее, но земля под ногами слегка качнулась.

— Осторожнее.

Он подал мне руку, и я, к собственному смущению, оперлась на неё куда сильнее, чем следовало бы.

И именно в этот миг из дома вышел Эдвард. Он остановился на верхней ступени. Свет из холла ложился на его плечи. Лицо в полумраке казалось неподвижным. Но неподвижность эта была опаснее всякой открытой ярости.

Мое полусонное сознание не сразу это поняло. Эдвард? Но почему он здесь? Он же уехал со всеми на пикник. Голова закружилась, и мистеру Джойсу пришлось крепче прижать меня к себе, чтобы я не упала.

Взгляд Эдварда сначала упал на меня. Потом на руку мистера Джойса под моим локтем. Потом снова на меня.

— Мисс Симоне, — холодно произнес он. — Полагаю, вы весьма приятно провели день.

— Здесь нет ничего предосудительного, уверяю вас, — спокойно ответил мистер Джойс.

— Мисс Симоне просто немного дурно после одного стакана пунша. Она почти ничего не ела. Эдвард перевёл взгляд на меня.

— Пунша?

— На благотворительном базаре у святой Анны, — пояснил мистер Джойс. — Я хотел лишь проводить её до комнаты, если вы позволите.

— В этом нет необходимости, — отрезал Эдвард.

Все это было сказано вежливо. Почти мягко. Но напряжение между ними стало таким густым, что я, даже в своей легкой, зыбкой полупьяности, почувствовала его всем телом.

Мистер Джойс чуть помедлил.

— Я уверяю вас, всё совершенно невинно.

— Я ни в чём вас не обвинял, — сказал Эдвард. — Доброй ночи, мистер Джойс.

Это было уже почти прямым приказом удалиться.

Я попыталась что-то сказать, но слова запутались у меня на языке. Чарльз взглянул на меня с беспокойством, потом слегка поклонился.

— Доброй ночи, мисс Симоне.

— Доброй ночи, — едва слышно ответила я.

Когда его шаги стихли, Эдвард подошёл ближе и, не спрашивая дозволения, взял меня под руки.

— Я сама дойду, — возразила я, пытаясь высвободиться.

— Не сомневаюсь, — сказал он. — Но с такими победоносными зигзагами вы рискуете снести по пути пару ваз и как минимум одного слугу.

— Вы ужасны.

— Да. И, как я уже понял, чрезвычайно вам противен, — заметил он с той сухой насмешкой, от которой у меня всегда сбивалось дыхание. — Но, к сожалению, я обязан исполнить долг джентльмена и проводить даму до её покоев.

Он притянул меня за талию к себе и, перекинув мою руку себе через шею, повел по коридорам дома к моей комнате. Сонное сознание выхватывало фрагменты: его лицо, его серые насмешливые глаза, аромат его кожи, и все так мучительно близко, что сводило колени.

— Почему вы вернулись? — шепчу.

— Мисс Дженкинс умудрилась растянуть лодыжку, слезая с лошади, — отвечал Эдвард, бережно обходя препятствия, — травма совсем легкая, но мисс Дженкинс подняла такой крик, что пришлось всем собираться и везти ее обратно.

Его голос доходил до меня обрывками.

— Эта мисс Дженкинс, — морщусь. — Бррр...

— Что такое? — Эдвард весело вскинул брови.

— Она такая неприятная, — язык мой совсем меня не слушался, — когда она проходит мимо, меня начинает тошнить от запаха ее духов.

— Меня, признаться тоже, — отвечает Эдвард, едва сдерживая смех.

Кое-как мы добрались до моей комнаты.

— Ну вот, мисс Симоне, мы и на месте, — улыбается Эдвард, помогая опуститься мне на кровать.

Голова кружится, лицо горит. Я прижимаюсь щекой к подушке и вижу, как Эдвард аккуратно кладет мой пиджак на стул возле кровати. Он все еще был в костюме для верховой езды. Его лицо в полумраке казалось усталым, но таким нестерпимо красивым, таким родным, что сердце сладко защемило от переполнявшей его муки.

— Не волнуйтесь, — шепчу я вдруг сама не зная что. — Я что-нибудь придумаю.

Он чуть склонился ко мне.

— О чём это вы?

— Я знаю... как вам дорог Рассел-холл, — пробормотала я. — И я что-нибудь придумаю, чтобы вернуть его вам...

Голос мой растаял. Я уже проваливалась в сон.

Сквозь эту сонную, тёплую тьму до меня долетел голос Эдварда:

— К моему несчастью, мисс Симоне, это совсем не Рассел-холл, что я так отчаянно желаю вернуть. Но как это возможно? Или я и в самом деле схожу с ума?

Я ощутила легкое прикосновение пальцев к моей щеке, к подбородку и линии губ.

Глава 18. Тени в саду

Утром я проснулась с редким, почти забытым чувством покоя. Сначала мне даже показалось, что в комнате слишком тихо. Не тревожно тихо, как бывает перед бедой, а мягко, домашнему. За шторой уже бледнел свет, где-то в доме негромко хлопнула дверь, и откуда-то снизу донёсся едва слышный звон посуды. Я лежала неподвижно, не желая сразу открывать глаза, и с удивлением поняла, что этой ночью мне впервые не снились кошмары. Тени прошлого, терзавшие меня, вдруг исчезли. Я медленно повернула голову к тумбочке и увидела свои очки, аккуратно положенные рядом с лампой. На столике стоял стакан воды, а одеяло было бережно подтянуто до самого плеча. Я нахмурилась. Я не помнила, как сняла очки. Не помнила, как легла. Последнее, что я ясно видела, был тусклый свет коридора, рука мистера Джойса на моём локте и его голос, говоривший, что мы уже приехали. Потом память распадалась на отдельные обрывки, слишком смутные, чтобы на них можно было опереться. Я поднялась с постели и подошла к окну. Июньское утро дышало свежестью, хотя день обещал быть теплым. Розы под окном уже распустились шире, и их запах поднимался вверх тонкой, мягкой волной. Дом еще не до конца проснулся. Где-то в глубине коридора хлопнула дверь. Внизу зазвенела посуда. Я прижала пальцы к вискам и прислушалась к себе. Голова была тяжёлой, но не больной. Скорее удивлённой. Как будто тело само не знало, как ему относиться к этой непривычной лёгкости. Приводя себя в порядок, я все пыталась вспомнить вчерашний вечер. Но память упрямо возвращала только отдельные фрагменты. Как я могла опьянеть от одного стакана пунша? Я ведь прежде пила вино. Не часто, но достаточно, чтобы знать свою меру. Я оделась медленно, выбрала глухое серое платье и гладко собрала волосы. Потом все же надела очки, так, будто возвращала на лицо привычную броню. Без них комната казалась слишком открытой, а я сама слишком настоящей. Когда я спустилась вниз, Кэти почти налетела на меня в нижней галерее. — Мисс Симоне! — воскликнула она с такой радостью, словно не видела меня целую вечность. — Вы наконец проснулись! Её щёки горели, волосы были чуть растрёпаны, а глаза светились тем самым чистым восторгом, который бывает только у ребёнка, готового немедленно рассказать обо всём мире разом. И я с удивлением поняла, что откуда-то знаю, что все вернулись с пикника, но кто мне об этом сказал, я никак не могла вспомнить. — Доброе утро, Кэти, — улыбнулась я, наклоняясь к девочке. — Ты, кажется, очень довольна жизнью. — Конечно! — серьёзно ответила она. — У нас вчера было ужасно весело. Дядя Эдвард учил меня ездить на пони. Принц такой умный, только упрямый. А мисс Дженкинс сказала, что тоже хочет поехать, но потом она упала с седла, и все должны были вернуться. — Она сильно ушиблась? — спросила я. — Совсем не сильно, — поспешно заверила Кэти. — Только растянула ногу, а подняла такой крик, будто ее ужалил дракон. Бабушка велела ей лежать в своей комнате, но она всё равно потом спустилась в гостиную и всё время охала. Память шевельнулась. Машина. Ступени. Голос Эдварда. Я остановилась. Что именно я ему сказала? Я сжала пальцы на перилах и попыталась вспомнить, но в голове всплывало только смазанное ощущение тепла, потом темноты и какой-то странной, щемящей сердце нежности. Я помнила, как пила пунш. Помнила, что почти ничего не ела. Помнила, как думала о Джии и Даниэле. Но всё остальное словно спряталось за тяжёлой дверью. — Мисс Симоне? — Кэти заглянула мне в лицо. — Вы побледнели. — Нет, милая, всё в порядке. Но в порядке я не была. Слишком уж ясно я чувствовала, что сказала вчера что-то лишнее. — Кэти, а где сейчас все? — спрашиваю. — Бабушка с миссис Уолтон. Мисс Дженкинс там же, — ответила она с прежней беззаботностью. — А дядя Эдвард уехал рано утром. Сказали, что он вернётся только завтра. Я подняла голову. — Только завтра? — Да. Он поехал по делам. Сердце у меня странно сжалось. Значит, сегодня я его не увижу. От этой мысли стало и легче, и обиднее одновременно. Кэти продолжала говорить: о Принце, о Блице, о том, как миссис Уолтон запрещает ей лазить на мокрый бортик у пруда,

о том, что мисс Дженкинс уже с утра сидит внизу с несчастным лицом и требует лимонной воды. Я слушала вполуха. Хотелось все обдумать. Эми устроилась на диване у окна. На ней было легкое платье цвета палевого жасмина, подобранное так удачно, что даже раненая, обиженная и якобы измученная, она все равно выглядела как картинка из светского журнала. Нога ее покоилась на маленькой скамеечке, обложенная подушками. Рядом стояли графин с лимонной водой, чашка бульона и тарелка печенья, к которому она едва прикасалась с видом героини, пережившей войну. Когда я вошла, она тотчас подняла глаза к леди Ашборн и жалобно произнесла: — Я уверяю вас, мадам, это ужасно болит. Кажется, мне лучше вовсе не двигаться до конца недели. И затем продолжила: — Мистер Фейн был чрезвычайно добр. Я бы, право, не дошла без его помощи. Кэти закатила глаза так выразительно, что мне стоило большого труда не улыбнуться. Леди Ашборн, к счастью, была поглощена письмами и не стала развивать тему. Но Эми весь завтрак страдала напоказ, чуть морщилась, вздыхала, напоминала о скверной дороге в Дальние сады, о неудобстве седла, о том, как бедный мистер Фейн вынужден был прервать прогулку. Остаток дня прошел тихо. Я занималась с Кэти. Мы разбирали французский текст о лете и садах, читали вслух, потом рисовали стрекозу по ее памяти. К вечеру дом стал совсем тихим. Леди Ашборн ушла отдыхать. Кэти, утомившись, задремала с книгой у меня на коленях, а я долго сидела рядом с ней, не шевелясь, и думала о Даниэле, о Джии, о письме, которое уже должно быть было на пути в Америку. Возвращаясь к себе, я задумалась и решила перед сном побродить недолго по западному крылу. Сумерки уже сгустились. Летний вечер был густо-синий, теплый, неподвижный. В старом саду пахло сиренью и влажной травой. Луна еще не взошла, но небо уже светлело над верхушками деревьев бледной предлунной мглой. В коридоре западного крыла было темнее, чем в остальных частях дома. Тут всегда стоял особенный полумрак, будто старые стены помнили слишком многое и потому не любили света. Я шла медленно, почти не слыша собственных шагов, погружённая в мысли, и сама не заметила, как оказалась возле старой гостиной. Именно тогда я услышала шум. Сначала это был почти неслышный скрип, будто по гравию осторожно проехали колёса. Потом, немного погодя, низкий звук мотора. Я остановилась. У старого окна в дальнем конце коридора было темно, но не совсем. Сквозь стекло в саду я увидела движение: к чёрному входу западного крыла подъехала машина. Я прижалась к стеклу, не понимая, почему сердце вдруг так резко ударило в груди. Из машины вышли трое. Первого я узнала сразу. Даже в сумерках, даже издалека, даже прежде чем он повернул голову, я поняла, что это Эдвард. Он шёл быстро, уверенно, почти нетерпеливо, и жестом подозвал двоих мужчин, вышедших следом. Они были в тёмных пальто, в шляпах, лица их я различала плохо, но видела, что один был выше, а другой держался чуть позади, как человек, привыкший слушать, а не говорить. Эдвард провёл их к чёрному входу, открыл дверь, и все трое исчезли внутри. Я стояла, не двигаясь. Почему он вернулся сегодня? И если он приехал сейчас, то почему через западное крыло? Почему так тихо? Я медленно отступила от окна и уже хотела вернуться к себе, когда заметила в саду ещё одно движение. Две тёмные фигуры. Они шли не по дорожке, а вдоль стены, укрываясь в тени деревьев. Я прижалась к стеклу сильнее, пытаюсь разглядеть их. Один из мужчин остановился под окнами, другой слегка обошёл его и наклонился к раме. Мне показалось, что он проверяет, не открывается ли окно. Сердце у меня ушло в пятки. Это были не случайные прохожие. Что-то здесь было не так. Я больше не думала. Резко развернувшись, я почти побежала обратно по коридору, к тому месту, где только что исчез Эдвард. Лишь бы успеть предупредить его. Лишь бы он знал. Но не успела я сделать и нескольких шагов, как из тени вдруг выросла фигура Эдварда. Так внезапно, что я едва не вскрикнула. Он схватил меня за плечо, второй рукой мгновенно зажал рот и прижал к стене. Его лицо было совсем близко. Глаза, темные, напряженные, впились в лицо. — Тише, — прошептал он. — Мисс Симоне, какого черта, вы здесь делаете, позвольте узнать? — Мистер... мистер Фейн, — прошептала я, едва он убрал ладонь с моего рта. — Я видела... В саду... двое мужчин. Они у окна. Они пытаются открыть его. Я хотела вас предупредить. Он не ответил

сразу. Только на миг отвернул голову, и я увидела, как за его плечом из темноты выступили двое мужчин, которых он привёл с собой. Теперь они стояли рядом, и один из них, высокий и сухоплечий, уже смотрел в сад с мрачным, сосредоточенным выражением лица, другой ниже в очках выглядел растерянным. — Похоже, нас решили навестить, — тихо сказал Эдвард. — Что-то быстро, — мрачно заметил второй мужчина. — Значит их кто-то предупредил, — ответил Эдвард. Человек в очках сразу побледнел. — Нужно спрятать бумаги. — Да, — коротко ответил Эдвард. — Уильям, забирай документы. Марлоу, проверь задний сад. Оба двинулись мгновенно. Эдвард резко выпрямился и тут же вынул из внутреннего кармана револьвер. Металл тускло блеснул в лунном свете. У меня пересохло во рту. Боже, что тут происходит? Те люди и вправду так опасны? — Возвращайтесь в комнату, мисс Симоне, — бросил Эдвард, даже не поворачиваясь ко мне. — И не вздумайте шуметь. Ноги меня не слушались, я словно приросла к полу и во все глаза смотрела на него. Эдвард поднял голову, его губы дрогнули. — Если вы задержитесь здесь ещё на минуту, и бабушка узнает, что в западном крыле ночью бегают люди с револьверами, у нас всех будет не один приступ, а целый семейный совет на тему обмороков. А я, признаться, предпочёл бы сначала разобраться с гостями, прежде чем объяснять всё леди Ашборн. И тогда я повернулась и направилась прочь из западного крыла. Дом спал, было очень тихо. Я уже почти дошла до гостиной, когда мне почудилось, будто из-за камина кто-то шевельнулся. Я вздрогнула и остановилась. Сначала мне показалось, что это тень. Потом, что просто отблеск света. Но затем из темноты снова донёсся очень лёгкий шорох, не похожий ни на ветер, ни на скрип дерева. Я медленно повернулась к камину. Сердце стучало так сильно, что мне казалось, его слышно по всему коридору. В каминной нише, за тяжёлой резной заслонкой, едва различимо шевелилось что-то тёмное. Я не думала. Рука сама собой нашла тяжёлую каминную кочергу, и, сжав её так крепко, что побелели пальцы, я шагнула вперёд. Тень не двигалась. Ещё один шаг. Лунный свет, пробившийся сквозь высокое окно, вдруг лег на пол у камина, и в этом холодном серебре я увидела человеческую фигуру, съёжившуюся прямо на ковре. Мужчина. Он резко поднял голову, будто почуял опасность, и его взгляд, перепуганный до безумия, метнулся ко мне. Я застыла. Он тоже. А затем он вскрикнул так отчаянно, что мне на миг показалось, будто сама тьма в комнате содрогнулась. — Не надо! Ради Бога, не надо! Я ничего не сделаю! Я не хотел... я не хотел ничего плохого! И я уже знала его. Даже раньше, чем лунный свет полностью коснулся его лица. Даже раньше, чем увидела впалые щёки, щетину, заострившиеся черты и знакомую линию рта, зеленые глаза... — Даниэль... — выдохнула я. Кочерга с тихим звоном выскользнула из моих пальцев и ударилась о край камина. Мир вокруг меня словно остановился.

Глава 19. След на шее

— Даниэль... — выдохнула я.

Кочерга с тихим звоном выскользнула из моих пальцев и ударилась о край камина.

Мужчина в нише вздрогнул всем телом и ещё сильнее вжался в каменную кладку. Лицо его было бледным, осунувшимся, почти чужим, и всё же зелёные глаза, вспыхнувшие в полосе лунного света, были мне знакомы до боли. Но он смотрел на меня так, словно видел перед собой не сестру, а новую опасность.

— Не надо, — прохрипел он, поднимая перед собой дрожащую руку. — Ради Бога, не надо...

Голос его был сорванный, хриплый, с тем сухим надломом, какой бывает у человека, слишком долго говорившего шёпотом или не говорившего вовсе. Я сделала шаг к нему — медленно, осторожно, боясь спугнуть.

— Даниэль, — повторила я тише.

Он глядел на меня с мучительным напряжением, и я вдруг поняла: он не узнаёт меня.

Сердце больно ударило в грудь.

Конечно, как он мог узнать? В этом полумраке, в чужом доме, в платье гувернантки, в тяжёлых очках, с гладко убранными волосами, с лицом, отученным быть собой.

Я опустилась перед ним на колени, так чтобы лунный свет хоть немного коснулся моего лица, и едва слышно произнесла по-лаосски то, что когда-то говорила ему в детстве, когда он в очередной раз возвращался домой избитый, упрямый и злой:

— **Бо пен ньян. Хой ю ни. Не бойся. Я здесь.**

Он замер.

Я увидела, как изменилось его лицо. Сначала недоверие. Потом испуг, ещё более острый, почти суеверный. Потом что-то дрогнуло в глазах, будто из-под золы вдруг проступил прежний огонь.

— Киара?.. — выдохнул он.

И я больше не выдержала.

— Да, — шепнула я, чувствуя, как сжимается горло. — Да, это я. Но тише, ради Бога, тише.

Он резко подался ко мне, потом так же резко остановился, словно боялся, что, если дотронется, я исчезну. Я сама взяла его за руку. Она была ледяной, грязной, исцарапанной, и от этого прикосновения всё во мне болезненно перевернулось.

Мой брат был жив.

Он стоял передо мной.

Из коридора донёсся отдалённый шум шагов и чей-то приглушённый оклик. Где-то в саду скрипнула ветка.

Я стиснула его пальцы сильнее.

— Слушай меня очень внимательно. Ни слова. Ни одного лишнего вопроса. Ты можешь идти?

Он кивнул, хотя видно было, что едва держится на ногах.

— Хорошо. Идём.

Я поднялась и помогла ему выбраться из ниши. Он качнулся, словно земля под ним была ненадёжна, и я невольно подхватила его под локоть. Даниэль был лёгким, тревожно лёгким, и от этого у меня потемнело в глазах. Когда-то он казался мне самым сильным человеком на свете.

Мы вышли из гостиной через боковую дверь, ту, которой почти никто не пользовался, и спустились к саду по узкой каменной лестнице. Ночь была тёплая, неподвижная, влажно пахло

сиренью, прелой травой и ещё чем-то металлическим, тревожным, как всегда бывает перед бедой. За домом тянулись длинные полосы тени. Окна западного крыла были по большей части темны, только где-то в глубине мелькнул слабый свет.

Я довела его до старой липы у ограды, где густая тень почти скрывала нас.

— Ты должен сейчас же уйти, — прошептала я. — Немедленно. И больше не подходить к дому.

— Киара, — выдохнул он, всё ещё глядя на меня так, будто не мог поверить собственным глазам. — Я думал...

— Потом. Всё потом. Завтра. В шесть часов. У церкви святой Анны, возле кладбищенской ограды. Ты понимаешь?

Он смотрел на меня в упор, жадно, растерянно, словно хотел запомнить. На его щеке темнела грязная полоса, у виска засохла кровь, ворот рубашки был порван.

— Понимаешь? — повторила я.

— Да.

— Не опаздывай. И не позволяй никому идти за тобой.

Где-то неподалёку хлопнула дверь.

Я вздрогнула.

— Беги! — прошептала я.

Он отпустил мою руку, отступил назад и почти сразу растворился в тени кустов, так быстро и бесшумно, что через секунду мне уже трудно было понять, не почудилось ли мне всё это.

Я стояла под липой ещё одно короткое мгновение, пытаюсь справиться с дыханием. Сердце колотилось так сильно, что в висках звенело. Жив. Он жив. Боже мой.

Я уже повернулась к дому, когда чья-то рука вдруг обвилась вокруг меня сзади, грубо дёрнув назад.

Я не успела ни крикнуть, ни вырваться.

Холодное лезвие легло мне под подбородок.

— Тихо, — прошипел мне в ухо незнакомый голос. — Только пикни — и всё.

Меня будто мгновенно обожгло льдом. Я застыла.

От человека пахло мокрой шерстью, табаком и грязной сыростью ночи. Его рука держала меня железной хваткой поперёк груди. Нож не резал, только касался кожи, но этого лёгкого прикосновения оказалось довольно, чтобы я перестала чувствовать ноги.

Я увидела впереди движение.

Из двери западного крыла выбежал Эдвард. С ним был один из тех мужчин, что приехали вечером. Кажется, тот самый высокий, сухоплечий. Оба остановились сразу, как только увидели нас.

Эдвард остановился в нескольких шагах, револьвер в его руке был опущен, но я видела, как напряжены его пальцы, и как потемнело его лицо.

— Бумаги, — сказал человек за моей спиной. Голос у него был хриплый, торопливый. — Отдайте бумаги. Сейчас же. Или я перережу ей горло.

Мужчина рядом с Эдвардом едва заметно шевельнулся.

— Не двигаться, — произнёс Эдвард очень тихо. — Вы в крайне невыгодном положении. Дом окружён.

— Лжете.

— Проверять не советую.

Лезвие чуть сильнее надавило на кожу, и я невольно втянула воздух.

— Мне терять нечего, — прошипел тот. — Бумаги, Фейн. Вы знаете, о чём я.

Эдвард не спускал с меня глаз.

— Отпустите даму, — сказал он всё тем же ровным, тихим голосом. — И, возможно, у вас останется шанс уйти.

— Сначала бумаги!

Тишина натянулась между нами так туго, что казалось, ещё миг и она лопнет.

И тут где-то в темноте, за дальними деревьями, раздался лай.

Сторожевые собаки.

Звук быстро приближался, ломая ночную тишину, наполняя сад грубым, низким гулом звериной силы. Человек за моей спиной дёрнулся. Я почувствовала, как переменялась его хватка.

— Чёрт, — прошипел он.

— Поздно, — сказал Эдвард.

В ту же секунду рука на моей груди ослабла.

Я рванулась вперёд, почти не соображая, и побежала к Эдварду. Он перехватил меня одной рукой так резко, что я почти ударились лицом о его плечо. Другая его рука уже подняла револьвер.

Выстрел разорвал ночь.

Запах пороха ударил в воздух.

Тень метнулась между кустами и скрылась в темноте. Одна из собак лаяла теперь совсем рядом; второй мужчина с криком бросился в сторону деревьев.

Я судорожно вцепилась в рукав рубашки Эдварда и только тогда поняла, что дрожу так сильно, что не могу выговорить ни слова.

— Всё хорошо, — сказал он резко, почти сердито, но рука, удерживавшая меня, стала крепче. — Всё уже хорошо.

В доме уже вспыхивали огни. Ночь, ещё минуту назад такая тёмная и неподвижная, рассыпалась на шум, свет и тревогу.

Эдвард выпустил меня не сразу.

Когда он наконец отстранился, лицо его уже снова стало тем, обычным, собранным и почти сухим. Только дыхание было чуть резче прежнего.

— Мисс Симоне, — произнёс он негромко, — поднимитесь к себе. Немедленно.

Я открыла рот, но он опередил меня:

— Сейчас же.

Я подчинилась.

Через четверть часа весь дом уже знал, что ночью в сад забралась лиса.

Именно эту версию Эдвард предложил леди Ашборн, миссис Уолтон, перепуганной прислуге и особенно мисс Дженкинс, которая, завернувшись в шаль поверх ночной рубашки, выглядела так, словно пережила осаду крепости.

— Обыкновенная лиса, — сказал Эдвард с тем невозмутимым видом, который всегда обезоруживал собеседников быстрее любых доказательств. — Псы её вспугнули. Один из садовников, кажется, успел заметить хвост. Я вернулся раньше, чем предполагал, и, к счастью, оказался рядом, когда поднялся шум.

— Лиса? — с сомнением переспросила леди Ашборн. — В западном саду?

— Они иногда подходят к хозяйственным постройкам, если чуют птицу, — ответил он.

— Я слышала выстрел! — объявила Эми трагическим голосом.

— Вам послышалось эхо собачьего лая, — сухо сказал Эдвард.

Кэти, напротив, была очень веселой и просила Эдварда показать ей убитую лису.

— В другой раз, мисс, — улыбнулся Эдвард, беря ее на руки, — сейчас всем настоящим леди полагается спать.

Когда шум понемногу улёгся и дом, пошатываясь от пережитой тревоги, вновь начал собираться в ночную тишину, я наконец поднялась к себе.

Лишь закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

Даниэль.

Мой брат был здесь. В доме Эдварда.

Я подошла к окну и отдернула край шторы.

Сад лежал спокойно, темно и почти невинно. Нигде нельзя было бы угадать, что ещё совсем недавно там кто-то держал меня мёртвой хваткой и шептал в ухо угрозы. Далеко за деревьями время от времени вспыхивали фонари, видимо, ещё продолжали прочёсывать дорожки.

Почему Даниэль оказался именно здесь?

Что ему нужно от Эдварда?

И что это за люди, которые требуют какие-то бумаги с такой яростью, будто от них зависит чья-то жизнь?

Мне стало зябко. Я обняла себя за локти.

Одно я понимала ясно: всё это ведёт к чему-то дурному, очень дурному. И завтра я должна узнать правду у Даниэля, какой бы она ни была.

Я только успела снять пиджак и положить его на спинку стула, когда в дверь негромко постучали.

Сердце сразу подскочило к горлу.

— Да? — сказала я, надеясь, что голос звучит ровно.

— Это я, мисс Симоне, — раздался негромко голос Эдварда.

Я быстро подошла и открыла дверь.

На пороге стоял Эдвард.

Он уже успел переодеться, волосы были чуть влажны у висков, как будто он наскоро умылся холодной водой. В руках он держал небольшой свёрток.

— Простите, что беспокою вас так поздно, — сказал он. — Но я хотел убедиться, что вы в порядке. Вы, должно быть, сильно испугались.

— Благодарю вас. Всё хорошо, — отвечаю машинально, во все глаза глядя на него.

— Боюсь, не совсем, — тихо сказал он.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду. И только когда его взгляд остановился где-то у основания моей шеи, машинально подняла руку к горлу.

— Что такое?

— След, — ответил он. — У вас осталась царапина.

Я подошла к зеркалу и отодвинула ворот платья. В тусклом свете лампы, чуть сбоку, под линией челюсти, действительно тянулась тонкая красноватая полоска. Неглубокая, почти невесомая, и всё же при виде её меня неожиданно пробрала дрожь.

— Я даже не почувствовала, — призналась я.

— В таких случаях человек обычно чувствует не то, что происходит с кожей, — сказал он.

На миг в комнате повисла тишина.

Потом Эдвард чуть приподнял свёрток.

— Я принёс бинт и мазь. Нужно обработать, чтобы не было воспаления. Если вы не возражаете... я мог бы помочь.

В иной вечер я, возможно, нашла бы предлог отказаться. Но сейчас во мне всё было слишком расшатано: страхом, усталостью, появлением Даниэля, ещё не улегшимся ощущением руки Эдварда у себя на талии, выстрелом в ночи. К тому же в его голосе звучало что-то непривычно мягкое.

Он помолчал и добавил, уже тише:

— Вы были очень храбры сегодня.

От этих слов мне почему-то стало ещё труднее дышать.

— Хорошо, — сказала я. — Входите.

Он уже вошёл, но теперь шагнул ближе, к столу у окна, и аккуратно развернул свёрток. Внутри были баночка с мазью, вата, бинт и небольшая склянка, от которой пахло спиртом.

— Сядьте сюда, если позволите, — сказал он, кивнув на край письменного стола. — Так будет удобнее.

Я послушно села, стараясь не думать о том, как странно выглядит эта сцена со стороны: поздняя ночь, закрытая комната, лампа под зелёным абажуром, мужчина, которого я люблю и не имею права любить, и я, Киара Марэ, под чужим именем, в чужом платье перед ним.

Он открыл склянку, смочил вату и, не глядя на меня, произнёс:

— Я надеюсь, мисс Симоне, вы понимаете, что то, что вы видели сегодня, лучше не обсуждать ни с кем в этом доме.

— Даже с леди Ашборн?

— Особенно с леди Ашборн.

— Почему?

Он чуть повернул голову, но не сразу ответил.

— Потому что дело, которым я занят, серьёзнее, чем может показаться со стороны. И чем меньше людей будут о нём знать, тем лучше для всех.

Я промолчала.

Он поднёс вату к моей шее, потом остановился.

— Боюсь, вам придётся расстегнуть ворот. Иначе я только испорчу платье и ничего толком не сделаю.

Я почувствовала, как к лицу приливает жар.

Ворот моего платья был высок и плотно застёгнут под самое горло. Я подняла руку к верхней пуговице, но пальцы почему-то оказались гораздо менее послушными, чем обычно.

Я расстегнула первую.

Потом вторую.

Потом третью.

И именно тогда заметила его взгляд. Он смотрел на мои пальцы. Напряжённо, сосредоточенно, неподвижно, и почти не дышал.

Я отвела глаза первой.

Чтобы скрыть смущение, я медленно повернулась к нему спиной.

Расстёгнутый ворот чуть разошёлся, обнажив шею.

— Теперь можно, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Несколько секунд он не отвечал.

Потом я услышала его шаг.

Он подошёл сзади.

Слишком близко.

Я чувствовала его взгляд ещё до того, как почувствовала прикосновение. Потом холод влажной ваты коснулся кожи, и я невольно вздрогнула.

— Простите, — тихо сказал он.

— Ничего.

Сердце бешено билось в груди. Я остро ощущала каждое его движение. Его рука придерживала край воротника, чтобы не запачкать ткань. Кончики пальцев едва касались моей шеи, и от этого по спине расходилась тонкая, сладкая дрожь.

Я слышала его дыхание. Слышала, как он иногда едва заметно задерживает его, будто ему тоже стоило усилия продолжать эту простую, почти невинную процедуру так, словно в ней не было ничего опасного.

— Откуда вы родом, мисс Симоне? — спросил он вдруг.

Вопрос прозвучал буднично, но у меня внутри всё сжалось. Я судорожно начала вспоминать, что мне рассказывал мистер Джойс из досье настоящей Жослин Симоне. Родилась под Парижем. Сирота. Монастырский приют.

Я заставила себя отвечать ровно.

— Недалеко от Парижа, — сказала я. — Я родилась там. Мои родители умерли, когда мне было десять. После этого меня отправили в монастырский приют. Я училась там до восемнадцати лет.

Его пальцы на миг замерли.

— Вот как.

— Да.

Он снова коснулся моей шеи ватой, уже осторожнее, почти ласково.

— Теперь я, кажется, понимаю, — произнёс он.

— Что именно?

В его голосе послышалась та сухая насмешка, которую я знала слишком хорошо.

— Почему ваши наряды иногда так напоминают монашеское облачение.

Я бы, возможно, улыбнулась, если бы не чувствовала так остро его близость. Вместо этого я только опустила глаза.

— Скажите, — произнёс он как бы между прочим, — вы, случайно, не рассмотрели второго человека в саду?

Я сжала пальцы на краю стола.

Вот оно. Что же ему ответить? Я не могу рассказать о том, что видела Даниэля.

— Нет, — отвечаю, смотря под ноги.

— Что вы там бормочите? — спросил Эдвард, взяв меня за подбородок и заставив взглянуть ему в глаза.

— Нет, милорд, — говорю, стараясь не отводить взгляд. — Я не видела второго человека.

Что-то промелькнуло в серой глубине, какая-то эмоция, но я не успела ее разобрать. Эдвард взял баночку с мазью и стал осторожно закручивать крышку.

— Милорд, — усмехнулся он, как мне показалось, с грустью. — Каждый раз, когда вы ко мне так обращаетесь, внутри все переворачивается от непонятно откуда взявшейся ярости. И я, признаться, сам не понимаю почему это происходит.

Я не нашлась с ответом.

Сердце моё колотилось так отчаянно, что я боялась: он услышит.

Я смотрела на ковер, он на меня.

Что-то дрожало между нами. Горячее, темное, опасное.

Это было то самое пламя, что сожгло однажды нас дотла, не оставив следа.

Он, кажется, это тоже понял.

Именно поэтому отступил на шаг, коротко поклонился, чуть насмешливо, чуть официально, и сказал:

— Спокойной ночи, мисс Симоне. Оставляю вас в вашей келье.

— Спокойной ночи.

На этот раз он только качнул головой и быстро вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

В комнате пахло спиртом, лавандовым мылом и едва уловимо — им. На столе лежала забытая полоска ваты. Я машинально коснулась кончиками пальцев шеи там, где ещё горела тонкая полоска боли.

След был совсем небольшой.

Но я уже знала: не он останется со мной этой ночью.

Не след ножа.

След его рук.

След его взгляда.

След того ужаса, который мелькнул в его глазах, когда он увидел у моего горла лезвие ножа.

И это было опаснее любой раны.

Глава 20. У церкви святой Анны

На следующее утро весь дом только и говорил, что о ночном происшествии.

Правда, говорил шепотом, с тем странным оживлением, которое бывает в больших старых домах после ночной тревоги, если сама тревога, по счастью, не успела обернуться настоящей бедой. Слуги на кухне утверждали, что слышали рычание и даже видели хвост, мелькнувший между кустами. Кухарка уверяла, что хищница наверняка пришла за курами. Один из садовников клялся, будто нашел на грядках следы.

За завтраком мисс Дженкинс заявила, что слышала не только лай собак, но и какой-то страшный, совершенно нечеловеческий крик. Леди Ашборн, напротив, находила всё происшествие досадным и почти оскорбительным.

— Я решительно не понимаю, — сказала она, разливая чай с той точностью, с какой, должно быть, вела бы допрос, — откуда в этих местах могли взяться дикие лисы. Здесь не пустошь и не лесная чаща.

— Может быть, она пришла из рощи за северным полем, — предположила миссис Уолтон осторожно.

— Лисы, — трагически произнесла Эми Дженкинс, приложив руку к груди, — это всегда дурной знак. Я почти не спала до утра.

Я опустила глаза в чашку, чтобы не выдать выражения лица.

Кэти, напротив, была в самом приподнятом настроении. Ночной переполох вовсе не напугал её, скорее, подарил редкое и совершенно недопустимое для девочки её возраста приключение.

— А дядя Эдвард покажет нам её? — спросила она с надеждой. — Ну, если лису всё-таки убили.

— Кэти, — мягко, но устало сказала леди Ашборн, — настоящие леди не просят показывать им мёртвых животных за завтраком.

— Тогда после завтрака, — с готовностью согласилась Кэти.

Миссис Уолтон не выдержала и тихо фыркнула в салфетку.

Я едва не рассмеялась, но в ту же секунду вспомнила ночной металл у своей шеи, жесткую руку поперек груди, темный сад и глаза Эдварда: страшные, сосредоточенные, неподвижные.

Эдвард приходил ко мне ночью.

Эта мысль возвращалась снова и снова, вытесняя всё остальное. Его влажные после умывания виски. Запах его кожи. Спокойный голос. Холод ватки у меня на шее и тепло его пальцев. Его потемневший, неподвижный взгляд на моих руках, когда я расстёгивала ворот платья. И то мгновение, когда он поднял мне подбородок и заставил посмотреть на него. От этих мыслей щеки вспыхивали жаром даже за завтраком.

Сердце сладко замирало, а по телу разливалось тепло.

Я не должна была вспоминать это так часто. Не должна была вообще позволять себе вспоминать. Но именно запретные вещи, как назло, возвращаются упорнее всего.

К полудню от утреннего переполоха не осталось ничего, кроме редких пересудов в коридорах и некоторого оживления среди прислуги. Дом понемногу снова стал тем, чем был всегда: тихим, чинным, удобным для молчания.

Я старалась вести себя как обычно. Занималась с Кэти, слушала её чтение, поправляла её почерк, отвечала на бесконечные вопросы. Но мысли мои всё время убегали вперёд, к вечеру, к церкви святой Анны, к той короткой лаосской фразе, после которой мёртвый вдруг оказался живым.

Даниэль.

Живой.

Даже теперь эти два слова не складывались у меня в одно целое.

После обеда Кэти уговорила миссис Уолтон отпустить её в сад искать следы лисы. Эми Дженкинс, которая утром едва не умирала от пережитого ужаса, к этому часу уже вполне оправилась и даже ходила по дому с таким оживлением, словно ночное происшествие каким-то чудом вернуло ей здоровье.

— Ах, мисс Симоне, — сказала она, когда мы столкнулись у лестницы, — вы сегодня так бледны. Надеюсь, вы всё-таки не слишком впечатлительны?

— Благодарю вас, мисс Дженкинс, — ответила я спокойно. — Я чувствую себя прекрасно.

Она окинула меня быстрым, острым взглядом и улыбнулась той улыбкой, в которой всегда было больше любопытства, чем доброты.

— Какое счастье. Некоторые дамы после подобных сцен страдают целую неделю.

Я не ответила. И, кажется, именно этим разочаровала её больше всего.

К вечеру в доме вновь началось движение.

Машины подъезжали к крыльцу одна за другой.

Мужчины в темных костюмах и дорожных пальто входили и выходили почти без паузы. У холла пахло мокрой шерстью, сигарами, чернилами, дорожной пылью и какой-то новой тревогой — тревогой дел, слишком больших, чтобы вести их в полной тишине. Открывались и захлопывались портфели.

И в центре всего этого движения и суеты находился Эдвард. Он приехал в одной машине с двумя мужчинами, которых я видела ночью.

Слуги носили подносы с кофе и бренди. Из соседних комнат доносились удары бильярдных шаров. В кабинете постоянно звонил телефон.

Даже леди Ашборн, при всей своей гордой самодостаточности, будто уступала пространство своему внуку без борьбы. Эдвард не командовал открыто. Не повышал голоса. Не размахивал руками, как мой отец в дурные дни на плантации. Но там, где он оказывался, воздух сам перестраивался под его присутствие.

Я несколько раз замечала его в дверях библиотеки, среди мужчин и бумаг.

Эдвард разговаривал с каждым из приехавших по-разному. С арендатором — коротко, по-деловому, с уточнениями и цифрами. С управляющим фабрики — жёстче, настойчивее. С человеком в очках — терпеливо, почти внимательно. С бывшим военным лётчиком, к которому он обращался Марлоу, — без церемоний, так, как говорят с другом, с которым однажды уже делили опасность.

Я жадно слушала эти разговоры.

Потому что в этих разговорах жил Эдвард, которого я почти не знала. И которого я так желала узнать.

Мы были женаты так недолго, наш головокружительный роман был полон страсти и опасностей, но как же мало в нем было простых, тихих дней, когда мы были просто мужем и женой. Тех обычных дней, заполненных бытовыми мелочами, через которые люди узнают друг друга, вырастают друг в друга подобно деревьям.

Нет, этого у нас не было.

Все было отнято.

Вырвано с корнем.

И вот теперь я стояла в гостиной под чужим именем и слушала его голос, будто подслушивала ту часть его души, которая когда-то должна была принадлежать и мне, и мое несчастное сердце сжималось от боли от осознания, какими счастливыми мы могли бы с ним стать, но так и не стали.

Эми Дженкинс весь вечер находилась в особенно оживлённом состоянии духа. Она успела забыть о больной ноге, о ночном испуге и о всём, что ещё утром делало её хрупкой

жертвой обстоятельств. Теперь она смеялась громче обычного, чаще, чем следовало, оказывалась поблизости от Эдварда и даже один раз попросила его достать для неё книгу с верхней полки в библиотеке. Эдвард исполнил её просьбу с безупречной вежливостью, но без всякого внимания. И Эми злилась, не понимая, почему он утратил к ней какой-либо интерес.

К половине шестого я нашла предлог выйти.

Сказала, что у меня разболелась голова после душного вечера, и это было не так уж далеко от правды.

Я быстро поднялась к себе, сменила комнатные туфли на более удобные, взяла шаль и через боковую дверь вышла из дома.

Воздух снаружи был прохладнее, чем я ожидала. Сад уже начинал темнеть, но небо ещё сохраняло долгий светлый отблеск уходящего дня. Я шла быстро, стараясь не оглядываться, хотя сердце билось так, будто меня могли окликнуть в любую минуту.

Кладбищенская ограда уже темнела в вечернем свете, когда я увидела его.

Даниэль стоял у старого каменного креста, чуть согнувшись, словно сам воздух Англии был для него слишком тяжёл.

Одежда на нем висела мешком. Щетина густо затеняла лицо. Волосы слиплись на висках. И только глаза — зеленые, родные, упрямые — были все те же.

Увидев меня, он дернулся, будто хотел сразу и подойти, и убежать.

— Киара...

У меня сжалось сердце.

— Идём, — сказала я тихо, подходя ближе. — Здесь нельзя разговаривать.

Он только кивнул.

Я отвела его в небольшую чайную неподалеку от вокзала, одну из тех скромных, почти безликих английских заведений, где пахнет чаем, жареным луком, старым деревом и дешевой едой.

В углу тикали часы. За соседним столом двое рабочих молча ели пирог.

Мы сели в углу.

Я заказала чай, хлеб, мясной пирог, немного сыра и всё, что только показалось мне достаточно сытным и быстрым. Когда еду принесли, Даниэль сначала смотрел на неё с каким-то почти звериным недоверием, а потом набросился так жадно, что мне пришлось отвернуться на секунду.

Есть что-то особенно страшное в виде человека, который давно по-настоящему не ел.

— Не торопись, — сказала я наконец.

Я смотрела на него и чувствовала, как во мне медленно поднимается боль: старая, родная, острая. Передо мной сидел мой брат, и в нём уже почти ничего не осталось от того красивого, шумного, дерзкого мальчика, за которым я когда-то бегала по двору. Боже, что с нами сделала жизнь?

— Что с тобой случилось? — спросила я тихо. — Как ты оказался в Англии?

Он молчал ещё несколько секунд, потом провёл ладонью по лицу.

— Мне удалось бежать только потому, что почти вся охрана вымерла от холеры, — сказал он. — Начался такой ад, что уже никому не было дела до нескольких заключённых. Кто-то бежал в лес, кого-то пристрелили. Я просто сорвался и побежал, пока они ещё не поняли, кого потеряли.

Голос его звучал глухо, устало, будто он рассказывает не о себе, а о ком-то постороннем.

— Меня искали. Долго. Один раз почти поймали. Потом я прятался, где мог, добрался до побережья, залез в грузовой отсек на старом судне... дальше уже почти не помню. Несколько раз менял корабли.

— Ты был дома? — спросила я.

Он поднял глаза.

Что-то в его лице изменилось, и я уже прежде ответа поняла, что услышу.

— Был.

— И?..

Он долго смотрел на меня молча, словно раздумывая, говорить мне или нет.

— От дома остались только обугленные стены, Киара, — сказал он наконец. — Соседнюю деревню сожгли, там почти все вымерли от болезни. Видимо, огонь перекинулся сначала на лес, а потом дошёл и до нашего дома.

— Боже, нет... — закрываю руками лицо.

Передо мной вдруг встало всё сразу: белая стена у окна, лестница, запах сухой травы в жаркий день, голос матери, старая деревянная скамья у дверей, тень от мангового дерева, шум дождя по крыше, наши комнаты с Джи на втором этаже.

И ничего этого больше не было.

Совсем ничего.

Слёзы пришли так внезапно, что я не успела от них уклониться. Я отвернулась, прижала пальцы к губам и беспомощно покачала головой.

— Прости, — хрипло сказал Даниэль.

Когда я снова посмотрела на него, голос его тоже дрогнул.

— Я не хотел говорить так.

Я стиснула пальцы так, что ногти впились в ладонь.

— А потом? Что с тобой случилось потом?

Он горько усмехнулся.

— Потом я решил, что если уж меня не сожгли, не повесили и не утопили, то надо брать у жизни последнее. Добраться до Англии. Хотел найти Джона Картера.

Я смотрела на него внимательно.

— Зачем ты к нему пошёл?

Даниэль пожал плечами, рукой отрывая кусок хлеба и отправляя его себе в рот.

— А к кому мне было идти? Мне нужны были деньги. Я хотел выбраться как можно дальше. В Бразилию, например. Купить кофейную плантацию.

Я посмотрела на него.

Передо мной сидел голодный, измученный человек с пеплом Лаоса в глазах. И при этом все еще строил воздушные замки, как беззаботный мальчишка.

— Ты неисправим, — сказала я тихо.

Он пожал плечами, пережевывая хлеб.

— А что еще остается?

Я помолчала. Потом спросила:

— Что ты делал в доме Эдварда?

На этот раз он ответил не сразу.

— Картер сказал, что даст мне денег, только если я принесу ему кое-что, — произнёс он наконец. — Какие-то очень важные чертежи. Он не объяснил толком, что именно это такое. Сказал только, что они у Фейна и что ему они нужны любой ценой.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты знаешь, что это за чертежи? — спросила я, наклоняясь к нему.

— Нет. Но Джон... — Он помолчал, подбирая слово. — Он как будто обезумел. Ещё сильнее прежнего ненавидит Фейна. И ради этих чертежей он пойдёт на всё. Я так думаю, Киара, там завязаны серьезные деньги.

Я опустила руки на колени, чтобы он не видел, как дрожат пальцы.

— Киара, — сказал Даниэль вдруг, вглядываясь в меня. — Что ты вообще делаешь в доме Фейна в таком виде?

Я невольно коснулась шляпки, тяжелых очков на лице, потом воротника платья.

— Я там гувернантка, — ответила я. — Племянницы Эдварда. Я живу под чужим именем. Он не знает, что я — Киара Марэ.

Даниэль моргнул.

— Что?

— Для них я мисс Жослин Симоне. Воспитанница монастыря.

Несколько секунд он просто смотрел на меня, а потом откинулся на стул и громко расхохотался, напугав людей за соседним столом.

— Господи, какой же этот Фейн олух.

— Даниэль, — я нахмурилась.

— Нет, правда, — он покачал головой. — Фейн всегда казался мне человеком, который замечает всё. А тут — ты сидишь у него в доме, под самым его носом, а он не видит?

Мне стало горько. Я грустно вздохнула и оперлась подбородком о руку.

— Видимо, он забыл меня.

— Или он ослеп, — отрезал Даниэль. Потом прищурился. — Хотя это всё равно странно. В Лаосе по нему было видно, что он по тебе с ума сходит.

От этих слов я встрепенулась.

— Как ты это понял?

— Что?

— Что Эдвард сходил по мне с ума в Лаосе.

Даниэль усмехнулся и почесал щетинистую щеку.

— Ну такие вещи, сестренка, другие мужчины улавливают сразу. Куда бы ты не пошла, он смотрел на тебя и забывал дышать. А когда ты смеялась с каким-то французским юнцом, у него лицо было такое, будто он готов его утопить.

Сердце мое щемило от радости. Неужели это правда, и Эдвард был так в меня влюблен?

— Я тогда подумал: всё, пропал этот английский лорд. Совсем пропал. И если уж я это понял, то как ты могла не понять? — пожал плечами Даниэль.

Я опустила глаза.

— Видимо, теперь он обо мне больше не думает, — сказала я тихо. — Иначе узнал бы.

Даниэль нахмурился, но спорить не стал. Он слишком мало знал о том, что произошло после, и я не собиралась открывать ему больше, чем уже открыла.

Вместо этого я спросила:

— Расскажи мне о Гарри Фейне. И о Картере. О том времени, когда они были близки.

Брови Даниэля удивленно поползли вверх.

— Почему ты вдруг вспомнила об этом, Киара?

— Расскажи мне, Даниэль, — настаивала я. — Я должна знать, что тогда произошло. Особенно как получилось, что Рассел-холл, семейное поместье Фейнов, отошло к Картеру.

Даниэль задумался, пытаясь вспомнить что-то из далекого прошлого.

— Мы учились все вместе в Оксфорде, — наконец начал он. — Гарри на год младше. Он также, как и мы с Джоном, любил карты и выпивку, и все кичился своим аристократическим происхождением, а ты помнишь, Киара, что вся эта тема про голубую кровь как красная тряпка для быка для Джона. Ну и решил он этого Гарри разбить в покер. Подзуживал, тянул в игру, выставлял дураком при других. Гарри проигрывал всё больше, а Джон только подливал масла в огонь.

Я слушала, затаив дыхание.

— В какой-то момент Гарри проиграл почти всё своё наследство, — продолжал Даниэль. — А потом... потом застрелился. Насколько я знаю, после очередного проигрыша и очередного унижения. Картер любил добивать словом. Иногда это хуже пули.

Я зажмурилась на секунду. Боже, какой ужас. Я хорошо помнила Джона Картера, его способность залезать людям под кожу. По спине пробежал мороз.

— А его отец? — спросила я.

— Сэр Ричард Фейн? — Даниэль поморщился. — После смерти Гарри всё посыпалось ещё сильнее. Картер и его отец, мистер Саймон, провернули что-то с долгами, закладными, бумагами... я никогда не вникал в эти тонкости. Но в итоге старого лорда Фейна заставили продать Рассел-холл, чтобы расплатиться. Эдварда тогда, кажется, не было в Англии.

Я медленно выдохнула.

Перед глазами почему-то встала Кэти — её серьёзные глаза, растрёпанная голова по утрам, её доверчивый голос и звонкий смех.

— У Гарри осталась дочь, — медленно произнесла я.

Даниэль поднял на меня совершенно потрясённый взгляд.

— Дочь?

— Да. Кэти. Она живёт в доме. Племянница Эдварда.

Он долго молчал, смотря на пустую тарелку перед собой.

— Я не знал, — произнёс он наконец, вздохнув. — Чёрт возьми, Киара, я не знал. Я, конечно, понимал, что Гарри играет отвратительно в покер, и что Джон доводит его до края, но... я не думал, что всё кончится вот так. Я не думал, что он может застрелиться...

Я посмотрела на него устало.

— В то время ты вообще мало о ком-либо думал, кроме себя, Даниэль.

Он скривился, как от удара, но спорить не стал.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом я открыла сумочку, достала несколько купюр и положила их перед ним на стол.

Он сразу покачал головой.

— Нет.

— Возьми.

— Киара...

— Возьми, — повторила я твёрже. — И уезжай. Как можно скорее. Не возвращайся к Картеру.

Он посмотрел на деньги, потом на меня.

— Тебе лучше тоже не оставаться в том доме, Киара. С этим проектом завязаны огромные деньги и амбиции. Картер скорее сам себе горло перережет, чем уступит его Фейну.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается холод.

— Тогда тем более тебе нужно уехать.

Он накрыл деньги ладонью, но всё ещё не убирал их.

— Будь осторожна, — сказал он. — Особенно ты.

— Почему?

Он помедлил.

— Я был у Картера в доме. В Лондоне. У него в его комнате твой огромный портрет.

Я не сразу поняла смысл этих слов.

— Что?

— Большой портрет, — пояснил Даниэль. — Почти в полный рост. Мне еще в Лаосе это показалось подозрительным. Все бегал вокруг меня и расспрашивал, что ты любишь, да что тебе нравится. Джон давно одержим тобой и страшно скорбит, так как думает, что ты погибла от эпидемии холеры.

Я вцепилась пальцами в край стола.

— Ты не должен говорить ему, что я жива, — сказала я очень тихо. — Ни при каких обстоятельствах. Слышишь? Ни словом.

— Я понял.

— И уезжай. Сегодня же, если сможешь.

Он кивнул.

На этот раз деньги он всё-таки взял.

Мы вышли из чайной вместе. На улице уже совсем стемнело. Церковная ограда чернела на фоне побледневшего неба, и где-то вдалеке коротко ударил колокол.

У самой калитки Даниэль остановился.

— Ты правда останешься там? — спросил он ещё раз.

— Да, — ответила я. — Еще какое-то время останусь, а потом уеду в Америку.

Даниэль покачал головой, но больше ничего не сказал.

Через мгновение он уже исчез в темноте. Я смотрела ему в спину и думала о том, что он совсем не изменился. Все такой же эгоистичный повеса. И он даже не спросил меня о Джи, жива ли она, где сейчас.

Когда я вернулась в поместье, в доме уже почти все спали. Гости разъехались. Только на нижней галерее под темными портретами еще горела одна лампа, да где-то в дальнем крыле негромко хлопнула дверь.

Я шла медленно, почти не чувствуя ковра под ногами. После разговора с Даниэлем все внутри меня было словно туго стянуто невидимой нитью: наш сгоревший дом в Лаосе, судьба несчастного Гарри Фейна и сэра Ричарда Фейна, ненависть Джона Картера, и осунувшееся от голода и тревог лицо моего брата.

Я была так погружена в свои мысли, что вздрогнула, когда впереди из полумрака вдруг выступила фигура.

Эдвард.

Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и, судя по выражению лица, ждал меня уже не первую минуту.

— Вот вы где, мисс Симоне, — произнёс он негромко. — А я уж начал опасаться, не похитил ли вас кто-нибудь снова.

Я остановилась.

— Простите?

— Вы исчезли весьма внезапно, — продолжал он с той лёгкой, насмешливой интонацией, за которой слишком часто скрывалось нечто совсем иное. — И теперь возвращаетесь в столь поздний час. Я, разумеется, не смею допрашивать вас... но надеюсь, вы, по крайней мере, не проводили вечер в обществе того скучного мистера Джойса?

Я почувствовала, как у меня внутри сразу всё напряглось.

— Это вас не касается, милорд, — ответила я холодно, скидывая подбородок. — С кем я провожу своё время.

Он тихо усмехнулся.

— Что это? Госпожа аббатиса изволит дерзить?

— Если вам угодно так это называть, милорд.

— И снова это милорд, — заметил он, покачивая головой. — Хотя я, кажется, уже дал понять, до какой степени это обращение действует мне на нервы.

Я сжала перчатки в пальцах.

— В таком случае, как же мне следует к вам обращаться?

Он внимательно посмотрел на меня, а затем ответил совершенно спокойно:

— Можете просто называть меня Эдвардом.

Я уставилась на него, решив, что ослышалась.

— Это неприемлемо.

— Отчего же?

— Потому что вы хозяин этого дома, а я гувернантка.

— Разумеется, — ответил он. — Ваши монастырские привычки этого не допустят.

Я вспыхнула.

— Если вы намерены смеяться надо мной...

— О, напротив, — улыбнулся он. — Совсем напротив. Я пытаюсь понять, где кончается ваша добродетель и начинается наказание для всех вокруг.

Я стиснула зубы и попыталась его обойти.

Но он чуть сдвинулся с места, не преграждая мне дороги открыто, однако ровно настолько, чтобы я почувствовала его близость.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал он тише, отчего у меня подкосились ноги.

— С кем вы были?

Я подняла на него глаза.

— А вы не имели права задавать подобный вопрос.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Серые глаза в полумраке казались почти тёмными.

Потом угол его рта едва заметно дрогнул.

— Вы невозможная женщина, мисс Симоне.

— А вы, милорд, слишком любопытны.

На этот раз он тихо рассмеялся.

— Вот опять.

— Спокойной ночи, — повторила я и, не дожидаясь ответа, прошла мимо.

Сделав несколько шагов, я вдруг увидела впереди Эми Дженкинс.

Она стояла у поворота коридора, наполовину в тени, и, очевидно, была свидетельницей нашего разговора. На ее губах застыла улыбка. Но глаза смотрели на меня с холодной пристальностью.

Глава 21. Признание у озера

После встречи с братом прошло три дня.

Ни один из них не принёс мне покоя. Вновь и вновь я вспоминала слова Даниэля о Джоне Картере, о том, как Даниэль советовал мне уехать отсюда, что Картер стал еще неистовее с тех пор, как я его помнила.

Но уехать сейчас я не могла, ведь мне до сих пор не пришел ответ от врача, принимавшего роды у Жи. Если она уехала из Бостона, то я должна была узнать куда. Денег на билет я накопила лишь в одну сторону.

И вдобавок... Прежде чем окончательно исчезнуть из жизни Эдварда мне хотелось хоть что-то ему вернуть. Как-то помочь, и, возможно, если это в моих силах, положить конец той смертельной вражде между ним и Картером.

Поднимаюсь и подхожу к зеркалу. Из отражения на меня смотрела строгая мисс Симоне. Волосок к волоску, тяжелые роговые очки скрывали яркий блеск зеленых глаз, а платье, темно-графитное, почти черное, было настолько закрытым и глухим, что ему могла позавидовать любая настоятельница монастыря.

На секунду закрываю и глаза и сразу слышу голос — тихий, насмешливый, почти ленивый:

Можете просто называть меня Эдвардом.

Вздрагиваю, усилием воли прогоняя наваждение. Нет. Больше я не хочу повторять прежней ошибки.

Поворачиваюсь и выхожу из комнаты.

Поместье леди Ашборн жило своей обычной, летней, благоустроенной жизнью. Но и в этой жизни постепенно, день за днём, начинало чувствоваться приближение чего-то особенного.

Сначала это было едва заметно.

За завтраком или к вечеру в гостиной мельком упоминали воду, ветер, погоду на выходные, каких-то соседей, которых ждут в субботу. Кэти то и дело заговаривала о лодках, о пледах, о том, можно ли будет сидеть у самого причала. Леди Ашборн хмурилась и отвечала, что после того случая, как Кэти чуть не утонула, она и близко не должна подходить к воде.

Слуги начали чаще появляться с тюками, чехлами, складными столиками, и по всему дому незаметно распространилось предвкушение небольшого летнего праздника.

Эдвард уезжал еще до рассвета и возвращался очень поздно. Его не было видно за столом ни разу все эти три дня. И леди Ашборн сетовала, что молодые люди нынче совсем не уважают распорядок дня.

И уже потом стало известно, что планируется устроить гонку на моторных лодках на озере у поместья.

— Это ежегодная гонка моторных лодок, она устраивалась еще при покойном сэре Альберте Ашборне, — поясняла миссис Грей, когда слуги собрались на кухне.

Когда она еще говорила, мимо окна прошел Эдвард в сопровождении другого мужчины. Прямой, суховатый, в темном летнем костюме, он двигался коротко и точно, как человек, привыкший беречь силы и слова. Его лицо было обветренным, с резкой складкой у рта.

Я узнала его сразу, это был капитан Генри Марлоу, который был с Эдвардом в ту ночь, когда Картер подослал людей, выкрасть таинственные чертежи.

Теперь они стояли на лужайке в саду и о чем-то тихо разговаривали. Было заметно, что между ними существует особое мужское взаимопонимание — сухое, точное, почти лишённое слов.

Утро самого дня выдалось ясным, тёплым, чуть ветреным. Свет стоял в окнах такой чистый и ровный, будто мир за ночь был заново вымыт и отполирован.

Весь дом был взбудоражен приготовлениями к мероприятию.

Кэти, разумеется, встретила это утро в состоянии едва сдерживаемого восторга.

Она ворвалась ко мне ещё до завтрака, уже в шляпке, с лентами, развевающимися от каждого движения.

— Вы не представляете, как там красиво! — объявила она, не дожидаясь приглашения. — У причала уже всё готово, и бабушка велела нести вниз корзины, а мисс Дженкинс спорила с горничной из-за перчаток, и дядя Эдвард с самого утра у воды. Он и капитан Марлоу будут управлять лодками! Они все делают вид, будто это пустяк, но это вовсе не пустяк.

— Кто они? — спросила я, застёгивая перчатку.

— Все мужчины, когда хотят показаться благоразумными, — ответила Кэти с важностью, явно позаимствованной у взрослых. — Но дядя Эдвард всегда рискует чуть больше, чем следует. И от этого всё интереснее.

— Кэти.

— Я знаю, — вздохнула она. — Это не следует говорить вслух.

За завтраком было оживлённее обычного. Но в этом оживлении уже чувствовалась собранность перед событием, которое всем хотелось представить лёгким развлечением и которое всё же требовало хлопот. Леди Ашборн отдавала распоряжения ровным голосом. Миссис Грей отчитывала слуг.

А Эми Дженкинс вдруг стала необычайно мила со мной.

— Как вам спалось, мисс Симоне? — спросила она со сладенькой улыбкой, подвигая ко мне чашку. — Столько шума, столько хлопот. Я, признаться, сама не могла сомкнуть глаз до утра.

Тон её был безупречно вежлив. И потому я сразу насторожилась. Я хорошо помнила ее ледяной взгляд, каким она смотрела на меня и на Эдварда в коридоре.

— Благодарю вас, хорошо, — ответила я сухо.

— Какое счастье. У вас очень крепкие нервы, мисс Симоне.

Я коротко склонила голову и занялась чаем. Ее мягкость и вежливый тон не могли меня обмануть. Мне стоило быть начеку.

К полудню берег преобразился.

На траве, под белыми зонтами, были расставлены кресла и лёгкие столики; у самой воды уже виднелись корзины с провизией, сложенные пледы и серебряные кувшины для лимонада. Гости подъезжали один за другим, привозя с собой смех, разговоры, шорох шёлка, сухой стук тростей, блеск летних шляп и всю ту приятную пестроту большого домашнего дня, который ещё не стал утомительным и потому кажется почти безмятежным.

Озеро сверкало в солнце так ярко, словно было выковано из жидкого серебра и синева. Лёгкий ветер срывал с воды короткие искры. От лодочного сарая доносились голоса мужчин, и за этим общим оживлением стояла та особая напряжённость, которую создаёт присутствие риска, пусть даже прикрытого светской игрой.

И на всём этом фоне Эдвард был главным.

Я увидела его у причала и невольно остановилась.

Он стоял чуть в стороне от гостей, рядом с капитаном Марлоу и ещё двумя мужчинами. Солнце ложилось на его волосы, вспыхивало на виске, скользило по линии плеч.

Он был уже не в обычной одежде, а в том светлом костюме, который предназначался для воды и скорости.

Куртка выгодно подчёркивала ширину его плеч и свободную точность движений; высокий ворот оттенял линию шеи, а сапоги и перчатки сообщали всему облику особенную строгость, от которой его красота казалась ещё опаснее.

Люди тянулись к нему так естественно, словно он был не просто хозяином этого дня, а его смыслом: мужчины говорили с ним свободнее, оживлённее; женщины улыбались ему иначе, чем прочим; Кэти следила за каждым его движением с детским восторгом; леди Ашборн, сидя под зонтом, смотрела на него тем сдержанным, почти суровым взглядом, в котором у неё всегда скрывалась гордость.

Его любили здесь.

И именно это зрелище почему-то отозвалось во мне сильнее всего.

Я любила его так, как, наверное, уже нельзя было любить. Но всякий раз, видя его здесь, среди своих, я ещё отчётливее понимала, что сама принадлежу совсем другому пространству: случайному, тёмному, шаткому.

Дом Эдварда был здесь.

А мой? Где был мой дом?

Я задумчиво смотрела на спокойные воды озера и мечтала о том, чтобы когда-нибудь тоже обрести тихое пристанище. А пока я была подобна белым облакам, гонимым ветром над зелеными холмами.

— Мисс Симоне.

Я обернулась.

— Мистер Джойс! — обрадовалась я, едва завидев его светлое лицо с застывшей тихой улыбкой. — Я так рада видеть вас.

— Надеюсь, это правда, — ответил он, чуть покраснев.

Он смотрел на меня всё так же внимательно и тепло с живым участием. Мне хотелось ему так много рассказать. О том, что я видела брата, о том, что он мне рассказал. Но вокруг было так много народа и суеты, я боялась, что кто-нибудь мог нас услышать.

— Как вы? — спросил он, вглядываясь в мое лицо. — Вы выглядите утомлённой.

— Сегодня просто очень яркий день, — говорю, улыбаясь и щурясь от яркого солнца.

— А как ваша ученица? — и он поискал глазами Кэти, которая бегала по лужайке рядом с леди Ашборн и миссис Уолтон.

— Делает значительные успехи.

— Это радует, — улыбнулся мистер Джойс, — хочу отметить, как за этот месяц мисс Кэти преобразилась. Когда я уезжал от нее зимой, она была замкнутым, закрытым ребенком, говорившем о вещах, которых не понимала. Но посмотрите на нее сейчас. Это же живая, счастливая девочка. Мне кажется, это ваша заслуга, мисс Симоне, что юная мисс так похорошела.

Я смотрела на резвящуюся Кэти, и мое сердце больно щемило.

— Не думаю, что тут заслуга моего влияния, мистер Джойс, — пожимаю плечами, — просто Кэти всегда мечтала о семье, и приезд мистера Фейна подарил ей именно то, что она хотела. Характер леди Ашборн смягчился, дом наполнился шумом и жизнью, именно этого так и не доставало ребенку.

Я говорила это, смотря в сторону озера, туда, где Эдвард стоял в кругу мужчин.

— Да, теперь я вижу, насколько возвращение лорда Фейна преобразило всех вокруг, — медленно произнес мистер Джойс, пристально смотря на меня.

Я попыталась улыбнуться. Он смущенно кашлянул в кулак.

— Из Америки по-прежнему нет ответа. Но я всё ещё жду. Если что-то придёт, я дам вам знать немедленно.

При слове Америка сердце моё болезненно сжалось.

— Благодарю вас.

— Знаете, а ведь многие ваши ученицы вспоминают вас с большим теплом.

— Серьезно? — я оживилась. — Кто же?

— Мэри Элдридж прежде всего, — отвечал мистер Джойс, — она каждый раз просит меня передавать мисс Симоне самые теплые приветствия.

Я улыбнулась. Перед глазами предстало серьезное личико Мэри, ее длинные косички. Милая девочка, которой мне однажды удалось помочь.

— Мистер Джойс, какая поистине приятная неожиданность, — раздался вдруг за спиной насмешливый голос Эдварда.

Я вздрогнула и обернулась.

Он подошёл так бесшумно, что я не заметила его приближения, увлеченная разговором с мистером Джойсом.

— Мистер Фейн, милорд, — приветствовал его спокойным поклоном мистер Джойс.

— Не знал, что дела Святой Агнессы допускают столь приятные отлучки, — сказал он.

Слова были вежливыми. Но тон чуть более ровным, чем следовало бы, а взгляд слишком внимательным для простой любезности.

Я почувствовала, как сердце у меня сбилось с ритма.

— Школа, к счастью, ещё не отменила редкие человеческие удовольствия, — ответил мистер Джойс с достоинством, мужественно выдерживая тяжелый взгляд Эдварда.

На миг мне показалось, что во взгляде Эдварда мелькнуло что-то мрачное.

— Какое поистине замечательное место службы, — сухо процедил он.

Мистер Джойс слегка отступил.

— Не стану более удерживать вас, мисс Симоне, — сказал он. — Быть может, позже нам удастся закончить разговор.

— Увидимся, мистер Джойс, — тепло улыбнулась я ему.

И лишь краем глаза заметила, как при моих словах дернулись губы Эдварда.

Мистер Джойс ушел. А я, страшась остаться с Эдвардом наедине, с поклоном быстро проговорила:

— Простите меня, милорд, меня ждет Кэти.

И не дав ему ответить, быстро пошла в сторону столика под деревом.

В эту самую минуту за стол с леди Ашборн и миссис Уолтон усаживался незнакомый мужчина. Он был приятной наружности без резкости в лице.

— Леди Ашборн, — сказал он, склоняясь к жилистой руке хозяйки поместья, — вы заставляете меня всякий раз сожалеть, что я не состою с вами в родстве.

— Это спасло вашу репутацию, мистер Мортон, — сухо ответила она, но глаза её при этом явно смягчились.

— Моей репутации уже ничто не повредит, — серьёзно сказал он. — А вот ваш чай — единственная причина, по которой я ещё не уехал из Англии.

Кэти расхохоталась так громко, что даже леди Ашборн позволила себе тень улыбки.

Он перевел взгляд внимательных глаз на меня.

— Позвольте представиться, Джулиан Мортон, — произнес он с легким поклоном, — старый, так сказать, друг всего этого семейства.

— Жослин Симоне, гувернантка мисс Кэти, — отвечаю с улыбкой.

Это был приятный в общении человек. Он не был навязчив; не пытался блеснуть; не задавал вопросов, на которые человеку пришлось бы отвечать осторожно. С леди Ашборн он был иронично почтителен, с Кэти прост и шутлив, что раскрывало его, как человека, действительно давно вхожего в семью.

В какой-то момент леди Ашборн ушла с миссис Уолтон и Кэти ближе к лодкам, и мы остались с мистером Мортоном одни за столом. Но я не чувствовала неловкости. Разговор с ним шел легко и естественно, словно дыхание ветра.

Сначала он говорил о дне у воды, о соседях, о неизбежной английской привычке превращать даже безобидное развлечение в дело чести. Потом — о доме, о том, как редки теперь места, где семья ещё умеет собираться не из обязанности, а по привычке сердца.

И постепенно, почти незаметно, речь зашла об Эдварде.

— Вы давно знаете мистера Фейна? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал равнодушно.

— С детства, — ответил мистер Мортон. — Достаточно давно, чтобы помнить его невозможным мальчишкой и слишком серьёзным юношей.

— Мне трудно представить мистера Фейна мальчишкой.

— Это потому, что он уже много лет никому не позволяет помнить себя таким.

Он облокотился на спинку кресла и на секунду посмотрел в сторону озера, где среди толпы виднелись Эдвард и Марлоу.

— Когда-то он смеялся чаще, — сказал Джулиан уже тише. — И был не так безнадежно разумен.

Я почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

— Вы говорите так, будто давно потеряли прежнего друга.

— Возможно, отчасти так и есть.

Он повернулся ко мне.

— Простите. Я, вероятно, злоупотребляю вашим терпением. Просто старые друзья имеют дурную привычку считать, что их воспоминания интересны всем вокруг.

— Нет, — слишком быстро ответила я. — То есть... мне действительно интересно.

Мистер Мортон тепло улыбнулся и продолжил.

Он заговорил о Гарри. О сэре Ричарде. О том, как много в доме рухнуло после этих потерь, хотя внешне стены остались прежними.

— Другой на месте Эдварда, пожалуй, имел бы право ожесточиться, — сказал Мортон, глядя куда-то поверх воды. — Или надломиться. Эдвард не сделал ни того ни другого. Он просто взвалил на себя всё, что было возможно, и с тех пор живёт так, будто долг — это единственное, что ещё имеет значение.

Я молчала.

То, что он говорил, поражало меня не потому, что я не знала о силе Эдварда. О ней я знала слишком хорошо. Меня поражало другое: как много всего произошло в его жизни без меня. Как много боли, долга, труда, бессонных лет. Как много всего носил он в себе ещё до того, как оказался в Лаосе и до того, как встретил меня.

Мне вдруг стало стыдно за то, что я так долго думала о его жизни только через призму нашей любви.

— А потом он уехал, — сказал мистер Мортон. — И вернулся совсем другим. Не знаю, что именно осталось у него там. Он никогда не говорил. Но все мы это заметили. После той поездки он стал мрачным и закрытым. И что самое невероятное, он разорвал помолвку с Бланш.

При упоминании этого имени я похолодела.

— Вы имеете в виду леди Бланш Кингли?

Мистер Мортон кивнул и продолжил.

— Для Бланш это стало настоящим ударом. И, пожалуй, для всей семьи тоже. Она все хотела поговорить с ним, хотя я ее и отговаривал. Ведь после Лаоса Эдвард почти перестал видаться с людьми. Ходил мрачный, как человек, которому больше нечего ждать от жизни. Начал много пить. Подолгу запирался в кабинете и сидел там один у огня. Мы сильно тогда за него переживали. Боялись, когда бы он не закончил, как Гарри — с пулей в висок.

Я не шевельнулась.

— А теперь, — сказал Джулиан, и в голосе его впервые прозвучало настоящее удивление, — я приезжаю сюда, к леди Ашборн, ожидая снова увидеть того же мрачного затворника, а нахожу почти прежнего Эдварда. Он снова выходит к людям. Смеётся. Играет с Кэти. Терпит мои глупости. Даже Марлоу, кажется, уже не действует ему на нервы.

Я невольно посмотрела в сторону озера.

Эдвард стоял вполоборота, и солнце золотило его висок.

— Честно говоря, — добавил Джулиан, — я сам не понимаю, что вернуло его к жизни. Но что-то здесь явно произошло. Раньше Эдвард гостил у бабушки дня три, не больше. Потом опять уезжал в Лондон. А теперь живёт здесь которую неделю.

Я заставила себя ответить спокойно:

— Вероятно, у него есть причины.

— О, безусловно, — отозвался мистер Мортон. — У Эдварда всегда есть причины. Но не всегда он считает нужным делиться ими с ближними.

Он улыбнулся той лёгкой, почти беспечной улыбкой человека, который не подозревает, какую рану только что открыл в чужом сердце. Потом его отвлекла Кэти, вернувшаяся с альбомом под мышкой и с Блицем на руках, и разговор распался сам собой.

Я поднялась из-за стола и, сославшись на какой-то пустяк, отошла.

Всё вокруг было прежним.

Толпа народа, веселый смех и оживление. Шум заводящихся лодок у озера.

Солнце лежало на изумрудной траве горячими золотыми пятнами. И эта мучительная красота летнего дня вдруг показалась мне невыносимой.

Сердце болезненно сжалось.

Боже...

Так, значит, Эдвард тоже страдал.

Страдал так сильно.

А я не знала. Ничего не знала.

Что-то внутри меня дрогнуло и словно разом подалось вперёд, к нему, как тянется к свету слишком долго сдерживаемое пламя.

Я подняла глаза и увидела его у воды.

Он стоял чуть отвернувшись к Марлоу, слушая его с тем выражением внимания, которое всегда делало лицо Эдварда особенно замкнутым и твёрдым.

Я не заметила, как двинулась к нему.

Сначала медленно, почти бессознательно, словно меня влекла не воля, а какая-то сила, которой я уже не могла сопротивляться.

Я смотрела на него и чувствовала, как всё то, что я так долго в себе душила, поднимается с новой силой. Любовь, горячая, страстная, сжигала страх и все преграды внутри.

Я не могла отвести глаз. От его лица, от его серых глаз.

Должно быть Эдвард почувствовал мой пристальный взгляд, так как он вдруг прервал разговор с капитаном Марлоу и повернул голову.

Наши глаза встретились. И мое дыхание сбилось.

Я увидела, как на его лице сначала мелькнуло лёгкое удивление, потом настороженность. Он что-то коротко сказал Марлоу. Тот обернулся, посмотрел в мою сторону, едва заметно кивнул и отошёл, оставляя нас одних.

Эдвард направился ко мне.

Каждый его шаг отдавался во мне ударом сердца.

— Мисс Симоне, — сказал он негромко.

Я молчала.

Он смотрел на меня внимательно, уже совсем без насмешки.

— Вы хотите что-то сказать мне?

Боже, да. Я так много хочу тебе сказать, Эдвард. Я – Киара Марэ. Твоя жена, мать твоего не родившегося ребенка. И я люблю тебя, люблю еще сильнее, чем прежде, так сильно, что это почти невозможно вынести.

Слова уже были во мне — живые, горячие, готовые сорваться.

Эдвард не сводил с меня глаз. В его лице всё ещё оставалось удивление, но теперь к нему примешивалось беспокойство: тихое, внимательное, почти нежное.

— Я... — разжимаю наконец дрожащие губы.

Всё моё прошлое, вся любовь, весь страх уже стояли у самых губ.

Глава 22. Лодочный домик

— Я... — разжимаю наконец дрожащие губы.

Но в следующую секунду за спиной послышался звонкий голос Кэти:

— Дядя Эдвард! Мистер Мортон говорит, что я нарисовала лошадь как кабачок!

Он повернул голову к девочке и улыбнулся. Пошутил. Со стороны столика под деревом донесся вопрос леди Ашборн. Эдвард ей ответил. Его лицо было светло. Он был счастлив.

И в этот момент я вздрогнула так, будто меня разбудили.

Мир мгновенно вернулся на место. Я попятилась.

Нет.

Нельзя этого делать... Нельзя...

Перед глазами промелькнули те страшные дни, когда Эдвард, узнав о смерти деда, не решился на отъезд. Как он разрывался между мной и своей семьей в Англии.

Нет, я больше не хочу проходить через это, и я больше не хочу, чтобы через тот же кошмар проходил и он.

Киара Марэ когда-то жила и любила, страдала и умерла.

Эдвард уже снова перевел взгляд на меня.

Но я уже смотрела на свои судорожно сцепленные пальцы.

— Мисс Симоне? — Эдвард был явно озадачен моим поведением. — Так что вы хотели сказать?

— Нет, — тихо сказала я. — Ничего... ничего важного, мистер Фейн.

Щеки горели, в висках стучало.

Я чувствовала на себе его взгляд.

— Вы уверены? — спросил он наконец.

Я заставила себя поднять глаза и даже слабо улыбнуться.

— Да. Простите. Должно быть, я просто немного устала от жары. Мне нужно отдохнуть.

Я повернулась и пошла прочь.

Я шла быстро, почти не видя дороги, боясь лишь одного: чтобы никто не успел окликнуть меня прежде, чем я сумею овладеть лицом. Сердце билось так тяжело, что мне казалось: ещё немного, и этот стук услышат все вокруг.

Позади по-прежнему смеялись, переговаривались, звали друг друга. Летний день сиял всё той же безмятежной красотой, будто мир не заметил, как близко я только что подошла к краю.

На лужайке белели зонты. Между ними двигались светлые платья. Солнце лежало на траве широкими горячими пятнами, а от озера тянуло влажной прохладой.

Мне нужно было уйти хоть на минуту. Спрятаться от людей, от света, от самой себя.

Я уже свернула с главной аллеи к дорожке, ведущей ближе к причалу, когда увидела впереди движение, заставившее меня невольно замедлить шаг.

У моторной лодки Эдварда кто-то стоял, низко нагнувшись над открытым коухом. Мужчина был ко мне спиной; широкополая шляпа затеняла его лицо, и сначала я не придала этому значения. Но в следующую секунду он выпрямился слишком резко, как выпрямляется человек, застигнутый за делом, которого не должен был делать. Металлическая крышка с сухим щелчком захлопнулась. Мужчина быстро оглянулся через плечо и тотчас отошёл в сторону, почти смешавшись с двумя слугами, тащившими ящик со льдом.

Я остановилась.

Всё длилось не дольше секунды.

И всё же что-то в этом движении — поспешность, скрытность, неловкая резкость — мгновенно отозвалось во мне тревогой.

Я ещё раз посмотрела на лодку.

Теперь возле неё уже никого не было. Солнце блестело на лакированных бортах; вода у свай вспыхивала голубыми искрами; вся сцена казалась такой обыкновенной, что мне на миг стало стыдно собственной подозрительности.

И всё же сердце моё сжалось.

Надо было предупредить Эдварда.

Я обернулась, ища его глазами в толпе, но в этот миг рядом раздался мягкий, чуть запыхавшийся голос:

— Мисс Симоне.

Это была Эми.

Она подошла ко мне с безупречно любезным выражением лица. На её губах играла почти дружелюбная улыбка, именно такая, которая с некоторых пор начала пугать меня сильнее всякой откровенной неприязни.

— Простите, что задерживаю вас, — сказала она. — Я только что встретила мистера Джойса. Он просил, если я увижу вас, передать, что ему необходимо поговорить с вами немедленно. Кажется, он ждёт вас в лодочном домике.

— В лодочном домике? — удивилась я.

— Да. Он выглядел весьма встревоженным.

Что это может быть? Неужели он получил срочные вести насчет Джи?

Я почувствовала, как тревога во мне раздваивается.

— Поторопитесь, мисс Симоне, — покачала головой Эми, — мистер Джойс выглядел весьма встревоженным.

— Вы уверены? — спросила я.

— Совершенно, — ответила Эми. — Он говорил так настойчиво, что я не рискнула бы забыть его просьбу.

Я колебалась. Но времени до старта еще оставалось достаточно, я успею вернуться к Эдварду и сказать ему о человеке возле его лодки.

Я ещё раз взглянула в сторону причала. Лодка стояла на месте, ровная, блестящая, безмолвная. Ничто в её виде не подтверждало моей тревоги. Мне вдруг показалось, что я действительно просто устала и готова видеть опасность там, где её нет.

Разговор с мистером Джойсом займёт минуту, сказала я себе. Одну только минуту. После этого я сразу вернусь и найду Эдварда.

— Благодарю вас, — сказала я Эми.

— Не стоит благодарностей, — улыбнулась она.

Я быстро пошла к лодочному домику.

Он стоял немного в стороне, под старыми ивами, и по мере того, как я уходила от шумной лужайки, голоса гостей становились глуше, будто отделялись от меня незримой преградой. У самой воды воздух был прохладнее. Доски узкого настила чуть скрипели под ногами. С ветвей ив падали дрожащие тени.

Я поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

Внутри было сумрачно и прохладно. Пахло старым деревом, канатами, влажной водой и чем-то смолистым, знакомым. Узкие полосы света пробивались сквозь щели в стенах и ложились на пол золотистыми линиями.

— Мистер Джойс? — позвала я.

Ответа не последовало.

Я шагнула глубже в полумрак.

— Мистер Джойс?

Тишина.

Только где-то у воды тихо плеснуло, и скрипнула цепь.

Мне стало не по себе.

Я обернулась к двери, и именно тогда почувствовала в воздухе что-то ещё, не сразу уловимое, но очень знакомое.

Сладковатый запах.

Тяжёлый, вязкий, почти приторный.

Я замерла.

Память сразу откликнулась неясным, животным страхом.

Опиум. Его курили Даниэль с Джоном Картером в Лаосе. Я быстро подошла к двери и взялась за ручку.

Дверь не поддавалась.

Я рванула сильнее. Заперто.

Кровь отхлынула у меня от лица.

Но ноги уже были тяжелыми. Слишком тяжелыми.

Я успела только дойти до перевернутой лодки и опереться на ее край обеими руками. В глазах поплыло. В горле пересохло. Мир стал густым, почти медовым. Звуки извне то приближались, то уходили, как волна.

Сладкий запах становился гуще, плотнее. Он забирался в лёгкие, обволакивал мысли, делал руки непослушными. Стало душно, я расстегнула ворот платья и бросила на пол запотевшие очки.

Меня заманили сюда.

Эта мысль пришла с холодной, страшной ясностью.

И следом за нею вспыхнула другая.

Лодка.

Эдвард.

Резкий запах топлива.

Я зажала рот рукой, пытаюсь сделать вдох как можно мельче. Господи, неужели всё это было связано? Неужели меня убрали с дороги затем, чтобы я не успела его предупредить?

Я ударила в дверь.

— Помогите! — крикнула я. — Кто-нибудь!

Голос сорвался. Горло обожгло. Пол под ногами качнулся, словно вода под тонкой доской.

Нет. Только не сейчас. Только не так.

Я зажмурилась, пытаюсь удержать ускользающее сознание. Перед глазами всё поплыло: золотые полосы света, тёмные силуэты лодок, неровная древесная тень. Сердце колотилось часто и глухо, как в ловушке.

И тут дверь распахнулась. Я резко подняла голову, ожидая увидеть мистера Джойса.

В проёме стоял человек, и в первую секунду я решила, что это просто очередной обман воспалённого сознания.

Потом он шагнул ко мне — живой, быстрый, настоящий.

Эдвард.

— Боже мой, — резко сказал он.

Он оказался рядом прежде, чем я успела что-либо ответить. Его руки легли мне на плечи — крепко, властно, спасительно. Я почувствовала, что ещё немного и ноги бы мне изменили.

— Мисс Симоне, что здесь произошло?

Я попыталась ответить, но язык едва слушался.

— Я... не знаю... дверь... была заперта...

Он резко втянул воздух, и лицо его переменялось почти мгновенно. Тревога уступила место такой холодной, страшной собранности, что даже сквозь дурман я поняла: он уловил запах и всё понял.

И именно в этот миг снаружи слышались шаги.

Женские голоса.

Эдвард вскинул голову, потом резко посмотрел на меня и, не говоря ни слова, повёл вглубь домика. Там, за перевёрнутой лодкой и старым стеллажом с вёслами, оставался узкий тёмный угол, скрытый от прямого взгляда из дверей. Он почти втолкнул меня туда и сам встал следом так близко, что я оказалась зажатой между деревянной стеной и его телом.

— Тихо, — прошептал он мне на ухо.

От его голоса по мне пробежала дрожь.

Снаружи коротко скрипнули ступени.

— Я уверена, что она здесь, — прозвучал голос Эми. — Я видела, как она направлялась сюда, и мистер Джойс следом за ней.

Ей ответила миссис Уолтон, спокойно, с лёгким беспокойством:

— Быть может, ты ошиблась, дорогая. Здесь, кажется, никого нет.

Дверь снова открылась.

— Мисс Симоне? — позвала миссис Уолтон. — Вы здесь?

Эми молчала.

Потом шагнула ещё дальше в домик.

— Странно, — протянула она, явно сбитая с толку.

Она не понимала, что произошло.

Эдвард рядом со мной застыл.

Потом едва заметно склонил голову, прислушиваясь, и почти беззвучно, сквозь зубы, прошептал:

— Какого дьявола эта мисс Дженкинс тут забыла?

Женщины еще стояли растерянно посередине комнаты, но потом миссис Уолтон произнесла:

— Как здесь ужасно пахнет, уйдем отсюда, Эми.

— Но я не понимаю, — голос Эми прозвучал расстроено.

— Пойдем отсюда скорее, — настаивала миссис Уолтон, тяжело кашлянув, — иначе мне станет дурно.

Дверь тихонько скрипнула, и они вышли.

— Наконец-то ушли, — выдохнул Эдвард, чуть улыбнувшись, в его серых глазах искрился смех.

Как всегда, в минуты опасности он смеялся, даже тогда в Лаосе, когда мне было так страшно, Эдвард Фейн смеялся.

Голова кружилась от дурмана, от запаха его кожи. От него пахло воздухом, солнцем, водой и чем-то неуловимо родным. В тесноте нашего укрытия не оставалось ни дюйма безопасного пространства, и оттого я ощущала его с мучительной, почти болезненной ясностью: тепло его груди, тяжесть дыхания, шероховатость ткани у моей щеки, такое все до боли родное и близкое.

Я вдруг вспомнила слова Даниэля: «Этот английский лорд по тебе с ума сходил.»

Потом слова Джулиана Мортон: Он вернулся из Лаоса совсем другим. Мы боялись, что он кончит, как Гарри.

Вспомнила, как он смотрел на меня в Лаосе: жадно, безумно. Как страстно и жарко целовал.

Я подняла глаза.

Совсем близко, в узкой полосе света, я увидела его висок — твёрдую линию профиля и серебро у виска, которое всякий раз причиняло мне боль.

Мир качнулся.

Не думая, я приподнялась к нему, словно во сне.

Я хотела коснуться губами этого серебра, этой немой метки прожитой боли, но в тесноте промахнулась, и мои губы коснулись его щеки.

Эдвард резко вздрогнул.

Пальцы его на моём локте сжались.

Глаза его потемнели.

— Мисс Симоне... — выдохнул он едва слышно.

Я смотрела на него и почти не узнавала себя. Перед глазами плыло, кожа горела.

Медленно я подняла руки и обвила ими шею Эдварда, чуть притягивая к себе.

Он замер.

Даже в полумраке я увидела, как изменилось его лицо: неуловимо, страшно. Словно все силы, с помощью которых он ещё владел собой, на одно мгновение дрогнули.

Он закрыл глаза на мгновение и резко втянул воздух.

— Не надо, - прошептал он хрипло.

Я чувствовала, как быстро бьётся его сердце — почти рядом с моим. Чувствовала, как он борется с собой, с каждым мгновением всё мучительнее. Его пальцы сжимали мою руку, словно удерживая себя самого от шага, за которым не будет возврата. Жаркий темный взгляд соскользнул с моих глаз на губы.

— Вы не понимаете, что делаете.

Это был его голос, голос моего мужа, это было его горячее дыхание, так близко от моих полуоткрытых губ. Эдвард коснулся рукой моего лица и медленно стер с губ остатки коричневой помады.

— Вы искусно скрываете свое сияние, — прошептал он, жадно смотря на них.

Его рука скользнула мне на плечо, на шею, легла на затылок.

— Боже, — выдохнул он уже мне в губы. — Как же ты искушаешь меня...

У меня задрожали ресницы.

Я вдруг почувствовала себя так, будто вновь очутилась в том недавнем сне, где всё было одновременно и явью, и наваждением: его близость, его жар, его дыхание, дрожь собственного сердца, отзывавшаяся во всём теле томительной, сладкой болью. Мир вокруг словно утратил очертания. Остались только эти полутёмные стены, узкая полоска света, его руки, и нестерпимая близость его губ.

Я ощущала их так остро, словно они уже касались моих.

Тёплое дыхание Эдварда скользило по моему лицу, задерживалось на губах, и от этого едва уловимого, мучительного прикосновения всё внутри у меня слабело. Мне казалось, ещё одно мгновение — и я перестану различать, где кончается сон и начинается реальность. Каждая клеточка моего тела помнила его, помнила слишком хорошо, слишком верно. И теперь эта память ожила разом, горячая, живая, беспощадная.

Я не могла отвести глаз, пожирая его взглядом.

Он тоже смотрел на меня неотрывно, так, словно перед ним стояла не женщина, а его собственная погибель, к которой он всё равно шёл, уже не в силах остановиться.

Рука его на моём затылке дрогнула, пальцы чуть сильнее зарылись в волосы. Он медленно склонился ниже. Его лоб почти коснулся моего виска. Потом — едва заметно — он провёл носом по моей щеке и судорожно вдохнул аромат моей кожи.

Я тихо вдохнула.

Эдвард уже касался губами моих губ.

Ещё миг — и между нами не осталось бы ничего, кроме этого последнего шага.

И тогда раздался взрыв.

Доски содрогнулись под нами. Где-то звякнуло стекло. Снаружи разом вскрикнули несколько голосов.

Эдвард резко поднял голову.

Вся томительная мгла в его глазах исчезла в одно мгновение, уступив место другой: холодной, мгновенной, страшной ясности. Он обернулся к окну, прислушиваясь, и я услышала, как с берега, сквозь гул и крики, прорезался чей-то сорвавшийся голос:

— Лодка мистера Фейна! Господи... лодка мистера Фейна взорвалась!

Я хотела понять, хотела сказать что-то, удержать его, предупредить, но силы уже оставляли меня.

Дурман всё глубже растекался по телу мягкой, вязкой слабостью. Шум снаружи как будто отделился, поплыл. Мир снова начал меркнуть по краям. Я только почувствовала, как Эдвард крепче прижал меня к себе, инстинктивно, почти не думая, защищая прежде, чем успел броситься к двери.

И в этой последней, ускользающей ясности не было уже ни страха, ни боли.

Только его грудь под моей щекой.

Только мерный, сильный стук его сердца.

Только родное тепло, в котором мне вдруг стало так спокойно, словно я и впрямь вернулась домой после бесконечно долгих лет.

Я уже засыпала, прижавшись щекой к его груди, когда сквозь нарастающий шум услышала, как он коротко и глухо выругался.

А потом всё поглотила темнота.

Глава 23. После взрыва

Я пришла в себя от запаха нашатыря и чьих-то торопливых шагов за дверью.

Голова казалась набитой ватой. В висках глухо стучало, горло саднило, как после дыма. Я лежала на узкой кровати в своей комнате, поверх покрывала, не раздетая, только туфли с меня кто-то снял. Окно было распахнуто настежь, занавеска вздрагивала от ветра, и сквозь её колебания в комнату проникал шум встревоженного дома: быстрые голоса, хлопанье дверей, чьи-то поспешные шаги по коридору.

Я резко поднялась на локтях.

— Мистер Фейн?..

Слова сорвались у меня прежде, чем я успела что-либо вспомнить.

Надо мной склонилась миссис Уолтон. Её круглое, обычно невозмутимое лицо было необыкновенно бледным.

— Жив, мисс, жив, — поспешно сказала она. — Лежите, ради Бога. Вам нельзя вставать.

Только тогда память вернулась вся разом — тяжёлая, как удар.

Лодочный домик. Сладкий, вязкий запах. Запертая дверь. Эдвард. Его руки на моих плечах. Тесный тёмный угол за старой лодкой. Его дыхание у моего лица. Взрыв.

Я закрыла глаза.

— Он не ранен? — спросила я тише.

— Нет, с ним всё в порядке. Он был у причала не в самой лодке, слава Богу. Все думали... — миссис Уолтон осеклась и прижала ладонь к груди. — Простите. Дом весь на ногах. Леди Ашборн до сих пор не может успокоиться.

Я медленно села. Мир чуть качнулся, но уже не так страшно. Во рту стоял горький вкус, кожа на лице была липкой, и волосы, должно быть, растрепались совершенно безобразно. Я провела пальцами по вискам и вдруг вспомнила ещё кое-что — голос Эми за дверью. Она явно ожидала найти меня в домике с мистером Джойсом.

Стискиваю покрывало. Это она все подстроила. Она. Хотела выставить меня распутной перед всеми.

И если бы не появился Эдвард...

Перед глазами встало все разом:

Лодка.

Резкий запах топлива.

Меня будто обожгло изнутри новой холодной волной.

— Который час? — спросила я.

— Уже почти семь. Вы были без чувств недолго, но вам нужен покой.

— А... праздник?

Миссис Уолтон печально покачала головой.

— Какой уж тут праздник.

Она подала мне стакан воды. Рука у неё слегка дрожала. Я выпила жадно, и только теперь заметила, что на ковре у двери стоит мой саквояж, словно кто-то в спешке искал пузырёк с нюхательной солью или лекарства.

— Кто... принёс меня сюда? — спросила я.

Миссис Уолтон посмотрела на меня с тем осторожным выражением, с каким взрослые говорят с человеком после испуга.

— Мистер Фейн.

Я опустила взгляд на свои руки.

Снаружи в коридоре быстро пробежали чьи-то ноги. Где-то на нижнем этаже расплакался ребёнок, и я вздрогнула, узнав голос Кэти.

— Она очень напугана? — спросила я.

— Бедная малышка сама не своя. Увидела дым у воды, решила, что дядя погиб. Еле успокоили. Леди Ашборн тоже в ужасе. Они сейчас в утренней комнате.

Я отбросила одеяло.

— Мисс Симоне! — почти вскрикнула миссис Уолтон. — Вам нельзя.

— Можно, — сказала я, сама удивившись тому, как ровно прозвучал мой голос. — Мне нужно знать, что происходит.

Она ещё пыталась меня удержать, но я уже стояла на ногах. Колени подкашивались, однако не так сильно, чтобы я не могла идти. Я подошла к умывальнику, плеснула в лицо холодной водой, пригладила волосы, но нигде не смогла найти свои очки, не желая терять на поиски время, я вышла без них.

Дом показался мне чужим. Ещё днём он был полон летнего шума, детского смеха, шагов гостей, музыки с террасы; теперь же всё в нём было нарушено и сдвинуто. Двери стояли распахнутыми, в холле оставались забытые шляпы, на столике у лестницы лежали неубранные программы лодочной гонки, а откуда-то снаружи доносило горьковатым дымом.

Внизу, в утренней комнате, я услышала голос леди Ашборн — непривычно высокий, почти резкий:

— Нет, Эдвард, я не желаю больше слышать ни про моторные лодки, ни про эти ваши проклятые двигатели! Сначала Гарри, теперь ты! Господь свидетель, я этого не вынесу. А что случилось бы с Шарлоттой, если бы ты сегодня... Боже, мой, а твоя сестра, малышка Изабелла? Она ведь так любит тебя, Эдвард!

Я замерла на пороге.

Леди Ашборн стояла у камина, бледная, с обеими руками, прижатыми к груди. На диване, съёжившись и прижав к себе куклу, сидела Кэти. Глаза у неё были красные от слёз. У окна, чуть в стороне, стоял капитан Марлоу, всё такой же прямой, сухой, с обветренным лицом, и что-то негромко объяснял мистеру Мортону. Сам Эдвард стоял у письменного стола, одной рукой упираясь в край столешницы. При моём появлении он резко поднял голову.

И этот взгляд...

В нём было сразу всё: облегчение, что я на ногах; вспышка гнева — вероятно, оттого что я встала слишком рано; и что-то ещё, чему я не могла и не смела дать имени.

— Мисс Симоне, — сказал он слишком спокойно. — Вам следовало остаться в постели.

— Простите, — ответила я, опуская глаза. — Я хотела узнать...

Кэти сорвалась с дивана и подбежала ко мне.

— Вы живы! — вскрикнула она, обхватив меня за талию. — Я думала, и вас тоже... Я думала, лодка...

Я опустилась перед ней на колени и прижала девочку к груди.

— Всё хорошо, дорогая. Я здесь, — шепчу, едва сдерживая слезы.

— Лодка хотела убить дядю? — шёпотом спросила она, огромными испуганными глазами глядя мне в лицо.

У меня сжалось сердце.

— Нет, милая, — быстро сказала леди Ашборн. — Не говори глупостей.

Но капитан Марлоу, нахмурившись, смотрел не на ребёнка, а на Эдварда.

— При всём уважении, миледи, — произнёс он, — я бы не назвал это глупостью. Двигатель не мог взорваться сам по себе. Во всяком случае, не так.

Леди Ашборн повернулась к нему так резко, будто её ударили.

— Что вы хотите сказать, капитан?

— Кто-то трогал машину, — отрывисто сказал капитан Марлоу. — Я не берусь пока сказать как именно. Но это не обычная поломка.

Я крепче сжала руку Кэти.

— Перед тем как мисс Дженкинс подошла ко мне, — сказала я, чувствуя, что в комнате все сразу посмотрели на меня, — я видела у лодки мистера Фейна какого-то человека.

Эдвард резко повернул голову.

— Какого человека?

— Мужчину, — ответила я. — Он стоял ко мне спиной и был в шляпе. Кожух лодки был открыт, и он что-то делал внутри. Когда заметил меня, сразу захлопнул крышку и отошёл, смешавшись с людьми у причала.

Марлоу коротко выругался себе под нос.

— Вот, значит, как, — сказал он мрачно. — Я так и думал. Машину открывали перед стартом.

— Вы уверены, что речь шла именно о лодке мистера Фейна? — мягко спросил мистер Мортон.

Я повернулась к нему.

— Совершенно уверена.

Он чуть склонил голову, как человек, принимающий важное замечание всерьёз. — И вы не успели разглядеть лица?

— Нет. Он был ко мне спиной, а потом слишком быстро исчез. — Всё же это чрезвычайно важно, — сказал он задумчиво. — Значит, капитан прав, и случайностью тут не пахнет. Кто-то мог подойти к пристани со стороны воды. В такой суматохе это не так уж трудно.

Капитан Марлоу перевел на Эдварда тяжелый взгляд.

— Боюсь, Эдвард, это было покушение, — медленно произнес он.

Леди Ашборн судорожно втянула воздух. Кэти тотчас бросилась к ней и, в своей детской растерянности, стала гладить её по волосам. Миссис Уолтон уже торопливо капала успокоительные капли в чашку.

У меня же внутри всё похолодело.

Покушение. Кто-то в самом деле пытался убить Эдварда? Неужели того человека послал Джон Картер?

Эдвард шагнул вперёд и легко, почти небрежно взял чашку из рук миссис Уолтон.

— Если капитан Марлоу намерен и дальше рассуждать так бодро, — сказал он сухо, но с той ленивой насмешкой, которая всегда появлялась у него в самые неподходящие минуты, — то, боюсь, миледи и Кэти решат, будто я уже лежу в гостиной, накрытый простынёй.

Кэти всхлипнула и тут же подняла на него глаза.

— Не говори так!

— Хорошо, не буду, — ответил он, и голос его мгновенно потеплел. Он подошёл к девочке, коснулся её подбородка и заставил посмотреть на себя. — Послушай меня, Кэти. Со мной всё в порядке. Видишь? Я цел, на месте и, к несчастью для всех, по-прежнему обречён выслушивать бабушкины речи о том, что моторные лодки — изобретение дьявола.

Несмотря на слёзы, Кэти слабо улыбнулась.

Леди Ашборн покачала головой, прижав платок к губам.

— Не шути, Эдвард. Прошу тебя, не шути.

Он наклонился к ней и мягко коснулся её плеча.

— Простите, бабушка. Но вам незачем бояться раньше времени. Мы ещё ничего не знаем наверняка.

Потом он обернулся ко мне, и выражение его лица снова изменилось, стало тише, серьёзнее.

— И мисс Симоне тоже незачем стоять здесь после всего, что она перенесла, — сказал он. — Вам всем сейчас лучше сесть ужинать и прийти в себя. А мы с Марлоу и Мртоном продолжим разговор в кабинете.

Я проводила их глазами. Тревога сдавила мне грудь. Я понимала, что такому мерзавцу, каким был Джон Картер, ничего не стоило подослать людей, чтобы выкрасть важные бумаги, но покушение... Это было что-то за гранью моего понимания.

Через четверть часа мы уже сидели за ужином.

Тяжёлая, неловкая тишина висела над столом, как остаточный дым после пожара. Серебро поблёскивало тускло.

Кэти ковыряла ложкой рагу, не поднимая глаз. Леди Ашборн почти ничего не ела. Миссис Уолтон, напротив, с подчеркнутой деловитостью разливала чай, как будто одним этим могла вернуть дому прежний порядок.

Когда дверь открылась и вошла Эми, я почувствовала, как всё во мне напряглось.

На ней было светло-голубое платье, очень свежее, очень уместное для тихого ужина, и именно потому особенно отвратительное в эту минуту. Лицо её было бледным, глаза расширены, а в голосе, когда она поздоровалась, звучало почти образцовое испуганное смирение.

— Какой ужасный вечер, — тихо сказала она, подходя к столу. — Я до сих пор не могу опомниться.

Леди Ашборн устало кивнула. Миссис Уолтон пододвинула ей чашку. Кэти даже не посмотрела в её сторону.

Я опустила глаза к тарелке, боясь, что иначе выдам слишком многое.

Я взяла чашку, но рука у меня едва заметно дрожала.

— Мисс Симоне, — раздался рядом мягкий голос Эми.

Я подняла глаза.

Она сидела напротив, положив пальцы на край блюда, и смотрела на меня с тем выражением участия, которое теперь казалось мне почти более страшным, чем открытая ненависть.

— Вам уже лучше? — спросила она. — Вы так внезапно исчезли. Я потом всё думала... удалось ли вам встретиться с мистером Джойсом?

Я едва сдержалась, чтобы не вылить содержимое своей чашки прямо в это наглое лицо. Как она смела спрашивать меня о таком? После того, как своими же руками подстроила для меня ловушку.

Я поставила чашку на блюдо так спокойно, как только могла.

— Я пришла в лодочный домик и не нашла там мистера Джойса, — сказала я. — Потом ушла.

Эми замерла почти неуловимо. Только ресницы её дрогнули.

— Вот как, — сказала она после короткой паузы. — Как странно. Должно быть, я что-то перепутала.

— Должно быть, — ответила я.

Мы смотрели друг на друга через стол, и мне казалось, что воздух между нами натянулся до звона.

Эми первой отвела глаза и взялась за кофейник.

— Какое счастье, что все закончилось благополучно и никто не пострадал, — произнесла она, улыбнувшись.

Ночью я спала плохо. Вернее, не спала почти совсем. Как, наверное, почти все обитатели поместья. Стоило закрыть глаза, как снова поднимался дым над водой, снова я слышала сорвавшийся голос: «Лодка мистера Фейна!». Дрожь пробирала меня до костей. Если бы Эдвард не оказался со мной в том домике, если бы он сел в ту лодку... Он бы погиб. Эдвард был бы сейчас мертв.

Спазм сдавил горло. Сажусь в кровати и долго смотрю в темное окно. Обнимаю себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Закрываю глаза и тут же ощущаю его горячее дыхание на своих губах, его руки в моих волосах, вижу его потемневшие от страсти глаза.

Боже, мы так близко подошли к той черте, за которую уже однажды заходили...

Стискиваю голову, которая, казалось, вот-вот разорвется. Нет, я должна помнить, зачем я здесь. Я должна сделать что-то, чтобы остановить Картера.

К утру слабость почти прошла, уступив место тревожной, холодной ясности.

Эми.

Сначала я хотела разобраться с ней.

Около девяти часов мне доложили, что меня хочет видеть мистер Джойс.

Он вошёл быстро, с той особой сдержанностью, за которой обычно скрывается сильное волнение. Лицо его было усталым, осунувшимся; казалось, за ночь он постарел на несколько лет.

— Мисс Симоне, — сказал он, останавливаясь у двери. — Надеюсь, вы простите мне этот ранний визит. Я... должен был прийти. Я страшно беспокоился о вас. Этот жуткий взрыв.

— Прошу вас, — ответила я, тепло улыбнувшись. — Садитесь, мистер Джойс.

Но он не сел.

— Мне передали вчера, что вы меня искали, — начал он. — Сказала мисс Дженкинс. Она уверяла, что это срочно и вы ждёте меня в лодочном домике.

Я молчала. Всё внутри у меня напряглось.

— Я направился туда сразу, — продолжал он, — но у террасы меня окликнул старый капеллан нашего прихода, с которым мы не виделись много лет. Он тоже был на гонках. Я задержался... на несколько минут, не больше. Когда же пошёл к домику, уже прогремел взрыв.

Он провёл ладонью по лицу и отвёл взгляд.

— Боже, это было ужасно. Все решили, что мистер Фейн погиб.

— Мистер Джойс, вы никого не видели подозрительного среди гостей или быть может среди прислуги? — спросила я, когда он немного успокоился.

Мистер Джойс остановил на мне недоуменный взгляд.

— Нет, не припомню. Все выглядело довольно мирно и достойно. Я слышал, что двигатель, который был установлен на лодку мистера Фейна был новым, тестируемым образцом. Он еще не прошел испытания, и то, что мистер Фейн поставил его сразу на лодку, не дождавшись результатов тестов, было большим риском.

Я вздрогнула и подалась вперед.

— Откуда вы все это узнали, мистер Джойс? — спрашиваю удивленно.

Мистер Джойс пожал плечами.

— Давно ходили слухи, что мистер Фейн увлекся новыми скоростными двигателями. Вчерашняя гонка должна была стать в том числе демонстрацией нового типа таких двигателей.

Я нахмурилась. Так вот значит, как обстоит все. Вчерашний взрыв должен был выглядеть как несчастный случай.

Я подняла глаза на мистера Джойса.

— Спасибо, что рассказали мне.

— Так что вы хотели сказать мне тогда? — спросил он. — Зачем позвали в лодочный домик.

При его словах внутри меня вскипела ярость. Что я могла ответить ему?

Эми солгала ему.

Эми заманила меня туда.

Она хотела с помощью горящего опиума одурманить меня и мистера Джойса, а потом... Потом опозорить нас в глазах и леди Ашборн и Эдварда.

Какой изворотливый, дьявольский план. Какое бесстыдство и чувство безнаказанности.

— Простите, мистер Джойс, у меня есть срочное дело, — говорю ему.

Когда он ушёл, я не стала больше колебаться.

Я надела тёмно-синее дневное платье, самое простое из тех, что у меня были, заколола волосы и вышла в коридор.

Ноги ещё слегка дрожали, но это была уже не слабость тела, а внутреннее напряжение.

Комната Эми находилась на другом конце второго этажа.

Подойдя к её двери, я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Эми стояла у туалетного столика и пудрила нос. Она обернулась и, увидев меня, побледнела.

— Мисс Симоне? — проговорила она. — Что вы здесь делаете?

— Я пришла поговорить с вами начистоту, мисс Дженкинс, — говорю, медленно приближаясь к ней.

Мой открытый взгляд и тихий ровный голос подействовал на Эми гипнотически. Она замерла, уронив пуховку на столик. В ее светлых глазах дрожал испуг.

— Простите, я не понимаю...

Мои губы дрогнули, я приблизилась к ней вплотную.

— Напротив, вы все прекрасно понимаете, мисс Дженкинс. Это вы сказали мистеру Джойсу, что я его ищу. Это вы заранее разожгли опиум, чтобы человек, попав туда, почти сразу оказался под действием дурмана. Вы хотели, чтобы меня нашли в лодочном домике с мистером Джойсом. Вы хотели меня опозорить.

На последних словах её лицо дёрнулось.

— Это нелепо.

— Но вы ошиблись, если думали, что я стану вас бояться, — произнесла я ледяным тоном. — Вы просчитались, мисс Дженкинс. Ваш план не сработал.

Она вскинула голову. В её глазах уже не было прежней растерянности. Испуг исчезал у меня на глазах, уступая место чему-то иному — жёсткому, злому, почти безобразно откровенному.

— Да что вы можете знать? — выговорила она сквозь зубы.

Щёки её вспыхнули. Губы искривились в усмешке.

— Вы явились сюда из ниоткуда, — сказала она. — Какая-то гувернантка, без имени, без положения. И вдруг всё должно принадлежать вам? Всё, что я столько времени ждала? Всё, к чему готовилась?

Она взяла со столика прозрачный флакон духов, открыла его и поднесла к носу.

— Ещё до приезда сюда я знала о слухах, которые ходили вокруг Эдварда. Что он сошёл с ума. Что его околдовала какая-то цветная из Лаоса. Я купила эти духи только потому, что где-то прочла: женщины в тех странах носят на коже жасминовое масло. Я подумала — значит, и та женщина, ради которой он отказался от помолвки, пахла именно так.

Она замолчала и взглянула на меня.

Это был холодный, ледяной взгляд, полный такой ненависти, что меня пробрало до костей. Она уже не собиралась играть со мной. Маски были сброшены.

— Вы даже представить себе не можете, мисс Симоне, сколько времени я потратила на то, чтобы изучить его привычки, — сказала она с коротким сухим смешком и вновь взялась за пуховку, неторопливо проводя ею по носу и подбородку, словно самый этот разговор доставлял ей теперь болезненное удовольствие. — Я знала, какие книги он любит, какую музыку предпочитает, какие цветы ставят в его комнате. Я знала, когда лучше молчать, а когда нужно слушать. Я готовилась к этой встрече так, как другие готовятся к экзамену, от которого зависит вся жизнь.

Она бросила пуховку обратно на столик и резко повернулась ко мне всем телом.

— И вот я приезжаю сюда — и что же? Он едва смотрит на меня. Почти не замечает. Зато вас... — Голос её дрогнул от яда. — Вас, мисс Симоне, он заметил сразу. На вас он стал

смотреть так, как я столько времени мечтала заставить его смотреть на меня. На вас — не на меня. На гувернантку собственной племянницы.

Я молчала.

— Вы думаете, я могла отдать его вам? — почти прошипела она. — Думаете, я стала бы спокойно смотреть, как какая-то чужачка получает всё только потому, что ей вздумалось явиться в этот дом с трагическими глазами и удобным прошлым?

Дверь за моей спиной открылась.

Я обернулась.

На пороге стоял Эдвард.

Лицо его было спокойно, почти холодно. Лишь в глазах застыла та опасная неподвижность, которая всегда появлялась в нём в минуты, когда он уже всё решил.

— Я хотел поговорить с вами наедине, мисс Дженкинс, — сказал он. — Но поскольку мисс Симоне тоже здесь, это, пожалуй, даже лучше.

Эми вздрогнула и выпрямилась.

— Мистер Фейн, я не понимаю...

Он вошёл в комнату и затворил за собой дверь.

— Сегодня утром я заехал к аптекарю в городе и спросил, кто в последние дни покупал у него опиум. Аптекарь оказался человеком осторожным, но память у него, к счастью, лучше, чем осторожность. Он прекрасно вас помнит.

Эми побледнела так сильно, что на щеках проступили неровные пятна.

Эдвард достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги.

— Несколько дней назад вы приобрели у него состав, который обычно отпускают лишь в особо безнадёжных случаях и в крайне малых дозах. Вы уверили его, что средство нужно вашей больной тётушке. Он выписал это для вас.

Он слегка приподнял лист. Эми онемела от шока.

— Я уже договорился о новом месте для вас, — продолжал Эдвард холодно. — Сегодня после полудня машина отвезёт вас на станцию. Оттуда вы отправитесь туда, где ваши таланты будут причинять меньше вреда окружающим.

Эми смотрела на него так, словно ещё надеялась, что всё это шутка, недоразумение, что стоит ей только правильно улыбнуться, и мир вернётся к прежнему порядку. Но лицо Эдварда было непроницаемо.

— Вы не можете так со мной поступить, — выговорила она наконец.

Она судорожно перевела взгляд на меня, потом снова на него. И тут вся её тщательно выстроенная любезность рухнула окончательно.

— Так вот в чём дело? — произнесла она срывающимся голосом. — Из-за неё?

Эдвард ничего не сказал.

И это молчание оказалось для неё страшнее любого ответа.

— Боже мой, — засмеялась она коротко и зло. — Как вы могли очароваться такой, как мисс Симоне? Такой... — она осеклась, но лишь на секунду. — И неужели вы всерьёз думаете, что всё это куда-то приведёт? Не воображайте, будто сможете когда-нибудь на ней жениться.

Я почувствовала, как у меня холодеют руки.

Эми шагнула вперёд и встала напротив Эдварда. Лицо её было теперь некрасиво искажено злостью.

— Этого не вынесет ни ваша бабушка, леди Ашборн, ни тем более ваша мать. Ваша бедная больная мать, о которой вы, кажется, забыли. Думаете, она переживёт такой удар? Думаете, после всего, что и без того с ней стало, вы имеете право добить её окончательно?

На последних словах в комнате повисла такая тишина, что я слышала, как где-то в саду крикнула птица.

Я взглянула на Эдварда. Его лицо оставалось неподвижным, лишь глаза опасно потемнели.

— Мисс Дженкинс, — произнес он таким тоном, от которого у меня все похолодело внутри, — извольте держать себя в руках.

Эми вздрогнула, пораженная.

— Вы уедете сегодня, мисс Дженкинс, — отрезал Эдвард, складывая руки за спиной. — Это не подлежит обсуждению.

Эми смотрела на него с ненавистью, уже не пытаясь скрывать её.

Потом резко отвернулась, схватила с кровати сумочку и направилась к двери.

У самого порога она остановилась, не глядя ни на меня, ни на него.

— Вы оба ещё пожалеете, — сказала она тихо.

И вышла.

Дверь за ней захлопнулась.

А потом она уехала. Я смотрела на удаляющийся автомобиль из окна гостиной, и сердце мое сдавила тревога. Это было предчувствие скорой катастрофы.

Глава 24. Прикосновение к сердцу

Прошло четыре дня после взрыва.

Первые сутки дом жил так, будто по нему прокатилась буря и ещё не успела стихнуть в дальних комнатах: шаги звучали торопливо, двери хлопали чаще обычного, слуги шептались на лестницах, а в утренней комнате всё ещё пахло нашатырём и крепкими успокоительными каплями. Но мало-помалу жизнь начала возвращаться в свои русла. Не совсем прежние — нет; слишком многое изменилось за один вечер, и всё же дом снова дышал, ел, просыпался, звенел посудой, открывал окна навстречу солнцу.

О мисс Дженкинс уже почти не вспоминали.

Кэти первые два дня боялась подходить к воде и всякий раз, заслышав снаружи резкий звук, вздрагивала и бежала ко мне. Я отложила наши обычные занятия. Ни французские глаголы, ни арифметика не казались мне сейчас ни разумными, ни нужными. Вместо этого мы играли, рисовали и подолгу гуляли по саду. Иногда она приносила карандаши и просила меня нарисовать лодку, но всякий раз, едва я начинала очерчивать узкий корпус, сама же сердито качала головой и говорила:

— Нет. Лучше розы.

И я рисовала розы.

Чаще всего мы уходили к сторожке у дальних ворот, где жили мистер и миссис Эммет. Это был маленький, тёплый домик, весь утопавший в мальвах, душистом горошке и разросшейся жимолости. У порога стояли глиняные горшки с мятой и тимьяном, в окне кухоньки белели занавески, а за домом раскидывался огород, такой аккуратный, будто каждая грядка была начерчена по линейке.

Миссис Эммет, кругленькая, румяная и неизменно приветливая, взяла нас под своё покровительство с той решительностью, с какой добрые женщины берутся лечить чужую душу тестом, маслом и горячей печью.

— Ребёнку нужно дело для рук, — заявила она в первый же день. — И вам тоже, мисс. А лучше пирога ничего не успокаивает. Разве что два пирога.

Кэти эта мысль привела в восторг.

В то утро мы как раз учились печь маленькие английские пирожки с яблоками. На столе лежала белая горка муки, масляное тесто прохладно блестело на доске, а сама Кэти, с засученными до локтей рукавами и пятном муки на носу, старательно раскатывала кружок, который упрямо выходил то слишком толстым, то кривым.

— Он опять не круглый, — с отчаянием сказала она, поднимая на меня глаза.

— Ничего, — ответила я, смеясь. — Пусть будет храбрый пирожок. Ему не обязательно быть круглым.

— Но у вас красивые, — возразила она.

— Потому что я старше и чаще ошибалась.

Миссис Эммет фыркнула, вынимая из печи форму.

— И потому что мисс Симоне умеет не сердиться на тесто, — сказала она. — А тесто, мисс Кэти, ужасно не любит, когда на него сердятся.

Кэти нахмурилась, точно обдумывая, может ли тесто обладать характером, и затем чрезвычайно серьёзно погладила свой кривоватый кружок ладонью.

— Простите, сэр, — шепнула она ему.

Я не выдержала и рассмеялась. Она тоже, и через минуту мы уже обе были в муке.

За открытым окном шумело лето. Над огородом гудели пчёлы. Вдали на лужайках белели розы, кусты шиповника уже начинали осыпаться, а тёплый ветер шевелил верхушки лип. Небо

стояло высокое, ясное, такое прозрачное, что трудно было поверить: под этим же небом всего несколько дней назад над водой взметнулся чёрный дым.

Иногда мне казалось, будто сам дом изо всех сил старается забыть. Распахнутые окна, запах свежескошенной травы, подносы с лимонадом, возвращающиеся голоса в коридорах — всё это словно убеждало: жизнь продолжается. Но в самой сердцевине поместья по-прежнему тлела тревога.

Правда, теперь дом напоминал мне не столько поместье, сколько штаб.

В холле чаще обычного стояли чужие автомобили. Слуги беспрестанно носили в кабинет Эдварда кофе, сэндвичи, папки, телеграммы и газеты. Мужские голоса звучали на лестницах, в библиотеке, в курительной, в малой гостиной. Кто-то приезжал утром и уезжал к вечеру, кто-то задерживался до ночи. Разговоры при моём появлении нередко обрывались или понижались до той почтительной деловитой глухоты, за которой особенно ясно слышно: говорят о вещах серьёзных и неприятных.

Эдвард в эти дни почти не появлялся за общим столом. Если и приходил, то ненадолго, усталый, сосредоточенный, с газетой в руке или с карандашом за ухом, как человек, у которого голова занята сразу десятью делами и ни одно нельзя отложить. Иногда я видела его из окна школьной комнаты: он быстрым шагом пересекал двор вместе с капитаном Марлоу или мистером Мортон, неся под мышкой чертёжную папку. Однажды рядом с ним шёл ещё один человек — высокий, худой, немного сутулый, в круглых очках, с непокорной тёмной шевелюрой. Увидев его, я вздрогнула.

Это был тот самый инженер, которого я уже видела в доме в ночь, когда сюда забрались люди Картера, одним из которых был мой брат.

Тогда, среди суматохи, шагов и тревожных голосов, я не успела как следует его рассмотреть. Теперь же я узнала его сразу, в быстрой, нервной походке, в том, как он, слушая Эдварда, уже на ходу рисовал что-то пальцем по воздуху, словно продолжал невидимый чертёж.

Один раз, возвращаясь с Кэти из сада, я невольно замедлила шаг у открытой двери библиотеки. Внутри было душно от сигарного дыма и мужских голосов. У большого стола стояли Эдвард, капитан Марлоу, мистер Мортон и тот самый инженер. На столе лежали какие-то бумаги и разобранная металлическая деталь, напоминавшая часть двигателя.

— Я вовсе не отрицаю, что слова мисс Симоне заслуживают внимания, — мягко говорил мистер Мортон своим обычным, уравновешенным тоном. — Напротив, её наблюдение чрезвычайно важно. Но мы всё же имеем дело с новым мотором, испытанным не до конца. У пристани была толпа, к машине подходили самые разные люди. Я лишь хочу сказать: если мы без достаточных оснований заговорим о покушении, это погубит проект вернее самого взрыва.

— К дьяволу проект, если кто-то пытался убить Эдварда, — сухо отрезал Марлоу.

— Именно поэтому, — всё так же спокойно продолжал Мортон, — нам и следует иметь факты, а не страхи. Иначе мы подарим газетам сенсацию, а вашим недоброжелателям — оружие.

Эдвард стоял, опустив голову к столу и упираясь пальцами в край столешницы. При последних словах он резко выпрямился.

— Газеты уже получили своё оружие, — сказал он. — И инвесторы тоже.

Инженер в очках что-то резко пробормотал, но я не расслышала. В этот момент Кэти дёрнула меня за руку:

— Мисс Симоне, смотрите, у меня на рукаве улитка.

Я поспешно отвела её дальше.

Слова Мортон ещё долго звучали у меня в ушах. Они были разумны. Я видела, как он в эти дни поддерживал леди Ашборн, умел находить тихие слова для Кэти, был почти незаменим для Эдварда в бесконечных разговорах с людьми из города, с механиками, с теми, кто привозил бумаги и увозил ответы. Он был ровен, внимателен, тактичен и доброжелателен со всеми. Я

слушала его и почти убедилась, что, возможно, и в самом деле, произошедшее с лодкой — лишь несчастный случай.

И всё же сама мысль о Джоне Картере не оставляла меня. Тем более я помнила разговор с Даниэлем. На кон был поставлен проект, из-за которого Джон был готов пойти на все.

Даже на убийство Эдварда...

Сколько ещё раз он протянет руку к его жизни?

Эти вопросы преследовали меня даже в тишине сада, даже у тёплой печи миссис Эммет, даже ночью, когда в доме наконец стихали шаги и лишь одна-две двери где-то далеко закрывались позже обычного.

В тот вечер воздух был особенно мягким, золотистым. День медленно склонялся к закату. Я оставила Кэти у миссис Уолтон, они собирались разобрать коробку со старыми пуговицами и ленточками для кукольного платья, а сама ушла в западное крыло сада.

Я села на старую скамью под аркой, почти скрытой розами, и некоторое время просто слушала, как в траве стрекочут кузнечики.

Я думала об Эдварде.

О том, как редко видела его за эти дни.

О том, что каждый раз, когда он всё же появлялся, мне казалось: он стал ещё более замкнутым, ещё более напряжённым, будто держал весь дом, всех людей и весь этот хаос на собственных плечах.

О том, что я боюсь за него.

— Так вот где вы скрываетесь.

Я вздрогнула и подняла голову.

Эдвард стоял у поворота дорожки, одной рукой отводя в сторону ветку розы. На нём был светлый летний пиджак, расстёгнутый у горла, и он казался усталым. Но в глазах его было то знакомое, живое выражение, которого я не видела у него уже несколько дней.

— Я не скрываюсь, — сказала я, вставая со скамьи, пряча счастливую улыбку. — Я просто гуляла.

— Разумеется, — отозвался он. — А я, должно быть, просто случайно уже третий вечер слышу, что мисс Симоне снова исчезла в неизвестном направлении.

Я почувствовала, как тепло подступило к лицу.

— Не думала, что мои передвижения представляют интерес.

— Представляют, — сказал он так просто, что у меня вспыхнули щеки. — По крайней мере для человека, который уже четыре дня пытается перехватить вас между пирогами, акварелью и прогулками с моей племянницей.

— Кэти нужен покой, — тихо сказала я.

— Я знаю, — ответил он, и в голосе его появилась мягкость. — И вы сделали для неё больше, чем кто-либо из нас.

На мгновение между нами повисла тишина.

Сад уже начинал темнеть. Сквозь листву пробивался косой золотой свет. Где-то далеко, за западной стеной, кричали грачи.

— Пойдёмте со мной, — вдруг сказал Эдвард, загадочно улыбнувшись.

Мое сердце дрогнуло.

— Куда?

— В кабинет. Вернее... Я давно хотел кое-что вам показать. После всего, что произошло, вы имеете право знать, из-за чего поднялся весь этот переполох.

Я замерла.

— Мне?

— Вам, — повторил он. — Если, разумеется, вы не боитесь чертежей, металлической стружки и нескольких очень неприятных истин.

Я попыталась улыбнуться.

— После последних дней меня уже трудно напугать стружкой.

— Это обнадеживает.

Он протянул мне руку, помогая спуститься с неровной каменной кромки дорожки. Его пальцы лишь на миг коснулись моих, но этого лёгкого прикосновения хватило, чтобы у меня перехватило дыхание.

Мы шли к дому молча.

В кабинете никого не оказалось, но дверь в соседнюю, обычно запертую комнату была открыта. Эдвард провёл меня туда.

Я остановилась на пороге.

Это была не совсем мастерская и не совсем рабочий кабинет. Скорее, и то и другое сразу. На длинных столах лежали развёрнутые чертежи, линейки, лекала, металлические детали, катушки проволоки и какие-то инструменты, мне незнакомые. У стены стояла большая деревянная модель самолёта — изящная, стремительная даже в неподвижности. Под потолком висела яркая лампа под зелёным абажуром, и в её свете всё вокруг казалось особенно строгим и сосредоточенным. Пахло маслом, бумагой, лаком и горячим металлом.

У дальнего стола, склонившись над листами, стоял тот самый инженер в очках. Он выпрямился при нашем появлении и уставился на меня с откровенным изумлением.

— Фейн, — удивился он, поправляя очки. — Вы всерьёз привели сюда мисс Симоне?

— Да, Пенроуз, — невозмутимо ответил Эдвард. — И постарайтесь пережить это достойно.

Инженер моргнул.

— Я не против мисс Симоне, — сказал он. — Я лишь не ожидал, что вы решите посвятить даму в это безумие.

— Видите ли, — произнёс Эдвард с ленивой усмешкой, — мисс Симоне, в отличие от наших инвесторов, не падает в обморок при виде умных вещей.

Я невольно улыбнулась.

Мистер Пенроуз фыркнул.

— В таком случае, — сказал он, — у мисс Симоне есть шанс оказаться в этом доме самым здравомыслящим человеком.

Он чуть поклонился мне, и теперь я смогла рассмотреть его лучше. Уильям Пенроуз был, вероятно, лет тридцати двух или тридцати трёх, худой, нескладный, с живым нервным лицом и чрезвычайно умными глазами за круглыми стёклами. На манжетах его рубашки виднелись тёмные следы карандаша и машинного масла.

— Мисс Симоне, — произнес Эдвард торжественно, — мистер Уильям Пенроуз. Человек, который убеждён, что все законы аэродинамики созданы лишь затем, чтобы их усовершенствовать.

— Исправить, — сухо сказал Пенроуз. — Не усовершенствовать. Это разные вещи.

— Вот видите, — улыбнулся Эдвард мне. — Я работаю с фанатиком.

— А я с человеком, который упрям настолько, что пытается сделать революцию за собственные деньги, — парировал Пенроуз.

Мне вдруг стало легко на душе. В этой комнате было столько сосредоточенной жизни, столько воли и азарта, что сама тревога последних дней на миг отступила.

Эдвард подвёл меня к модели.

— Вот ради этого, мисс Симоне — сказал он, — к нам и лезли по ночам.

Я медленно провела взглядом по тонкому корпусу, по крыльям, по аккуратному вычерченному хвостовому оперению.

— Он прекрасен, — невольно сказала я.

Пенроуз оживился мгновенно.

— Именно! — воскликнул он. — В этом-то и дело. Все остальные видят в машине только расчёт. А расчёт должен быть красив, иначе он мёртв. Посмотрите сюда, — он схватил карандаш и наклонился над разложенным чертежом. — Низкоплан. Цельнометаллическая конструкция. Закрытая кабина. Убирающееся шасси, если мистер Фейн не разорит нас раньше, чем мы доведём механизм до ума.

— Очень утешительно, — заметил Эдвард.

— И новый двигатель, — продолжал Пенроуз, уже не слушая его. — Вот это главное. Нам нужен мотор легче обычного, но при этом достаточно мощный, чтобы машина брала скорость, о которой сейчас многие лишь болтают в клубах. Если расчёты верны, мы получим аппарат, который будет быстрее, устойчивее и выгоднее большинства нынешних моделей.

— И не только для частных полётов, — добавил Эдвард. — Если мы доведём опытный образец до рабочего состояния, им заинтересуется государство.

Я перевела взгляд с модели на него.

— Для военных целей?

— Для связи, разведки, почтовых линий, — ответил он. — И да, вероятно, для военных тоже. Сейчас все понимают: за авиацией будущее. Не той, что развлекает публику на выставках, а настоящей. Практической. Быстрой. Надёжной.

— Надёжной, — повторил Пенроуз и досадливо бросил карандаш на стол. — Что теперь особенно трудно будет кому-либо доказать.

Эдвард помрачнел.

— Гонка моторных лодок должна была стать демонстрацией той же силовой схемы, — сказал он уже спокойнее, обращаясь ко мне. — Не буквально того же двигателя, но тех же инженерных принципов. Высокая мощность при меньшем весе. Если бы всё прошло удачно, мы получили бы не только газетную шумиху, но и деньги. А после взрыва все увидели в этом не силу, а ненадёжность.

— Трое уже отступили, — сухо заметил Пенроуз, сверкнув очками. — И ещё двое, вероятно, уйдут к концу недели, если вы не сумеете сотворить чудо.

Эдвард усмехнулся без веселья.

— Мистер Пенроуз сегодня удивительно ласков.

— Я просто предпочитаю арифметику утешениям.

Я смотрела на чертежи, на линии, цифры, пометки, и мне вдруг стало ясно, почему кража этих бумаг была бы не мелкой пакостью и не попыткой досадить, а ударом по самому сердцу дела.

— Значит, — тихо сказала я, — взрыв ударил не только по вам.

Эдвард поднял на меня глаза.

— Да, — ответил он после короткой паузы. — Не только.

Мистер Пенроуз тем временем уже снова наклонился над соседним столом и, хмурясь, перебирал несколько исписанных листов.

— Чёрт, — пробормотал он себе под нос. — Я так и знал, что здесь ошибка.

Он подхватил один из чертежей, затем второй, быстро сверил цифры и недовольно щёлкнул языком.

— Фейн, я заберу расчёты по стойкам к себе, — сказал он, не поднимая головы. — Если я сейчас же не пересчитаю эту проклятую нагрузку, к утру она начнёт мне сниться.

— Забирайте, — ответил Эдвард, улыбнувшись.

— И передайте, если вспомните, тот лист с последними поправками по шасси, — добавил Пенроуз, уже направляясь к двери с папкой под мышкой. — Вы, разумеется, положили его не туда, куда следовало.

— Разумеется, — сухо сказал Эдвард.

Пенроуз фыркнул, толкнул дверь плечом и вышел.

Тишина стала еще глубже. Но я этого даже не заметила, поглощенная моделью самолета.

— Он совсем не похож на те самолеты, которые я видела прежде, - говорю задумчиво.

— Потому что он не должен быть похож.

В голосе Эдварда появилась перемена. Вся его прежняя насмешливость исчезла. Он подошел к столу и взял модель обеими руками с осторожностью, которая удивила меня.

— Большинство самолетов до сих пор создают по принципу компромисса, — сказал он. — Если хотят получить скорость, жертвуют дальностью. Если увеличивают дальность, теряют грузоподъемность. Если стремятся к безопасности, машина становится слишком тяжелой.

Эдвард медленно провел пальцем по крылу самолета.

— Я хочу получить другое. Самолет, который сможет перевозить людей на большие расстояния, не превращая каждый полет в испытание на смелость. Закрытая кабина. Удобные места для пассажиров. Отдельный отсек для почты. Четыре двигателя. Более надежная система подачи топлива.

Он говорил увлеченно, восторженно. В его глазах появился свет, которого я прежде не видела.

— Вы уже построили его?

— Почти. Мы проверяем конструкцию. Пересматриваем расчеты. Меняем материалы.

— И сколько это будет стоить?

— Достаточно, чтобы мой совет директоров начал считать меня безумцем, — усмехнулся он.

Я улыбнулась.

— Разве они осмеливаются говорить вам такое?

— Не вслух.

Все еще бережно держа модель самолета в руках, Эдвард повернулся к чертежу на столе.

Я подошла к нему. На бумаге тонкими линиями была изображена вся внутренняя конструкция самолета: балки, двигатели, топливные баки, пассажирский салон.

— Это будет нечто совершенно иное, — проговорил он восторженно, снова любуясь моделью самолета, - уверяю вас! Никто прежде не видел настолько совершенное создание.

— Вы говорите о самолете как о женщине, — говорю, сквозь улыбку, и тут же прикусываю губу.

Эдвард посмотрел на меня, его губы дрогнули.

— Вы ревнуете, мисс Симоне?

Кровь бросилась мне в лицо.

— Нет конечно, — я вспыхнула. — Я только...

— Только что?

Я отвела взгляд, не в силах выдержать его выражение.

— Только заметила, как вы меняетесь, когда говорите о нём, — произнесла я с улыбкой.

Эдвард пристально смотрел на меня, и внутри меня расползлся жар.

— Просто однажды этот самолет спас меня от сумасшествия, — произнес он после паузы.

Я подняла глаза, не понимая, о чем он.

Эдвард подошёл к столу и развернул один из больших чертежей.

— Идите сюда, — поманил он.

Я встала рядом.

На листе была показана машина в продольном разрезе — сложная, стройная, удивительно живая даже на бумаге.

Эдвард указал на центральный узел, вокруг которого сходились линии, расчёты и пометки.

— Вот здесь его сердце, — произнес он, понизив голос.

— Двигатель?

— Не только. Вся идея. Весь смысл машины. Вес, тяга, распределение нагрузки, всё держится на этом. Ошибись здесь хоть немного — и она останется красивой игрушкой. Попади точно — и сможет изменить правила.

Я смотрела на чертёж и не заметила, как подняла руку. Кончики моих пальцев коснулись бумаги именно там, куда он показывал.

На один краткий миг мне показалось, будто я и правда коснулась чьего-то сердца.

Эдвард встал у меня за спиной так близко, что я почувствовала его тепло раньше, чем осознала это. Потом его ладонь легла на стол рядом с моей, не касаясь, лишь замыкая меня в этом узком пространстве между чертежом, столом и его дыханием.

Я замерла.

— Почему вы сказали, что этот самолёт спас вас от сумасшествия? — шепнула я, не отрывая пальцев от тонких линий на бумаге.

Некоторое время он молчал.

Я чувствовала его дыхание у своих волос, у виска, у самой шеи, и от этого по всему телу разливался дрожащий жар.

— Потому что зимой я дошёл до той точки, — произнёс он наконец тихо, — за которой человеку уже всё равно, жить ему или нет.

У меня перехватило дыхание.

Его пальцы едва заметно коснулись моих.

— Мне нужно было занять чем-то ум, руки, всю свою ярость, — продолжал он. — Нужно было придумать нечто такое, что не подчинялось бы ни расстоянию, ни страху, ни памяти. Машину, которая просто поднимается и идёт вперёд, как бы далеко ни лежал путь.

Он чуть склонился ниже, и я почти ощутила, как его губы коснулись моих волос.

— Так и родился этот самолёт, — прошептал он хрипло. — Сначала как способ не сорваться в бездну. А потом — как единственное, во что я ещё умел верить.

Я медленно повернулась к нему, мое сердце так сильно стучало, что было больно.

Эдвард был настолько близко, что ещё немного, и я коснусь его губами.

В его глазах уже не осталось ни насмешки, ни привычной лёгкости. Только тёмное, горячее, страшное напряжение.

Он осторожно взял мою руку со стола, поднёс к губам и поцеловал ладонь. Медленно, горячо, слишком долго. Так что у меня подогнулись колени, а голова закружилась.

— Вы ведь будете рядом со мной, мисс Симоне, — прошептал он, не отпуская моей руки, — когда эта машина впервые поднимется в небо?

Я чувствовала жар его губ на своей коже и не могла ни вдохнуть, ни пошевелиться.

— Мистер... мистер Фейн, — прошептала я, собирая остатки мужества и стараясь забрать свою руку, но он лишь сильнее прижал ее к своей щеке.

— В лодочном домике вы вели себя иначе, — улыбнулся он, прожигая жадным взглядом. Я вспыхнула.

— Вы не справедливы. Я не отдавала отчета в том, что делаю.

— Зато я вполне отдавал себе отчет, — прошептал он.

Я дернула руку. Но Эдвард притянул меня к себе. Медленно, бережно.

Я оказалась в кольце его рук, у самой его груди. Слышала биение его сердца.

— Ты не представляешь, — сказал он тихо, — как часто я думал о тебе после того случая. О том, как ты обняла меня. О твоих сводящих с ума глазах. О твоих губах, которые я так и не поцеловал.

Я вся дрожала от его голоса, его тепла, от его горячего дыхания у своей шеи. Сердце сладко сжималось. Я замерла, млея от этой ласки, теряя остатки сил на сопротивление. Эдвард коснулся губами нежной кожи возле уха, спустился ниже.

— Боже, сколько пуговиц, — выдохнул он, дойдя до высокого ворота платья, — это сводит меня с ума.

И он стал медленно расстегивать ворот, пуговицу за пуговицей, и тут же припадать ревнивыми губами к отрывшейся части кожи. Я откинула голову, хватаясь руками за край стола, ноги меня не держали. Перед глазами плыло. Все мое существо стремилось к нему, мое изголодавшееся по его ласкам тело реагировало мучительно остро. У меня не осталось сил на борьбу. Совсем как тогда в Лаосе...

И вдруг из глубины сознания донесся голос больничной медсестры: «У вас было сильное кровотечение... мне очень жаль... ребенка не удалось спасти...».

Не удалось спасти...

И вдруг вся та страшная, мучительная боль от потери ребенка ледяной волной поднялась со дна моей души, прогоняя сладостный дурман.

Я резко вздрогнула и вырвалась из объятий Эдварда. Кожа моя горела, в висках стучало.

— Нет, — выдыхаю.

Эдвард отступил на шаг, тяжело дыша.

— Чего вы боитесь?

Меня трясло так, что я едва могла говорить. Ледяными, непослушными пальцами пытаюсь застегнуть ворот, при этом старательно избегая взгляда Эдварда, дикого, темного, полного желания.

Нет, я должна, должна что-то придумать. Как-то остановить его, иначе я снова погибну, и он тоже.

— Мистер Фейн, вы уверены, что вам нравлюсь именно я? — произношу сдавленно, отворачиваясь к двери.

— Что вы имеете в виду? — произнес он, помедлив.

Закрываю глаза, судорожно втягиваю воздух.

— Помните ли вы о том, кто я? — стискиваю руки так сильно, что ногти впиваются в ладони. — Я – Жослин Симоне, гувернантка вашей племянницы.

Медленно поворачиваюсь к нему и встречаюсь с ним глазами.

Лицо Эдварда изменилось. Взгляд помрачнел.

— Вы и правда хотите быть именно со мной? — продолжаю, сквозь дрожь, но уже не силах остановиться. — Или вы просто пытаетесь найти замену той, которую потеряли?

Он смотрел на меня молча. Но в серых глазах промелькнула боль, словно я одним движением вскрыла старую рану, которую он столько месяцев носил в себе втайне.

Я больше не могла этого выдержать.

Я отвернулась и выбежала к двери. Но уже на пороге я обернулась.

Эдвард всё ещё стоял там, у стола с развернутыми чертежами, неподвижный, выпрямившись, как человек, которому нельзя позволить себе согнуться. Лицо его было мрачным, почти каменным, но в глазах застыло такое выражение, что у меня внутри всё оборвалось.

Будто я оставила его не в комнате, а на месте новой утраты.

Понимая, что если промедлю, то не выдержу, я бросилась прочь к себе в комнату, упала на кровать и проплакала всю ночь.

Глава 25. Роза для Лотоса

Когда за окнами занялся свет, я лежала неподвижно, глядя в потолок. В голове звенело, в груди стояла тяжесть, а руки и ноги были какими-то чужими, ватными.

Я встала только потому, что оставаться в постели было ещё невыносимее.

Умывшись, я долго смотрела на своё отражение. Лицо было белым, почти прозрачным, под глазами легли тени. На мгновение я закрыла глаза, потом открыла ящик туалетного столика и вынула очки.

Те самые.

Те, что остались в лодочном домике и потом были найдены там.

С той ночи я не носила их. Тогда мне казалось, что вместе с ними я сняла с себя привычную преграду, ту тонкую, холодную защиту, за которой могла оставаться мисс Симоне, спокойной, незаметной, благоразумной. Теперь я снова надела их, словно возвращала на место стену, без которой уже не умела дышать.

Когда стекла легли перед глазами лёгкой, знакомой тяжестью, мне стало чуть легче. Почти так же, как бывает легче, когда застёгиваешь ворот платья до самого горла.

Но тело всё равно не слушалось.

Спускаясь к завтраку, я вынуждена была придержаться за перила, потому что лестница вдруг качнулась подо мной. Мне стало так дурно, что я на секунду закрыла глаза, опасаясь, как бы не упасть прямо посреди лестничного пролёта.

— Мисс Симоне? — окликнула снизу миссис Уолтон. — Вам нехорошо?

Я заставила себя улыбнуться.

— Нет, благодарю вас. Я просто... не совсем выпалась.

Но за столом стало только хуже.

Передо мной поставили чай, тосты, немного яиц, и от одного только запаха у меня к горлу подступила тошнота. Я заставила себя отпить несколько глотков, но кусок хлеба так и остался нетронутым. Вилку я держала скорее для вида, чем с намерением есть.

Кэти, сидевшая напротив, смотрела на меня всё внимательнее.

— Почему вы ничего не едите? — спросила она наконец.

— Ем, дорогая, — ответила я, стараясь говорить ровно.

— Нет, — возразила она с детской прямоотой. — Вы только делаете вид. И вы бледная.

— Кэти, — мягко одёрнула её леди Ашборн.

Но девочка уже встревожилась не на шутку.

— Вы не заболели? — спросила она, отложив ложку. — У вас болит голова?

— Нет, милая, — сказала я и попыталась улыбнуться. — Просто немного устала.

Миссис Уолтон, ставившая на стол кофейник, взглянула на меня с тем вниманием, которое у женщин пожилых и добрых обычно страшнее прямого вопроса.

— Вы и вчера почти не ужинали, мисс, — заметила она. — И сегодня ни крошки. Это нехорошо. Не заболеваете ли вы?

Я почувствовала, что ещё мгновение и не выдержу этих заботливых расспросов.

И в этот самый миг шаги в коридоре заставили меня поднять голову.

Я вздрогнула.

Эдвард проходил мимо открытой двери столовой уже в дневном костюме, с перчатками в руке, быстрый, собранный, словно весь состоящий из намерения и движения. Но, услышав последние слова миссис Уолтон, он невольно обернулся.

Наши взгляды встретились.

Я застыла, мне показалось, будто весь воздух в комнате натянулся, как струна.

Его глаза задержались на моем лице, и я перестала дышать от силы этого взгляда, в серых глазах мелькнула тень.

Он вошёл в столовую ровно настолько, насколько требовала вежливость.

— Доброе утро, бабушка, — сказал он леди Ашборн. — Кэти.

Потом слегка поклонился мне.

— Мисс Симоне.

Тон был безупречен.

Именно поэтому мне захотелось схватиться за край стола.

Ещё вчера в его голосе при моём имени звучала насмешка, тёплая и только ему одному свойственная. Теперь осталась одна лишь идеально отмеренная учтивость.

Он спросил о каких-то бумагах, оставленных для него в библиотеке, выслушал ответ, пожелал всем доброго утра и вышел так же быстро, как вошёл.

Только когда его шаги стихли, я поняла, что всё это время почти не дышала.

— Дядя опять сердится? — тихо спросила Кэти.

— Не выдумывай, — сказала леди Ашборн, хотя и сама выглядела озабоченной.

Я опустила глаза в тарелку.

Мне казалось, что если кто-нибудь сейчас снова спросит, почему я не ем, я расплачусь прямо за столом.

После завтрака я всё-таки попыталась заняться с Кэти уроками, но с первых минут поняла, что это почти невозможно. Буквы расплывались перед глазами, в висках тяжело стучало, и иногда мне приходилось замолкать на середине объяснения, чтобы справиться с внезапной волной дурноты.

Кэти, как ни странно, вела себя тихо и послушно, возможно, именно потому, что видела: со мной что-то не так.

В коридоре снова послышались быстрые мужские шаги. Они остановились у самой двери школьной комнаты, и через мгновение я увидела, как мимо проносят рулоны чертежей. За ними шёл Пенроуз, что-то раздражённо объясняя на ходу, а следом, Марлоу, молчаливый и хмурый. Эдвард замыкал шествие.

На этот раз он не вошёл.

Лишь бросил короткий взгляд внутрь комнаты, тот взгляд, в котором было всё то же ледяное самообладание, и, заметив меня, снова чуть склонил голову.

Я ответила тем же.

Дверь осталась открытой всего на несколько секунд, но этого хватило, чтобы вся кровь у меня отхлынула от лица.

Так, должно быть, кланяются людям, с которыми больше не хотят иметь ничего, кроме необходимой вежливости.

Когда Кэти ушла обедать, я осталась в школьной комнате одна и несколько минут сидела неподвижно, сжав руки на коленях.

Вот что сделала моя ложь.

Вот что я сделала с ним.

И с собой.

Раньше я думала, что страшнее всего: его страсть, его близость, его настойчивость. Теперь оказалось, что страшнее его холод. Его сдержанность. То, как быстро он сумел снова превратиться в мистера Фейна — хозяина дома, человека дела, мужчину, для которого мисс Симоне не значит ничего, кроме удобной и вполне заменимой гувернантки.

И эта мысль была так болезненна, что я невольно закрыла глаза.

К обеду мне стало хуже. Я спустилась вниз только потому, что не хотела давать повода для новых разговоров, но едва села за стол, как поняла: есть я не смогу.

Эдвард был там.

Он разговаривал с капитаном Марлоу и мистером Пенроузом. И ни разу за весь обед даже не взглянул в мою сторону.

К вечеру стало известно, что Эдвард уезжает.

Леди Ашборн беспрерывно вздыхала и подносила платок к глазам. Кэти ходила хмурая и почти не играла со своим щенком.

— Ты опять уезжаешь, дядя? — спросила она вечером, поднимая на него встревоженные глаза.

Эдвард повернулся к ней, и в лице его сразу появилось то особое выражение, которое я всегда замечала при ребёнке: будто под жёсткой внешней оболочкой на мгновение проступало нечто тёплое и почти беззащитное.

— Ненадолго, милая.

— Но ты только что едва не умер.

— Это было крайне невоспитанно с моей стороны, согласен, — серьёзно сказал он. — Постараюсь больше не создавать подобных неудобств.

Кэти не улыбнулась.

— Не уезжай.

Леди Ашборн тихо поддержала:

— Эдвард, быть может, действительно можно подождать ещё неделю? После всего пережитого...

Он откинулся на спинку стула и посмотрел на них обеих с той шутиливой покорностью, за которой у него всегда пряталось упрямство.

— Если я подожду ещё неделю, — сказал он, — мои инвесторы решат, что я лежу в погребке, обняв обломки мотора и оплакивая собственное тщеславие. А господа из министерства, весьма возможно, успеют увериться, что вся английская авиация держится на одном только хорошем воспитании и молитвах. Мне же, к прискорбию бабушки, хотелось бы всё-таки предъявить им нечто более убедительное.

Марлоу хмыкнул в усы.

— Он всё равно поедет, — сказал он леди Ашборн. — Даже если мы его свяжем, он прикажет погрузить себя в автомобиль вместе с чертежами.

— Разумеется, — сухо заметил Эдвард. — Я предпочту быть связанным среди собственных побед, а не среди чужих сомнений.

Кэти нахмурилась.

— Значит, ты точно уедешь?

— Точно, — сказал он уже мягче. — Но я вернусь.

Это было сказано ребёнку.

И всё же мне почудилось, что последние слова он произнес не только для нее.

После ужина я больше не могла оставаться в доме. Я вышла в сад, почти не замечая дороги, и ушла в западную часть парка, к розам и старой каменной скамье.

Свет был мягким, золотистым. Где-то далеко звенели ножницы садовника. Тёплый ветер едва шевелил листья. Я шла и шла, глядя себе под ноги, пока не вышла на дорожку к озеру.

Я сама не знала, зачем иду туда.

На самом деле все, о чем я могла думать, это о том, что Эдвард завтра уезжал.

Эта мысль не отпускала меня с первой минуты, как только я услышала вести об отъезде.

Он снова ворвался в мою жизнь, так же внезапно, как когда-то, снова принёс с собой смятение, тревогу, бессонницу, тот невыносимый жар, в котором разум перестаёт быть защитой, и теперь снова уезжал. Как будто ему достаточно было только коснуться моей души, встряхнуть её до основания и снова исчезнуть, оставив меня собирать себя по кускам.

Я хотела подойти ближе к воде, когда вдруг передо мной выросла фигура.

Я вздрогнула и замерла, поражённая.

Эдвард стоял ко мне спиной и задумчиво смотрел на озеро. Не знаю, успел ли он услышать звук моих шагов; во всяком случае он оставался неподвижным, и от этой неподвижности в его высокой фигуре было что-то такое, что заставило меня сразу отступить в тень лип.

Я попятилась, лихорадочно ища путь к отступлению.

Если свернуть влево — слишком близко к кустам, я непременно задену ветки. Вправо — открытая дорожка, он сразу увидит. Вернуться назад тем же путём — поздно.

В этот миг он заговорил, не оборачиваясь:

— Если вы намерены бежать, мисс Симоне, советую выбрать левую аллею. Правая выведет вас прямо ко мне.

Я застыла.

В его голосе была знакомая насмешливость, лёгкая, почти ленивая, но под ней мне послышалось что-то иное. Усталость, быть может. Или грусть, тщательно спрятанная под привычной иронией.

Медленно, очень медленно он обернулся.

Наши взгляды встретились.

На нём уже не было пиджака; жилет был расстёгнут, ворот рубашки чуть ослаблен. Он выглядел так, словно тоже пришёл сюда не для прогулки, а потому, что в доме ему стало тесно.

— Простите, — сказала я тихо. — Я не знала, что здесь вы.

— О, понимаю, — произнес он насмешливо и чуть устало, — а если бы знали, что я здесь, то сделали все возможное, чтобы не встретиться со мной. Но раз уж судьба сегодня взяла на себя труд устроить нам встречу, было бы почти невежливо с вашей стороны снова исчезнуть.

Я молчала, не зная, что ответить ему. Или же просто боялась, что как только начну говорить, голос выдаст меня.

Тишина опустилась между нами снова — уже не пустая, а тяжёлая, натянутая, полная того, о чём ни он, ни я не могли говорить прямо.

С озера тянуло вечерней прохладой. Вода казалась почти неподвижной, только у дальнего камыша дрожала узкая полоска света.

— Вечер так свеж и прекрасен, — задумчиво проговорил Эдвард, смотря на воду, — не хотите ли немного пройтись, мисс Симоне?

Я ошеломленно уставилась на него не в силах ответить.

— Ну же, не бойтесь, — улыбнулся он лукаво, — обещаю, я более не сделаю и не скажу ничего, что нарушило бы ваш душевный покой. Или в школе святой Агнессы запрещаются прогулки со старыми друзьями, которое многое вместе пережили?

Этот насмешливый тон, когда не знаешь, говорит он серьезно или шутит, сбивал меня с толку. Эдвард медленно двинулся по дорожке вдоль роз, и я решила, что будет странно отказываться и пошла за ним.

Мы двигались медленно, почти бесшумно, по узкой дорожке, по обеим сторонам которой росли густые кусты роз. Вечер уже начинал сгущаться, но не темнел, напротив, всё вокруг словно наливалось особенным, тёплым сиянием. Воздух был густ от запаха цветов, травы и воды. С озера тянуло прохладой, и эта прохлада мягко касалась кожи, как чья-то осторожная ладонь.

Эдвард шёл немного впереди, не оглядываясь.

Я смотрела на его спину, на свободную линию плеч под тонкой тканью жилета, на тёмные волосы, чуть тронутые закатным светом, и чувствовала, как внутри меня поднимается знакомая, сладкая и мучительная дрожь. Всё во мне было слишком остро: шелест листьев, собственное дыхание, стук сердца, то, как близко он был и как невозможно далеко.

Мне казалось, что я снова иду куда-то, откуда нет возврата.

Под ногами тихо хрустел гравий. Где-то над водой вскрикнула птица. Ветер донёс до нас новую волну розового аромата — густого, томного, почти пьянящего. От него кружилась голова.

Эдвард наконец замедлил шаг и остановился у старого куста, росшего немного в стороне от дорожки. Куст был выше человеческого роста, весь усыпанный крупными, почти раскрытыми цветами нежно-розового оттенка, и в вечернем свете казался чем-то почти нереальным — как кусок старинной гобеленовой ткани, вдруг ожившей среди сумерек.

Он обернулся и едва заметно поманил меня рукой.

— Взгляните, мисс Симоне, — сказал он.

И я, словно против собственной воли, подчинилась этому тихому зову.

— Это старинные английские розы, — проговорил он, проводя пальцами по одному из тяжёлых цветов. — Они цветут всего несколько дней в году. Но за эти несколько дней успевают заставить человека поверить, что всё прочее в саду было придумано лишь затем, чтобы оттенить их совершенство.

Я подняла глаза на цветок, потом на него.

Эдвард слегка улыбнулся.

— Говорят, их аромат был так любим трубадурами, что о нём слагали песни, а рыцари, уходя в крестовые походы, дарили такие розы дамам своего сердца.

Он произнёс это легко, почти играючи, но в его голосе сквозила та особенная мягкость, от которой у меня каждый раз сжималось горло.

Прежде чем я успела ответить, он осторожно сорвал один цветок.

Роза оказалась полной чашей нежных лепестков. Вблизи её аромат был ещё сильнее — тёплый, густой, томительный.

Эдвард протянул её мне.

Роза покачнулась в его руке.

— Возьмите, мисс Симоне.

Я медленно протянула руку и взяла цветок.

— Вот и прекрасно, — сказал он тихо. — Теперь, как и полагается истинной даме сердца, вы должны пожелать рыцарю, отправляющемуся на бой, удачи, а затем молиться за него с подбающим усердием.

Я невольно вскинула на него глаза.

Он улыбался.

Но это была не та беззаботная улыбка, которой он обычно обезоруживал всех вокруг. Под ней лежала усталость. И что-то ещё: печальное, тёплое, нежное.

— Вы ведь будете вспоминать обо мне в вашей келье, мисс Симоне? — спросил он мягко.

Я стиснула стебель розы, стараясь удержать себя в руках.

— Это правда? — спросила я вместо ответа. — То, что вы едете испытывать самолёт?

Он перестал улыбаться, хотя лицо его осталось светлым.

— Правда.

— И это необходимо?

— Боюсь, да.

Он взглянул в сторону озера, будто подбирая слова, которые можно было бы доверить не только мне, но и самому себе.

— После истории с лодкой мне нужно как можно скорее доказать, что сама идея не погибла вместе с этой нелепой демонстрацией. Люди охотно верят в провал и очень неохотно — в то, что поражение было случайностью. Инвесторам нужен результат. Людям из министерства — ещё больше. Им всем нужно увидеть, что машина надёжна. Что она поднимается в воздух не как каприз изобретателя, а как вещь, за которой действительно есть будущее.

— Вы поедете с капитаном Марлоу? — спросила я.

— Да. С Марлоу и Пенроузом. Пенроуз будет отвечать за техническую часть, а мы с Марлоу — за испытание машины.

Мороз пробежал по коже.

— Вы будете сами испытывать самолет? — переспросила я похолодевшими губами.

Эдвард весело вскинул брови.

— Неужели вы и в самом деле тревожитесь за меня, мисс Симоне?

Я не ответила.

Не могла.

Эдвард медленно выдохнул. В его глазах мелькнуло что-то тёплое и почти торжествующее, но сразу же смягчилось той самой грустью, которая весь вечер едва слышно звучала под его словами.

— В таком случае, — произнёс он ещё мягче, — мне будет легче идти на риск, если я буду знать, что где-то мисс Симоне всё-таки вспоминает обо мне.

Я опустила глаза.

Сердце билось так сильно, что было больно.

Ветер шевельнул ветви роз, и несколько лепестков сорвались вниз, бесшумно упав на дорожку между нами.

Когда он заговорил снова, голос его стал ниже.

— И тогда, мисс Симоне... пообещайте мне одну вещь.

Я подняла голову.

Он не отводил от меня взгляда.

— Если я вернусь с победой, — сказал он, — вы подарите мне один поцелуй.

У меня перехватило дыхание.

Мир вокруг словно разом утратил чёткость. Остались только он, его лицо, его голос, заходящее солнце в его волосах и роза, дрожащая у меня в руке.

Я не знала, что сказать. Не знала, куда смотреть. Всё во мне трепетало от страха, от боли, от невозможности ответить так, как хотелось сердцу.

Наверное, это молчание и было моим ответом.

Потому что Эдвард не потребовал ничего больше.

Он лишь медленно склонил голову, как будто принимал не отказ и не согласие, а нечто гораздо более хрупкое и драгоценное — надежду.

— Благодарю вас, — сказал он почти шёпотом.

Затем отступил на шаг и поклонился мне, легко, с той безупречной, чуть насмешливой грацией, которая ему так шла.

— Прощайте пока, моя прелестнейшая дама сердца.

И, не дожидаясь ответа, повернулся и пошёл прочь по дорожке, туда, где аллея тонула в золотисто-лиловом сумраке.

Я осталась одна.

Вечер уже почти сомкнулся вокруг меня. Озеро тихо темнело за деревьями. Розы пахли так сильно, будто хотели навеки удержать этот миг в своём дыхании.

Я стояла, прижимая цветок к груди, и смотрела туда, где только что исчез Эдвард.

А на следующее утро он уехал.

Глава 26. Тени перед бурей

На следующее утро дом показался мне чужим.

Не потому, что здесь что-то изменилось. Напротив, всё оставалось на своих местах: те же тяжёлые шторы в холле, та же серебристая пыль света на лестнице, тот же запах полированного дерева, лавандовой воды и старых книг.

Но стоило мне спуститься вниз, как все вокруг говорило лишь об одном – Эдвард уехал.

Я повторяла себе это с самого рассвета, но смысл этих слов всё не укладывался во мне. Казалось, стоит мне поднять голову, и я увижу его на лестнице, живого, стремительного, чуть ироничного, будто весь вчерашний вечер у озера мне только приснился. Но лестница была пуста.

За завтраком леди Ашборн почти не говорила. Она держала чашку обеими руками и время от времени, забываясь, подносила её к губам, хотя чай давно остыл. Кэти хмуро смотрела на полную тарелку каши и поминутно бросала взгляд на дверь, словно всё ещё ждала, что дядя войдёт в столовую в последнюю минуту, скажет что-нибудь смешное и отменит собственный отъезд.

Даже миссис Уолтон двигалась тише обычного.

Дом не осиротел, нет, это было бы слишком сильным словом. Но в нём появилась странная пустота, какая остаётся после ухода человека, к присутствию которого все успели привыкнуть, и только теперь стало заметно, как много он значил.

Несколько дней тянулись медленно, почти мучительно.

Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, мы часто гуляли с Кэти в саду.

Погода стояла чудесная, высокое лето вступило в свои права: дни дышали жаром, в саду густо пахли розы и нагретая трава, в кронах старых буков не умолкая шумели птицы. Всё вокруг было полно жизни, и оттого моя тоска казалась ещё безжалостнее, еще мучительнее.

Внешне я заставляла себя оставаться ровной, даже бодрой, но вечером, возвратившись к себе в комнату, я сидела возле окна и смотрела сухими глазами на затихающую природу.

В эти дни, особенно после ужина, леди Ашборн просила, чтобы мы собирались у неё в малой гостиной.

Там было уютнее, чем в большой парадной комнате: низкие лампы под шёлковыми абажурами лили мягкий золотистый свет, старинный камин, хоть и не зажжённый в такую жару, всё равно придавал комнате привычный, семейный вид, а у раскрытых окон колыхались лёгкие муслиновые занавеси, впуская запах сада и тёплый сумрак.

В один из таких вечеров леди Ашборн, сидевшая в глубоком кресле у круглого столика, вдруг сказала, глядя куда-то мимо нас:

— Когда мужчина уезжает навстречу опасности, дом сразу делается старше.

Никто не ответил. Кэти, устроившаяся на ковре у её ног с книжкой картинок, подняла голову. Миссис Уолтон тихо поставила на стол чайник. Я, заметив, что старые руки леди Ашборн слегка дрожат, взяла лежавший на спинке дивана плед и накрыла ей колени.

— Благодарю вас, дитя моё, — сказала она с мягкой улыбкой.

Кэти тотчас вскочила и с серьёзностью маленькой хозяйки подоткнула край пледа с другой стороны.

— Бабушке холодно, — объявила она.

— Мне не холодно, милая, — отозвалась леди Ашборн, — просто годы делают женщину дружелюбнее к шерсти и горячему чаю.

— Тогда чай нужен непременно, — решила миссис Уолтон и налила ей свежую чашку.

Эта маленькая суета: плед, чай, руки Кэти, заботливо касающиеся плеч старой леди, была такой трогательно домашней, что у меня вдруг сжалось сердце. Мне подумалось, что если бы

я могла остановить время, я остановила бы его именно здесь: в этой комнате, где ещё живо тепло семьи и память кажется не врагом, а единственным утешением.

Леди Ашборн отпила глоток и, всё ещё глядя в сумерки за окном, проговорила:

— Альберт всегда уезжал так же. Будто опасность была не тем, чего следует избегать, а чем-то, без чего день теряет вкус.

Она помедлила, а затем продолжила.

— Альберт Ашборн был красивейшим мужчиной из всех, кого я знала. И, что ещё хуже для спокойствия жены, он прекрасно это сознавал. Высокий, прямой, с таким лицом, что женщины теряли рассудок. И при всём этом — бесстрашный до безумия.

В её глазах мелькнула тень улыбки.

— Я часто думаю, что Эдвард унаследовал от него гораздо больше, чем готов признать. Не только внешность. Этот его опасный вкус к риску... Это от деда. Альберт тоже всегда шёл туда, где труднее, опаснее, невозможнее.

Кэти слушала, широко раскрыв глаза.

— Дядя похож на прадедушку? — спросила она.

— Очень, — ответила леди Ашборн. — Особенно когда делает вид, что всё на свете для него лишь забавное недоразумение.

Я невольно опустила глаза.

Мне слишком легко было представить это выражение на лице Эдварда — лёгкую насмешку, скрывающую то, что он не желал выдавать никому.

Леди Ашборн потянулась к ящику маленького секретера рядом с креслом.

— Кажется, у меня ещё остались старые карточки. Миссис Уолтон, будьте добры...

Миссис Уолтон подала ей кожаный футляр. Леди Ашборн открыла его осторожно, почти благоговейно.

Мы придвинулись ближе.

На первых фотографиях был Альберт Ашборн — в военном мундире, молодой, прекрасный, с тем открытым, смелым лицом, какое бывает у людей, ещё не знающих, сколько боли им предстоит пережить. Даже на старой выцветшей карточке его красота была так очевидна, что я сразу поняла, отчего леди Ашборн, вспоминая его, всё ещё держится чуть прямее.

Потом она показала фотографии внуков.

Кэти ахнула.

— Это дядя Эдвард?

На фотокарточке были трое: мальчик лет двенадцати с серьёзными светлыми глазами, другой — помладше, темноволосый, с живой, чуть озорной улыбкой, и между ними девочка — тонкая, гибкая, уже тогда поразительно красивая.

Я смотрела и не могла отвести глаз.

Эдвард в юности был почти таким же, как теперь, только черты его ещё не успели приобрести ту жёсткость, которую придают мужчине потери и борьба. Гарри, наверное, был мягче, легче, обаятельнее. А Изабелла — да, она действительно была красавицей. Даже детская фотография не могла скрыть того обещания красоты, о котором обычно говорят взрослые, разглядывая девочек из хороших семей.

Но мой взгляд снова и снова возвращался к юному Эдварду.

Сердце заныло так больно, что мне пришлось сильнее стиснуть руки, чтобы ничем не выдать себя.

Как же сильно я его люблю! Так, что кажется: ещё немного, и это чувство само разорвёт мне грудь.

— Вы видите, как они похожи? — спросила леди Ашборн.

— Да, — ответила я, и голос мой прозвучал почти ровно. — Очень.

— Особенно в детстве, — заметила миссис Уолтон. — Хотя мисс Изабелла всегда была самой хорошенькой.

— А дядя был вредный? — с живым интересом спросила Кэти.

Леди Ашборн тихо засмеялась.

— О да. Прелестный, упрямый, невозможный ребёнок. Он вечно куда-то лазал, что-нибудь ломал, что-нибудь придумывал и почти никогда не боялся последствий.

В комнате стало теплее от этого мягкого смеха, от звона ложечки в чашке, от шороха пледа, от лёгкого движения занавесей. На одно короткое мгновение мне показалось, что и моя тоска отступила, растворилась в этой старой, доброй семейной памяти.

И чем живее становился для меня мир Эдварда, тем мучительнее я понимала: я люблю не только самого Эдварда, но и всё то, что он собой несёт. Эту семью, этот дом, эти фотографии, эту старую женщину с дрожащими руками, этого ребёнка на ковре. И именно поэтому я никогда не смогу прийти к нему без того, чтобы не принести сюда новую боль и разделение.

Прошло ещё несколько дней.

Солнце стояло высоко и жарко. После полудня, когда тени на лужайке становились короткими и чёткими, к нам с визитом приехал мистер Джойс. Он был в светлом летнем костюме, тщательно выбрит, безукоризненно вежлив и, как всегда, принёс Кэти какую-то милую безделицу — на этот раз набор ярких воланов и лёгких ракеток для бадминтона.

Кэти пришла в восторг.

— Мы будем играть на лужайке! — объявился она решительно.

Игра оказалась именно тем, что требовал день: лёгкая, подвижная, почти беззаботная. Трава под ногами была мягкой, воздух дрожал от жара, волан взлетал и опускался с той грациозной небрежностью, какая присуща только летним английским играм.

Я заставляла себя улыбаться, бегать, подыгрывать Кэти, смеяться, когда она особенно важно промахивалась или, наоборот, принимала удачный удар как личный триумф. Со стороны, вероятно, я казалась почти такой же, как прежде.

Через некоторое время миссис Уолтон позвала Кэти, напомнив ей о назначенном часу для купания щенка и каких-то ещё неотложных детских дел. Девочка, разумеется, сначала попыталась протестовать, но потом, увидев, что мистер Джойс обещает ей реванш на следующий день, умчалась вместе с миссис Уолтон в дом.

Мы остались на веранде вдвоём.

На столике под навесом уже ждал чай. Белая скатерть, фарфоровый сервиз, блюдо с тонким лимонным печеньем — всё выглядело мирно, почти идиллически. Мистер Джойс отставил ракетку и сел. Я потянулась к чайнику, чтобы налить ему чашку.

И в этот момент чашка выскользнула у меня из пальцев.

Она ударилась о край блюда, сорвалась вниз и с резким, почти неприличным звоном разбилась о каменные плиты веранды.

Я замерла. Вид белоснежного фарфора под ногами подействовал на меня шокирующе. Словно лопнула внутри натянутая до предела пружина.

Я опустила на колени, не столько затем, чтобы собрать осколки, сколько потому, что ноги вдруг перестали держать меня.

И, к моему ужасу, слёзы хлынули сами, сразу потоком. Без предупреждения. Без всякой возможности остановить их.

Перепуганный мистер Джойс бросился ко мне.

— Мисс Симоне!

Я закрыла лицо руками.

— Простите... — прошептала я. — Простите ради Бога... я не хотела... я сейчас...

Но договорить не смогла. Горло сжало так, будто внутри меня разом сорвались все сдерживаемые до сих пор рыдания.

Мистер Джойс сразу опустился рядом.

— Мисс Симоне, — сказал он негромко, с той осторожностью, с какой обращаются к раненому существу, — не надо. Пожалуйста, не просите прощения.

Я всё ещё не могла поднять головы.

— Мне так стыдно...

— Нет, — тихо сказал он. Потом, после короткой паузы, почти через боль добавил: — Вы плачете потому, что уехал мистер Фейн. Не так ли?

Я замерла.

Мистер Джойс выдохнул. Я не видела его лица, но в его молчании было столько сдержанной боли, что у меня невольно сжалось сердце.

— Вы любите его, — сказал он наконец.

Это не было вопросом.

Я отняла руки от лица и попыталась что-то сказать.

Но не смогла.

Моих сил хватило лишь на то, чтобы беспомощно покачать головой — то ли в знак признания, то ли как упрямое, жалкое отрицание самой себя.

Мистер Джойс долго смотрел на меня.

Потом очень спокойно произнёс:

— Я давно догадывался об этом.

Я молчала.

Он поднялся, помог мне встать и усадил в плетёное кресло у столика. Сам сел напротив. На полу между нами белели осколки чашки.

Мистер Джойс внимательно смотрел на меня.

— С некоторых пор мне не даёт покоя мысль... что вы не всё рассказали мне о своём прошлом.

Я почувствовала, как холод медленно разливается по спине.

Он не отводил глаз.

— Мисс Симоне... вы и есть та самая женщина из Лаоса, не так ли? Та, из-за которой, как шепчутся, мистер Фейн когда-то потерял рассудок и разорвал помолвку с первой красавицей Англии.

Губы мои дрогнули.

Я открыла рот и снова не нашла слов.

Наверное, этого молчания было достаточно.

Потому что лицо мистера Джойса побледнело, а в глазах появилось то выражение, какое бывает у человека, который получает ответ, уже зная, что не желал бы его услышать.

— Боже мой, — сказал он очень тихо. — Значит, это правда.

Я сжала пальцы так крепко, что ногти впились в ладони.

— Да, — выговорила я едва слышно. — Это правда.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Вы были женаты, не так ли?

Сердце глухо ударило в грудь.

— Да.

Мистер Джойс побледнел ещё сильнее.

Некоторое время он ничего не говорил. Только смотрел на меня с тем потрясением, которое не сразу находит себе язык.

— Но... — произнёс он наконец. — Но если это так, почему вы не сказали ему? Почему не сказали, что вы живы? Он ведь, вероятно, считает вас погибшей.

Я опустила голову.

— Если я скажу ему правду, — медленно выговорила я, — ему снова придётся встать между мной и своей семьёй.

— Но это его право — выбирать!

— Да. — Я подняла на него измученные глаза. — Именно этого я и боюсь.

Он смотрел на меня с недоумением.

— Боитесь... его выбора? Значит вы не уверены в силе его любви к вам? Вы думаете, что он выберет не вас?

— Нет. — Я горько покачала головой. — Я слишком хорошо знаю Эдварда. И знаю силу его любви. Я знаю, что он способен разрушить всё вокруг себя ради меня. Он причинит боль даже тем, кого любит, кто ему дорог. Ради меня. Но будет ли он после этого счастлив? Сомневаюсь.

На веранде стало очень тихо. Из сада доносился звонкий детский голос Кэти, где-то вдали перекликались садовники. Лето продолжалось, как будто ничто в мире не было надломлено.

— Почему вы думаете, что его семья не примет вас? — спросил мистер Джойс после молчания. — Из-за более низкого происхождения?

Я покачала головой.

— Не только поэтому. Ох, мистер Джойс, эта история имеет такие глубокие корни, что я даже не знаю, с чего начать.

Мистер Джойс наклонился вперед и сложил руки.

— Начните сначала.

Я помедлила, собираясь с мыслями.

— Вы знаете, почему Эдвард вообще поехал в Лаос? — начала я. — Не только ради шахт и не только ради своих дел. Он поехал туда ещё и потому, что хотел найти тех, кто был виновен в смерти его младшего брата, Гарри Фейна. И этими людьми оказались Джон Картер и его лучший друг, мой родной брат, Даниэль Марэ, — я стиснула руки, образы прошлого вдруг встали перед глазами так ярко и живо, что стало больно, — именно они вдвоем были дружны с Гарри, и именно они довели его сначала до разорения, а затем и до гибели.

Мистер Джойс нервно потер лоб.

— Простите, но даже если ваш брат и правда был замешан во всей той истории, то вы здесь никак не виноваты. Вы не отвечаете за поступки вашего брата.

Я грустно улыбнулась.

— Вы так считаете, мистер Джойс? Да, я так тоже всегда думала, что поступки Даниэля никак не могут отражаться на мне, и уж тем более я не должна отвечать за них. Но, к сожалению, даже сам Эдвард так не считал тогда, — я помедлила, собираясь с мыслями, — когда мы только встретились в Лаосе, я сразу почувствовала, что очень нравлюсь ему, но не могла понять, почему он не делает следующего шага. Мой отец, хоть всегда и недолюбливал англичан, никогда бы не стал препятствовать нашему браку. Но нет, Эдвард не хотел жениться на сестре того, кто толкнул его брата в пропасть.

— Подождите, — удивился мистер Джойс, — вы же сами сказали, что были женаты.

Я горько усмехнулась.

— Вы не представляете, мистер Джойс, как судьба играла всегда со мной. Так случилось, что именно мне выпало несчастье стать объектом интереса злейшего врага Эдварда — Джона Картера.

Мистер Джойс нахмурился, что-то вспоминая.

— Подождите, Джон Картер... Эта фамилия звучит знакомо. Не он ли с его отцом, мистером Саймоном Картером, основатели Картерс Инкорпорейшн? Финансовые акулы Британской Империи.

Я коротко кивнула и продолжила:

— Да, и именно за него мой отец захотел выдать меня замуж. А для меня выйти замуж за Джона было подобно смерти. И тогда я сама пошла к Эдварду и предложила сделку. Наш брак должен был быть фиктивным. Я получала свободу от Джона, он – возможность больно ударить своего врага.

— Боже правый..., — выдохнул мистер Джойс, поднимаясь и поворачиваясь лицом к саду, — продолжайте, прошу вас...

Я сцепила руки и опустила глаза на разбитую чашку под ногами.

— Эдвард методично приводил в исполнение свою месть. Он лишил Джона не только невесты, но и подорвал его финансовое состояние, лишив важного железнодорожного проекта и перетянув на свою сторону несколько крупных инвесторов, но больше всего он ударил по моему брату...

Мистер Джойс вздрогнул и обернулся. Я чувствовала на себе его напряженный взгляд.

— Что он сделал? – спросил он.

На губах моих появилась тень усталой, страшной усмешки.

— О, ничего страшного. Он просто дал Даниэлю денег. Огромную сумму. Мой отец знал о характере и дурных наклонностях брата и понимал, что большие деньги погубят его. Так и вышло. Едва Даниэль получил их, он довел себя до полного краха и тюрьмы. Конечно, Эдварда нельзя обвинять в том, что Даниэль так распорядился теми деньгами, но ведь он прекрасно видел, что за человек мой брат и понимал, чем это для него может закончиться. Именно Эдвард вложил в руку моего брата тот нож, который его и погубил. Идеальная месть за Гарри.

Мистер Джойс стал нервно ходить по беседке, лицо его было мрачно.

— Теперь вы понимаете, мистер Джойс, что я имела в виду, говоря, что нас разделяет не только социальное неравенство. Даже будучи влюбленным в меня, Эдвард ни на секунду не забывал чьей сестрой я являлась. Неужели вы думаете, что тем более мать Эдварда или его сестра, Изабелла, забыли бы? Да даже леди Ашборн. Она никогда бы не приняла такого выбора своего внука.

Я замолчала, переводя дыхание. В глубине сада раздался собачий лай. Тихий ветер шевелил белоснежную скатерть на столе.

Взгляд мистера Джойса, направленный на меня, был полон боли.

— И несмотря на все это, — продолжила я через некоторое время, — несмотря на то, что я чувствовала, что Эдвард ненавидит моего брата, что ведет его к гибели, я любила его, мистер Джойс. Я так любила его! И я знала, что и Эдвард любит меня, вопреки всему. Мне хотелось верить, что наш брак однажды станет настоящим, что мы сможем преодолеть всю ту ненависть, что разделяла нас.

Мистер Джойс смотрел на меня очень внимательно.

— Что случилось потом? Почему вы расстались?

Я пожала плечами.

— Тогда пришла телеграмма о том, что умер его дед. Уже потом, приехав сюда, я поняла, что это был сэр Альберт Ашборн. Тогда я не знала, как его зовут. Эдвард не хотел уезжать, не хотел оставлять меня. Но я видела, как тяжело ему дается это решение. Он ведь не планировал оставаться в Лаосе. Но остался из-за меня. Но вся его жизнь была здесь. Вся его семья была здесь. И тогда я отпустила его... А потом... потом я все потеряла... Вы знаете, мистер Джойс, — я вздохнула и устало закрыла глаза, — в течение того жуткого месяца я лишилась всего и всех, кого любила: мужа, отца, дома, а затем и нашего с Эдвардом неродившегося ребенка. И тогда во мне что-то словно надломилось. Мне страшно идти тем же путем, каким я прошла однажды, и который привел меня к полному краху.

Мистер Джойс снова опустился в кресло передо мной. Некоторое время мы сидели молча. Я смотрела на осколки, мистер Джойс – на меня.

Наконец он произнёс очень тихо:

— Вам нельзя здесь оставаться, мисс Симоне. Вам нужно уехать до возвращения мистера Фейна.

Я опустила голову.

— Да, — прошептала я. — Я знаю.

— Если в ближайшие дни не придут вести о вашей сестре, — сказал он, — я позабочусь о том, чтобы найти для вас тихое и безопасное место. Вы сможете ждать там отплытия в Америку.

Слёзы снова подступили мне к глазам.

— Вы так добры ко мне, мистер Джойс, — сказала я. — Небеса послали мне ангела-хранителя в самый тяжёлый час моей жизни.

Он улыбнулся, мягко, устало, так, как улыбаются словам, которые одновременно утешают и причиняют боль.

— Тогда позвольте вашему ангелу-хранителю дать вам один земной совет, — ответил он. — Не медлите. Готовьтесь к отъезду.

Когда я проводила мистера Джойса и вернулась в дом, то обнаружила леди Ашборн, Кэти и миссис Уолтон сидящими вокруг радиоприемника.

Я приблизилась.

Полированная деревянная коробка стояла на отдельном столике у стены, и янтарный свет лампы ложился на её лакированные панели. Передачу ловили не сразу: что-то тихо потрескивало, сквозь шипение проступали обрывки музыки, затем голос диктора стал яснее.

— Мисс Симоне, сейчас будут говорить о дяде! — подскочила ко мне взволнованная Кэти и потащила ближе к радиоприемнику.

Сердце мое дрогнуло.

Леди Ашборн сидела прямо, сложив руки на набалдашнике трости. Кэти устроилась на пуфе у её колен. Миссис Уолтон стояла чуть в стороне, прижав ладони друг к другу, будто и сама не замечала этого жеста. А я же расположилась в полутьме у окна и чувствовала, как сердце гулко бьётся у самого горла.

Голос диктора был размерен, торжественен.

Он говорил о предстоящих испытаниях нового типа воздушного судна на полигоне, о большом интересе прессы, военных наблюдателей и промышленников, о смелости инженерной мысли, о будущем авиации. Затем прозвучало имя Эдварда — ясно, отчётливо, почти невыносимо.

Кэти сразу выпрямилась.

Леди Ашборн медленно опустила руку на её ладонь и сжала её чуть крепче, чем хотела.

Диктор назвал Эдварда человеком исключительной решимости, одним из тех, кто меняет лицо времени, и от этих слов мне стало одновременно гордо и страшно.

— Да, — кивнула леди Ашборн, и ее голос дрогнул, — мой милый мальчик, мой Эдвард именно такой.

Мы с Кэти и миссис Уолтон улыбнулись.

В этот миг в дверь тихо постучали.

Вошёл слуга с письмом на серебряном подносе.

— Для её милости, — сказал он.

Леди Ашборн взяла конверт, взглянула на почерк и нахмурилась.

— От Изабеллы, — произнесла она. — Миссис Уолтон, будьте добры, прочтите. Сегодня у меня что-то совсем устали глаза.

Миссис Уолтон вскрыла письмо. По мере чтения её лицо всё больше вытягивалось.

— Что там? — сразу спросила Кэти.

Миссис Уолтон подняла глаза.

— Мисс Изабелла пишет, что намерена приехать завтра к обеду, — сказала она осторожно. — С леди Шарлоттой... и леди Бланш Кингсли.

В комнате стало так тихо, что даже радио, продолжавшее негромко говорить о технических подробностях предстоящих испытаний, вдруг показалось чем-то далёким и почти нереальным.

Я сидела неподвижно.

Сердце моё, только что сжимавшееся от страха за Эдварда, теперь сжалось по-другому: тревожно, испуганно. Значит, скоро я увижу их вживую.

Главных женщин лорда Эдварда Фейна.

Глава 27. Главные женщины Эдварда Фейна

На следующий день к обеду дом словно весь подобрался и замер в ожидании.

Слуги ходили тише обычного, но быстрее; в столовой переставляли приборы, в большой гостиной раскрыли окна, чтобы впустить воздух сада, и всё же в самой этой суете чувствовалось не оживление, а напряжение, будто старый дом готовился принять не гостей, а судей.

Кэти с самого утра была взволнована и не находила себе места. То она подбегала к окну, то спрашивала у миссис Уолтон, не опоздает ли бабушка, то приносила мне свои ленты и, передумав, уносила их обратно, потому что не могла решить, какую завязать в волосы.

— А тётя Изабелла привезёт мне что-нибудь? — спрашивала она уже, кажется, в четвёртый раз.

— Возможно, милая, — отвечала миссис Уолтон с терпением святой. — Но если и не привезёт, это ещё не повод встречать её с таким лицом, будто мир вас смертельно обидел.

Кэти фыркнула, но через минуту снова метнулась к окну.

Леди Ашборн, напротив, казалась удивительно спокойной. Она сидела в кресле у камина, хотя день был тёплый, и перебирала пальцами бахрому пледа, накинутого на колени. Только по тому, как часто она вслушивалась в каждый звук с подъездной аллеи, можно было догадаться, что и она ждёт не без волнения.

Я же старалась держаться так, словно для меня этот приезд значил не больше, чем всякий другой визит родни в старый дом. Но сердце моё билось слишком сильно и слишком неровно, чтобы я могла обмануть саму себя.

Сегодня я должна была увидеть их.

Мать Эдварда. Его сестру. И женщину, которую весь свет так долго называл его невестой. При мысли об этом мне становилось трудно дышать.

Ровный рокот мотора донёсся с подъездной аллеи, потом шины мягко прошуршали по гравии и автомобиль остановился у парадного крыльца. В распахнутую дверь вместе с солнечным светом вошёл тёплый запах нагретой пыли, роз из палисадника и сухой травы, уже слегка выгоревшей под июльским солнцем.

Кэти всплеснула руками и тотчас кинулась в холл.

— Приехали!

Леди Ашборн, до того сидевшая в кресле с показным спокойствием, медленно поднялась, опираясь на трость. Я осталась чуть поодаль, у двери гостиной, и почувствовала, как сильно и неровно бьётся сердце. Мне казалось, что сейчас я увижу не просто гостей, а ту часть жизни Эдварда, которая принадлежала ему задолго до меня и, быть может, принадлежала ему по-настоящему.

В холле слышались голоса, негромкий смех Кэти, шелест лёгких летних тканей, осторожный стук каблуков по мраморному полу. Потом на пороге появились три женщины.

Я смотрела на них почти жадно.

Первая шла медленно, опираясь на руку своей спутницы. На ней было светлое летнее пальто из тонкой ткани, накинутое поверх дорожного платья, и небольшая шляпа с мягкими полями защищала лицо от солнца.

Даже теперь, несмотря на болезненную бледность и усталость, было видно, что когда-то она была по-настоящему ослепительна. Тонкие, благородные черты, длинная шея, удивительная мягкость линий, та особенная врождённая грация, которую нельзя ни приобрести, ни сыграть. Но всё это было как будто приглушено, словно прежнюю красоту занавесила изнутри долгая, невыносимая скорбь. Она шла осторожно, с той хрупкой медлительностью, которая бывает не у старых, а у глубоко надломленных людей. И вдруг в линии её лба, в повороте головы, в самом очертании рта мне почудилось что-то мучительно знакомое.

Сердце моё сжалось.

Так, должно быть, Эдвард был похож на мать.

Девушка, поддерживавшая её под руку, была юной, должно быть чуть моложе меня. Она была очень хороша собой: тёмные волосы, ясный овал лица, большие задумчивые серые глаза.

На ней было платье прохладного сизо-голубого оттенка, модного узкого силуэта, и лёгкое пальто того же тона было перекинуто через плечи. Цвет делал её лицо ещё бледнее и подчёркивал тень в глазах, придавая ей задумчивый, почти печальный вид.

И только третья женщина не оставляла места для сомнений.

Высокая, стройная, безукоризненно одетая, в светлом дорожном костюме тонкого, безупречного кроя, в маленькой шляпке последней моды и тонких перчатках, она вошла с тем спокойным блеском, который не требует усилий.

Её красота была не трогательной и не мягкой, а полной, завершённой, уверенной в себе. В ней чувствовались ум, превосходное образование, привычка к восхищению и ещё более опасная привычка — считать восхищение должным.

Это могла быть только леди Бланш Кингсли.

Когда она сняла перчатки, чтобы поздороваться, на её левой руке вспыхнуло кольцо с крупным бриллиантом. Оно было надето на средний палец.

Я замерла.

Мне показалось, что на одно мгновение всё вокруг исчезло: голоса, свет, запах роз, жаркий воздух холла. Остался только этот холодный блеск камня.

Я уже видела это кольцо. Не в живую, а только на фотографии в газете.

В Лаосе, в тот страшный день, когда мистер Генри Уолесс привёз мне письмо, якобы написанное рукой Эдварда, и среди прочего показал вырезку из *The Times*, на фотографии рядом с Эдвардом стояла именно эта женщина. Под снимком писали о скорой свадьбе, о блестящей партии, о союзе двух старинных семей. И это кольцо было тогда надето на безымянный палец.

Теперь — на средний.

Но Эдвард разорвал помолвку. Тогда почему она до сих пор носит это кольцо?

К этому времени леди Ашборн уже подошла к ним.

— Шарлотта, дитя моё... — проговорила она с нежностью.

Она обняла первую женщину очень бережно, почти трепетно, как обнимают человека, который стал хрупким от страдания. Леди Шарлотта подняла на неё светлые, усталые глаза и слабо улыбнулась.

— Матушка...

Потом леди Ашборн повернулась к юной девушке.

— Изабелла, милая моя.

Изабелла наклонилась к ней, и в этот миг её лицо, молодое, ещё почти детское в своей тонкости, вдруг смягчилось так трогательно, что я сразу почувствовала к ней невольную теплоту.

И только после этого вперёд выступила Бланш.

— Дорогая леди Ашборн, — сказала она с безукоризненной приветливостью, — как великодушно с вашей стороны принять нас так внезапно.

— Вы всегда желанны здесь, Бланш, дорогая, — ответила хозяйка дома.

Кэти уже кружила возле них, слишком взволнованная, чтобы помнить о хороших манерах. Она ухватила Изабеллу за руку и затараторила что-то о пони, книжках и саде, так что та невольно рассмеялась, впервые по-настоящему, без своей задумчивой сдержанности.

Только тогда леди Ашборн, словно вспомнив обо мне, обернулась в мою сторону.

— Позвольте представить вам мисс Симоне, гувернантку Кэти, — сказала она с той ровной учтивостью, которой никогда не изменяла в присутствии гостей.

Я сделала реверанс.

— Мисс Симоне занимается со мной! — тотчас объявила Кэти с гордостью, не дав никому ничего прибавить. — И она спасла меня, когда я упала в воду.

— Да, — спокойно подтвердила леди Ашборн, и в голосе её за официальной сдержанностью послышалось уже настоящее чувство. — Мы все обязаны мисс Симоне очень многим.

Изабелла тотчас обернулась ко мне, и её серьёзное молодое лицо неожиданно просияло тёплой, искренней улыбкой.

— Так это вы, — сказала она. — Тогда позвольте мне поблагодарить вас от всего сердца. Кэти значит для нас всех слишком много.

Я не успела ответить, потому что леди Шарлотта, до сих пор молчавшая, подняла на меня свои светлые, усталые глаза.

— Это было очень храбро, — произнесла она тихо. Потом её взгляд на мгновение затуманился, и на губах появилась слабая, почти детская улыбка. — Гарри тоже всегда прекрасно плавал. Он говорил, что воды не следует бояться.

После этих слов в комнате повисла едва заметная пауза.

Изабелла слегка опустила глаза. Леди Ашборн осторожно коснулась руки дочери.

И только тогда заговорила Бланш.

— Мисс Симоне, стало быть, — сказала она с безукоризненной приветливостью, глядя на меня так внимательно, что под этим взглядом мне вдруг стало не по себе. — Я много слышала о вас. Какое счастье для дома, что именно вы оказались рядом с Кэти в ту минуту.

Я внутренне содрогнулась. Откуда она могла обо мне могла слышать?

Бланш улыбнулась, мягко, дружелюбно.

— Судя по всему, мисс Кэти уже совершенно вас обожает.

Я пробормотала что-то подобающее случаю, но щеки мои горели.

После этого короткого обмена репликами в холле возникло то неизбежное движение, какое всегда начинается в большом доме с приездом гостей: слуга уже принимал дорожные чемоданы и шляпные коробки, из коридора показалась миссис Уолтон, а следом за нею миссис Грей.

— Комнаты готовы, миледи, — сказала миссис Грей леди Ашборн. — Если гости пожелают освежиться с дороги, обед будет подан через четверть часа.

— Благодарю вас, миссис Грей, — ответила леди Ашборн. — Думаю, именно так мы и поступим.

Кэти, разумеется, вовсе не желала, чтобы кто-либо удалялся хоть на минуту.

— Но тётя Изабелла ещё не видела щенка! — воскликнула она с таким отчаянием, будто речь шла о деле государственной важности.

— Щенок никуда не денется, — заметила миссис Уолтон.

— А если денется?

— Тогда, — сухо сказала миссис Уолтон, — мы сочтём, что он обладал слишком живым характером для приличного дома.

Изабелла рассмеялась, легко, по-девичьи, и Кэти, ободрённая этим смехом, сразу ещё сильнее к ней прильнула.

Гостей проводили наверх. Я осталась в холле лишь на минуту, чтобы перевести дух. Сердце моё всё ещё билось тревожно.

«Я много слышала о вас».

Откуда?

Неужели от Эдварда?

Нет — это казалось невозможным.

Тогда от кого?

Я не успела додумать эту мысль до конца, потому что миссис Уолтон уже звала меня в столовую помочь с Кэти, которая наотрез отказалась уходить переодеваться без меня.

Обед был накрыт в малой столовой, где летом обычно ели в самые жаркие дни. Высокие окна были раскрыты, но белые занавеси едва шевелились: воздух стоял неподвижный и густой.

На скатерти мягко блестело серебро, в низкой вазе посреди стола лежали раскрытые садовые розы, и во всей комнате стоял тонкий смешанный запах тёплого льна, цветов и полированного дерева.

Леди Шарлотту усадили так, чтобы ей было удобно и не слишком утомительно сидеть за столом. Изабелла устроилась рядом с нею; Бланш — напротив леди Ашборн. Я, как и следовало, занимала своё место скромно и чуть в стороне, присматривая за Кэти и стараясь быть как можно незаметнее. Но мне всё время казалось, что я особенно остро ощущаю присутствие Бланш, даже тогда, когда не поднимала глаз.

Первые минуты разговор шёл о дороге, о жаре, о состоянии шоссе, о том, как тяжело пришлось бы леди Шарлотте, если бы они задержались в городе ещё на неделю.

— В Лондоне совершенно нечем дышать, — сказала Изабелла. — Даже в Беркли-сквер пыль стоит такая, будто весь город вдруг решил разом куда-то уехать.

— Или, напротив, никуда не уезжать, — заметила Бланш. — В этом сезоне все словно сговорились до последнего сидеть в столице, хотя давно следовало бы разъехаться по поместьям.

— Значит, сезон был особенно оживлён? — спросила леди Ашборн.

— Шумный, — ответила Бланш. — Не знаю, можно ли назвать его блестящим. Слишком много новых людей, слишком много одинаковых приёмов, слишком много одинаковых лиц.

— И одинаковых платьев, — вставила Изабелла с неожиданной живостью.

Леди Ашборн чуть улыбнулась.

— Ах, стало быть, мы добрались до подлинно важного.

— Бланш говорит, что теперь носят более длинную линию, — сказала Изабелла, поправляя салфетку. — Не такую прямую, как прежде, а мягче. И талия уже не так резко занижена, как ещё год назад.

— Париж устал от мальчишеской худобы, — спокойно пояснила Бланш. — Теперь хотят выглядеть не дерзко, а изысканно. Больше матовых тканей, спокойных оттенков, меньше вычурности. Серебристо-голубой, жемчужный, дымчатый, очень бледный зелёный — всё, что не кричит.

При этих словах я невольно снова посмотрела на Изабеллу. На ней был тот самый сизоголубой оттенок, который делал её лицо ещё бледнее.

— А шляпки? — спросила леди Ашборн, и в голосе её прозвучала та самая суховатая ирония, которой она иногда позволяла себе пользоваться. — Они всё так же малы, чтобы не приносить никакой пользы?

Кэти прыснула. Изабелла улыбнулась уже смелее.

— Ещё меньше, — сказала она. — Боюсь, скоро они будут существовать исключительно в нравственном смысле.

Даже леди Шарлотта слабо усмехнулась, хотя, казалось, слушала разговор лишь вполуха.

Мне было странно слышать этот лёгкий, привычный разговор о Лондоне, сезоне, моде, Париже. Когда-то подобные вещи занимали и меня: в Лаосе мы с Джи с увлечением рассматривали журналы, выписывали новые фасоны, спорили о цветах, радовались каждой удачной ленте, каждой шляпке, каждому платью, сшитому по последнему слову моды.

Тогда это казалось частью самой жизни — её лёгкости, её молодости, её беззаботного обещания счастья. Теперь же всё это вдруг отозвалось во мне такой острой тоской, что я едва могла слушать. Мне вспомнилась Джи, её смех, её тонкие пальцы, перебирающие кружева и образцы тканей, её радость перед самым пустяком, если этот пустяк был красив.

Та жизнь, ещё недавно такая близкая, теперь казалась бесконечно далёкой, словно принадлежала не мне, а другой женщине, которую я когда-то знала.

За столом ненадолго повисло молчание.

Затем Изабелла отложила вилку и, повернувшись к леди Ашборн, спросила с той внезапной серьёзностью, которая так не вязалась с её юностью:

— Это правда, что Эдди сам будет испытывать новый самолёт?

За столом как будто сразу стало тише.

Леди Ашборн подняла глаза.

— Насколько мне известно, да.

Изабелла нахмурилась.

— Но зачем? Я слышала передачу по радио, и там говорили об испытаниях так, словно всё уже решено. Но ведь он не профессиональный пилот. Я думала, этим должен заниматься капитан Марлоу.

— Капитан Марлоу, насколько я понимаю, будет при испытаниях, — вздохнула леди Ашборн. — Но Эдвард, по-видимому, намерен присутствовать лично... и, возможно, не только присутствовать.

— Это на него похоже, — тихо сказала Изабелла. — Если уж он за что-нибудь берётся, то непременно должен сам довести всё до конца.

В голосе её не было ни осуждения, ни раздражения, только тревога, привычная, сестринская, вероятно, давно ей знакомая.

Бланш слегка повернула голову.

— И всё же в подобных вещах есть разница между решимостью и излишним риском, — заметила она. — Я, признаться, тоже полагала, что для этого существует капитан Марлоу и другие люди, чья профессия — именно такие испытания.

Леди Ашборн не ответила сразу. Она лишь чуть опустила глаза и медленно сложила салфетку на коленях.

— После того, что произошло здесь несколько дней назад, — сказала она наконец, — меня уже меньше удивляет его стремление всё держать в собственных руках.

Изабелла быстро подняла на неё взгляд.

— Что произошло?

Я увидела, как взгляд леди Ашборн скользнул к Шарлотте.

Та сидела тихо, с той особенной, рассеянной кротостью, которая делала её лицо почти детски беззащитным. Кэти, не слишком заботясь о важности взрослого разговора, уже что-то доверительно шептала ей на ухо, и леди Шарлотта слушала её с мягким вниманием, временами машинально глядя ребёнка по руке.

— Ничего, о чём стоило бы говорить за столом, — ровно ответила леди Ашборн.

Изабелла тотчас поняла и не стала настаивать.

После этого разговор опять на несколько минут свернул в более безопасное русло. Бланш рассказала о музыкальном вечере в Лондоне, на котором все говорили о новой пьесе Ноэла Кауарда больше, чем о музыке; Изабелла упомянула какую-то выставку, на которую её, по её словам, почти насильно вытащили, и Кэти воспользовалась первой же паузой, чтобы сообщить всем, что её щенок уже умеет садиться по команде, хотя, по моему мнению, щенок пока лишь случайно садился в нужный момент.

Обед, впрочем, подходил к концу. Слуги бесшумно меняли тарелки, за окнами в неподвижном воздухе белели розы, и всё это спокойствие было так тщательно устроено, что от него становилось почти тревожно.

Когда дамы перешли в большую гостиную, жара уже начала понемногу спадать, но в раскрытые окна всё ещё входил тяжёлый, душистый воздух сада. На полу лежали длинные полосы света.

Миссис Грей распорядилась подать кофе позднее, и первые минуты после обеда прошли в том полурасслабленном молчании, какое всегда бывает после дороги и долгого сидения за столом.

Кэти тотчас завладела леди Шарлоттой.

Леди Ашборн подождала, пока Шарлотта окончательно отвлечётся Кэти и перестанет следить за разговором. Потом чуть понизила голос и обратилась к Изабелле и Бланш:

— Несколько дней назад на озере, во время испытания лодок, произошёл взрыв. Взорвалась лодка, на которой Эдвард должен был плыть.

Изабелла побледнела так резко, что даже губы её стали почти белыми.

— Боже мой...

Лицо Бланш оставалось неподвижным.

— Я всегда говорила ему, — произнесла она холодно, — что такие увлечения не доведут до добра.

Леди Ашборн прикрыла рукой глаза, словно само напоминание о том страшном дне, когда Эдвард едва не погиб, причиняло ей нестерпимую боль.

— Как же мы все тогда напугались, — продолжила она, когда голос снова стал ей подчиняться, — был страшный взрыв, все подумали, что Эдвард в лодке. Но, слава Богу, он был тогда на берегу.

Я видела, как Изабелла стиснула руки, как побледнели ее губы.

— Я не решилась писать об этом, — вздохнула леди Ашборн, — Эдвард просил не создавать паники. Сказал, что со всем разберется сам. А потом, совершенно неожиданно, через несколько дней решил уехать на испытания самолета, хотя до этого было решено, что испытания будет проводить только капитан Марлоу.

Бланш поднялась и подошла к камину.

— Эдвард так безрассуден, — произнесла она, обнимая себя за плечи, — всегда думает только о себе, а не о тех, кто рядом с ним, о тех, кто волнуется за него.

— Для брата этот проект значит слишком много, Бланш, — тихо произнесла Изабелла, — ты знаешь не хуже меня, что это было единственным, что спасло его тогда...

Бланш сверкнула глазами.

— Спасло... — усмехнулась она, смотря перед собой.

— Да, спасло, — уже твёрже повторила Изабелла, и в голосе её, обычно таком мягком, прозвучала вдруг неожиданная настойчивость. — Ты ведь помнишь, каким он стал после того, как вернулся. Мама знает это лучше всех, но и мы с тобой видели. Он почти ни с кем не говорил, неделями ходил с таким лицом, будто всё вокруг стало ему в тягость. Он перестал бывать у людей, которых прежде любил, перестал смеяться, перестал спорить — а для Эдди это уже почти признак болезни. И если бы не этот проект, если бы не работа, которая снова заставила его думать, решать, строить, я не знаю, что с ним было бы теперь.

Она замолчала, словно сама испугавшись собственной откровенности.

Бланш медленно провела пальцами по мраморной кромке камина.

— Работа — не всегда лекарство, — сказала она после короткой паузы. — Иногда мужчины просто прячутся за ней, чтобы не замечать того, от чего на самом деле бегут.

— Возможно, — ответила Изабелла. — Но для Эдди и это было лучше, чем та пустота, в которой он жил прежде.

Леди Ашборн, до того задумчиво молчавшая, подняла голову.

— Изабелла права, — сказала она. — Этот проект вернул ему не только занятие. Он вернул ему волю к жизни. Весь этот последний месяц он был совершенно другим, каким я не видела его с самой юности. Светлым. Спокойным. Иногда даже почти мальчишески весёлым. Он так много смеялся. Так весело играл с Кэти.

Изабелла резко выпрямилась.

— Эдди? — переспросила она, и в одном этом коротком слове было столько изумления, что у меня сжалось сердце. — Брат смеялся?

— Да, милая. Смеялся, — ответила леди Ашборн. — Не вижу, почему это должно так тебя удивлять.

Изабелла опустила глаза. Большим пальцем она медленно провела по шву своей перчатки.

— Просто я давно этого не слышала.

В её голосе было что-то такое, что я невольно посмотрела на неё. Она уже улыбалась, но улыбка дрожала.

— Он даже сердился иначе, — продолжила леди Ашборн. — Прежде с ним невозможно было спорить: выслушает, поклонится и уйдёт. А здесь снова начал мне возражать. Представь себе, я была этому рада.

— Я тоже была бы рада, — тихо сказала Изабелла.

Бланш повернулась от камина.

— Будем надеяться, что это не очередное увлечение, после которого всем нам придётся собирать его по частям.

Изабелла подняла на неё глаза.

— Но если ему стало легче...

— Разумеется, дорогая. Я желаю ему только этого.

Бланш произнесла это мягко, почти ласково. И всё же Изабелла замолчала, словно её поправили при посторонних.

У окна Кэти раскрыла перед леди Шарлоттой альбом. Листы зашелестели, и в наступившей тишине я услышала её серьёзный голос:

— А здесь дядя. Только он всё время двигался, поэтому одна рука получилась длиннее.

— Он никогда не умел сидеть спокойно, — отозвалась леди Шарлотта.

Я посмотрела на рисунок и невольно улыбнулась. Кэти изобразила Эдварда возле воздушного змея, вытянувшегося над ним огромной красной птицей.

— Мисс Симоне, это ведь вы помогали ей? — спросила Изабелла.

— Только с красками. Всё остальное Кэти сделала сама.

— Дядя сказал, что у настоящего художника должно быть собственное мнение. Даже о руках, — важно заявила Кэти.

Леди Ашборн усмехнулась.

Бланш подошла к дивану и взглянула на раскрытый альбом.

— Как мило. Эдвард всегда умел очаровывать тех, кто готов им восхищаться.

Я опустила глаза.

Через некоторое время леди Шарлотта устала. Это стало заметно по тому, как медленно она перелистывала страницы и как часто прикрывала глаза. Изабелла тотчас поднялась, чтобы проводить мать наверх. Кэти попросилась с ними, обещая показать бабушке комнату, в которой «совсем не жарко, если миссис Грей не закроет окна».

Леди Ашборн задержала миссис Уолтон возле своего кресла, расспрашивая о приготовленных для дочери лекарствах.

Я воспользовалась этим движением, чтобы собрать забытые Кэти карандаши.

— Мисс Симоне.

Бланш стояла рядом.

— Не покажете ли вы мне террасу? Здесь, пожалуй, немного душно.

За её спиной были распахнуты высокие стеклянные двери. Террасу не требовалось искать. Но отказаться я не могла.

— Конечно, миледи.

Мы вышли под полотняный навес. Каменные плиты ещё хранили дневное тепло, однако от сада уже тянуло прохладой. На низком столике стоял кувшин воды с ломтиками лимона; возле перил белели плетёные кресла.

Бланш остановилась у одного из них.

— Здесь хорошо.

Я осталась стоять, держа в руках карандаши.

Она заметила это и улыбнулась.

— Сядьте, мисс Симоне. Кэти, кажется, в надёжных руках. Несколько минут вы можете принадлежать себе.

Я опустилась на край кресла.

Некоторое время Бланш смотрела в сад. Без шляпки её лицо казалось ещё красивее: свет ложился на гладкий лоб, на безукоризненную линию скулы. Она сняла перчатки и аккуратно положила их рядом.

Бриллиант вспыхнул на её руке.

Я отвела взгляд слишком поздно.

— Вам нравится?

— Простите?

Бланш чуть подняла руку.

— Кольцо.

— Оно очень красивое.

— Эдвард выбирал его сам.

Мне пришлось осторожно положить карандаши на столик: я боялась сломать их в пальцах.

Бланш посмотрела на камень с той спокойной нежностью, с какой смотрят на вещь, давно ставшую частью собственной жизни.

— Он всегда обладал прекрасным вкусом. Хотя терпеть не мог признавать, что способен провести полдня у ювелира ради одной женской прихоти.

Она улыбнулась воспоминанию.

— Когда он привёз его, то сделал вид, будто совершенно случайно проходил мимо. А футляр держал так крепко, что я сразу поняла: волнуется.

Я смотрела на край её перчатки.

В Лаосе я никогда не спрашивала Эдварда, как он ухаживал за Бланш. Знала, что она существовала, что их семьи связывали давние отношения, что у него была жизнь до меня. Но знать это было совсем не то же самое, что сидеть напротив женщины, помнившей его волнение перед подарком.

— Мы ведь выросли вместе, — продолжила Бланш. — Я знала его задолго до того, как он научился прятать всё за своими насмешками. Он приезжал к нам на каникулы. Иногда раньше, чем его ожидали. Моя мать всегда говорила, что лошади в нашей конюшне обязаны ему прекрасной формой: он находил повод выехать со мной почти каждый день.

Она говорила легко. Ей не приходилось искать слова.

— Наши семьи давно желали этого брака. Но не думайте, будто нас принуждали. Эдвард был в меня влюблён.

Последнюю фразу она произнесла, глядя прямо на меня.

— Он мог быть удивительно внимательным. Запоминал сущие пустяки. Какая музыка мне нравится, какие цветы я предпочитаю. Однажды я вскользь упомянула книгу, которую нигде не могла достать. Через неделю она лежала у меня на столе. Даже без записки. Он сказал, что незачем подписывать очевидное.

Уголки моих губ дрогнули прежде, чем я сумела удержать лицо.

Это было так похоже на него, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Бланш заметила мою невольную реакцию.

— Вы уже знакомы с его манерой?

— Мистер Фейн иногда бывает ироничен.

— Иногда? — Она тихо рассмеялась. — Вы великодушны.

В саду стукнули садовые ножницы. За перилами на камень опустился сухой розовый лепесток.

— Мы были счастливы, — сказала Бланш. — По крайней мере, до той нелепой поездки. Я не подняла головы.

— В Лаос?

— Да.

Голос её изменился. Исчезла лёгкость, с которой она только что вспоминала лошадей и книги.

— Он вернулся оттуда словно отравленный. Всё, что прежде было ему дорого, вдруг стало ненужным. Наши планы. Обязательства. Люди, которые любили его всю жизнь. Он смотрел сквозь меня, мисс Симоне. Сквозь меня — понимаете?

Я понимала.

Слишком хорошо помнила его безупречный поклон за завтраком после нашего разговора в мастерской. Как он произнёс моё чужое имя и прошёл мимо.

Но я сама заставила его отступить.

Бланш медленно повернула кольцо на пальце.

— И ведь нельзя было даже говорить с ним об этом. Стоило произнести её имя, как он становился совершенно чужим.

Я с трудом разжала губы.

— Имя его жены?

Бланш перестала вращать кольцо.

Несколько мгновений она смотрела на меня молча.

— Вам рассказали?

— В доме упоминали о его утрате.

Это было правдой. Неполной, жалкой, но правдой.

— Утрате, — повторила она. — Да. Теперь это называют так.

Я подняла на неё глаза.

Бланш откинулась в кресле, положив руку на подлокотник.

— Не поймите меня превратно. Смерть молодой женщины — несчастье. Но разве всё, что было до неё, должно перестать существовать? Мои годы ожидания? Обещания, которые он мне давал? Я не перестала быть рядом только потому, что он решил забыть обо мне.

— Возможно, он не забыл.

— Тогда он должен был вернуться.

Слова прозвучали быстро, без тени сомнения.

Я смотрела на неё и вдруг поняла, что она ждала этого не только до его поездки и не только после возвращения из Лаоса. Она ждала и после того, как он, по её словам, перестал говорить, смеяться, видеть окружающих.

Ждала, когда его горе освободит ей место.

Мне стало холодно, несмотря на тепло каменных плит.

— После смерти жены? — спросила я тихо.

— Не сразу, разумеется. Я умею быть терпеливой.

Бланш снова улыбнулась, но теперь улыбка почти не касалась глаз.

— Он пережил потрясение. В таком состоянии мужчина способен принять за любовь что угодно. Благодарность. Сходство. Привычку видеть возле себя человека, который ничего от него не требует.

Я уже знала, к чему она ведёт.

— Эдвард очень привязан к Кэти, — продолжила она. — Вы спасли девочку. Заботитесь о ней. Было бы странно, если бы он остался равнодушен к вам.

Лицо моё вспыхнуло.

— Я не рассчитывала на его внимание.

— Конечно, нет. Я этого и не говорю.

Она произнесла это так мягко, что возражать стало почти невозможно.

— Но вы молоды, мисс Симоне. А Эдвард умеет быть убедительным, даже когда сам не понимает, чего хочет. Мне не хотелось бы, чтобы вы придали его любезности значение, которого она не имеет.

Я положила руки на колени.

Теперь стало ясно: ни прогулки, ни кольцо, ни книга не были случайными воспоминаниями. Она показывала мне жизнь, к которой я не принадлежала. Каждой подробностью отводила мне место — возле Кэти, возле учебников, за дверью, которую следовало вовремя закрыть за собой.

— Вы очень уверены в том, что он чувствует, — медленно сказала я.

— Я знаю его.

— Люди меняются.

Бланш чуть приподняла подбородок.

— Не настолько, чтобы перестать быть самими собой. Эдвард — Фейн. У него есть семья, имя, положение. Он может на время забыть об этом, но я не забуду.

В груди у меня болезненно сжалось.

Его семья. Его имя.

Те самые слова, которыми я столько месяцев удерживала себя от него.

— Вы полагаете, что должны напоминать ему?

— Кто-то должен. Его мать нездорова. Изабелла слишком молода и всегда уступает ему. Леди Ашборн не может заниматься всем. Рядом с Эдвардом нужна женщина, которая понимает, чего требует его жизнь.

— И это вы.

— Да.

Она ответила без смущения.

Потом наклонилась чуть ближе.

— Я должна была стать миссис Фейн задолго до того, как он отправился в Лаос. В наших домах это знали все. И я не намерена позволить, чтобы ещё одно случайное увлечение окончательно разрушило то, чему мы отдали столько лет.

Я посмотрела на бриллиант.

Он был так красив. Совершенный холодный камень в оправе, которую выбрал Эдвард.

Я не могла знать, сколько правды было в её воспоминаниях. Возможно, вся. Возможно, он действительно любил эту женщину, ждал встреч с нею, волновался, вручая кольцо.

Но сейчас его самого в её словах оставалось всё меньше.

Были годы. Семьи. Обещания. Положение.

И место возле него, которое не следовало занимать никому другому.

— А если он не захочет? — спросила я.

Бланш замерла.

— Чего именно?

— Той жизни, которую вы для него выбрали.

— Вы не понимаете. Это была наша жизнь.

— Но сейчас вы говорите о ней одна.

Её пальцы медленно сжались на подлокотнике.

Я должна была остановиться. Извиниться за неуместное замечание. Встать, взять карандаши и вернуться к своей ученице.

Но перед глазами стоял Эдвард в мастерской — с деревянной моделью в руках, с тем внезапным светом в лице, когда он рассказывал о самолёте. Не лорд Фейн. Не глава семьи. Человек, который после страшной зимы всё-таки нашёл причину просыпаться по утрам.

— Простите меня, — произнесла я тихо, — но вы говорите о мистере Фейне как о вещи, которая должна вам принадлежать.

Бланш не шевельнулась.

Только камень на её руке перестал ловить свет.

— Какая необычная смелость для гувернантки.

Щёки мои горели.

— Вы сами заговорили со мной об этом.

— И вы сочли себя вправе судить о моей любви?

Я сглотнула.

— Я не знаю вашей любви, миледи. Но вы говорите о том, чего ждали от него. О том, что он вам обещал. О том, кем вы должны были стать. Вы почти ничего не сказали о том, чего хочет он.

— Вы полагаете, любить человека значит спокойно смотреть, как он губит свою жизнь?

— Нет.

Я ответила слишком быстро.

Бланш пристально посмотрела на меня.

— В таком случае?

Я опустила глаза.

Ещё вчера я говорила мистеру Джойсу почти то же самое. Уверяла, что знаю, как Эдвард поступит и почему этот выбор сделает его несчастным. Решала, какую потерю он выдержит, а какую — нет.

От этой мысли стало трудно дышать.

— Наверное, — произнесла я медленно, — любить человека не даёт нам права решать всё вместо него.

Бланш коротко усмехнулась.

— Очень удобное убеждение для женщины, которой нечего терять.

Я поднялась.

Мне понадобилось мгновение, чтобы собрать карандаши. Один укатился к краю столика, и я остановила его ладонью.

— Кэти скоро понадобится я. Позвольте мне вернуться в дом.

Бланш тоже встала.

— Разумеется. Я и без того задержала вас.

Она взяла перчатки, но не надела их.

— Надеюсь, вы всё же правильно поняли меня, мисс Симоне. Благодарность моего жениха — не обещание.

Я посмотрела ей в лицо.

— Насколько мне известно, помолвка расторгнута.

Тишина стала такой глубокой, что я услышала плеск воды в кувшине: моя рука случайно задела столик.

Бланш улыбнулась.

— Вы, оказывается, знаете о нашей семье гораздо больше, чем я предполагала.

Сердце тяжело ударило в грудь.

— Здесь трудно не слышать того, о чём говорят при вас.

— Тогда вы, должно быть, слышали и о том, как много эта семья перенесла.

— Да, миледи.

— Мне будет жаль, если ей придётся пережить новое несчастье.

Она отступила, освобождая мне дорогу.

Я прошла мимо неё в гостиную. Здесь было прохладнее; на столе ещё стояла забытая чашка леди Ашборн, из коридора доносился голос Кэти.

Я остановилась возле окна, не в силах сразу пойти на этот голос.

Мне хотелось думать, что между мной и Бланш нет ничего общего. Она хотела вернуть Эдварда себе. Я собиралась уйти, чтобы не причинять ему больше боли.

Но слова, только что сказанные мною, не отпускали.

Любовь не даёт нам права решать всё вместо него.

Я крепче сжала карандаши.

Почему же я сама ни разу не позволила ему решить?

Глава 28. Живые лица

Ночью я несколько раз просыпалась от собственного движения, мне казалось, что кто-то позвал меня, но в комнате было тихо. За приоткрытым окном шелестели листья, на потолке лежал бледный прямоугольник лунного света.

Разговор с Бланш возвращался ко мне не целиком, а отдельными подробностями: её пальцы на подлокотнике, аккуратно сложенные перчатки, спокойный голос, которым она говорила о будущем Эдварда.

Я ожидала, что встреча с нею причинит мне боль. Боялась её красоты, воспоминаний, права произносить его имя с той непринуждённостью, какую дают долгие годы знакомства. Но самым тяжёлым оказалось другое.

Она говорила о нём и не слышала его.

В её рассказах Эдвард был внимательным поклонником, будущим мужем, человеком, который должен был исполнить обещание. Его горе становилось досадной задержкой. Его работа — способом уклониться от прежних обязательств. Даже вернувшийся смех, так поразивший Изабеллу, не обрадовал Бланш: она сразу захотела понять, кому этим обязана.

Я лежала, глядя на светлое пятно над кроватью, и вспоминала Эдварда в мастерской. Как менялось его лицо, когда он забывал следить за собой. Как он склонялся над чертежом, подбирая слова, чтобы объяснить мне устройство, которое представлялось ему совершенно простым.

Теперь я могла представить, как холодно становилось ему рядом с женщиной, готовой терпеливо выслушать всё это лишь затем, чтобы вернуть разговор к тому, что считала действительно важным.

Я не знала, всегда ли Бланш была такой. Не знала, сколько нежности когда-то связывало их. Но вчера она сама позволила мне увидеть то, чего не смогли бы объяснить ни газетная фотография, ни чужие рассказы.

Эдвард не мог быть счастливым рядом с женщиной, которая так спокойно и твёрдо решала за него, что он обязан чувствовать, кого помнить, к какой жизни вернуться. Любить человека и так уверенно чертить для него границы, это казалось невыносимым.

И мне стало больно за него.

Потом я вспомнила Изабеллу.

«Брат смеялся?»

Вопрос прозвучал так, словно ей сообщили, что неизлечимо больному наконец стало лучше.

Я отвернулась к окну.

Ещё совсем недавно, сидя перед мистером Джойсом, я уверенно говорила о семье Эдварда. О том, что его мать никогда не примет меня. О том, что Изабелла не забудет, чья я сестра. Я произносила это как несомненные истины, хотя не видела ни одной из них.

А вчера передо мной стояла женщина, которая на несколько мгновений забывала об окружающих, услышав имя умершего сына. И девушка, чья улыбка дрожала при известии о том, что её брат снова способен радоваться.

Мне стало стыдно. Я думала о том, как легко заранее решила за них всех.

Мне казалось, что мать Эдварда должна быть суровой, сестра — надменно-доброй, а весь их мир таким, где для женщины вроде меня никогда не нашлось бы места. Теперь же мне приходилось признать: я ошибалась.

Их доброта к мисс Симоне ещё ничего не обещала Киаре Марэ. Я слишком хорошо понимала эту разницу. Но теперь мне было трудно представить, что за усталыми глазами леди Шарлотты и тихой тревогой Изабеллы скрывается только непримиримая ненависть.

Измученная этими мыслями, я уснула только под утро.

Когда я вошла в классную комнату, Кэти уже сидела за столом. Перед ней лежал раскрытый альбом, а рядом теснились карандаши, выстроенные по росту.

— Мы сегодня будем рисовать? — спросила она прежде, чем я успела пожелать ей доброго утра.

— После чтения.

Кэти вздохнула.

— Бабушка хотела посмотреть мои рисунки.

— Она успеет их посмотреть.

— Но вдруг она снова устанет?

Я остановилась возле стола.

Девочка водила пальцем по деревянному краю линейки, не глядя на меня.

— Вчера она закрывала глаза, — добавила Кэти. — Я подумала, что слишком много говорю.

Я придвинула стул и села рядом.

— Твоя бабушка устала с дороги. Это не значит, что ей не хотелось тебя слушать.

— Правда?

— Правда.

Кэти немного подумала, затем подвинула ко мне книгу.

— Тогда давайте читать. Только я прочту быстро.

— Лучше хорошо.

— А если хорошо и быстро?

— Это будет замечательное начало дня.

Она раскрыла книгу с такой решимостью, словно от правильного чтения зависело здоровье леди Шарлотты.

Через час мы спустились в малую гостиную.

Утренний свет ещё не успел стать жарким. На подоконнике стояла ваза с белым душистым горошком; из сада доносился шорох гравия под метлой. Леди Шарлотта сидела возле окна, положив на колени закрытую книгу. В простом светлом платье она казалась моложе, чем накануне, хотя тени под глазами стали заметнее.

Изабелла устроилась за небольшим столиком с письмами. При нашем появлении она отложила ручку.

— Вот и художница, — улыбнулась она Кэти.

— Сегодня я ещё ничего не нарисовала, — честно призналась девочка. — Сначала было чтение.

— Серьёзное препятствие, — заметила Изабелла.

Леди Шарлотта улыбнулась и протянула внучке руку.

Кэти немедленно положила альбом ей на колени.

Я собиралась остаться у двери, но леди Шарлотта указала на свободный стул рядом.

— Садитесь, мисс Симоне. Вы ведь поможете мне разобраться, если я что-нибудь не пойму?

— Я сама всё объясню, бабушка, — предупредила Кэти.

— Тогда мне повезло вдвойне.

Они принялись перелистывать альбом. Кэти рассказывала о каждом рисунке долго и обстоятельно: объясняла, почему пони получился с короткими ногами, отчего у щенка зелёное ухо и что розовое пятно возле дома на самом деле вовсе не цветок, а миссис Уолтон с зонтиком.

— Она не любит этот рисунок, — доверительно сообщила девочка. — Говорит, что у неё никогда не было такого носа.

Изабелла наклонилась посмотреть.

— Возможно, она просто не видела себя с этой стороны.

Кэти захихикала.

Леди Шарлотта задержалась на листе, где была нарисована ветка яблони. Рядом с крупными, неровными цветами Кэти сохранился мой небольшой набросок.

— А это ваша работа, мисс Симоне?

— Я показывала Кэти, как можно расположить ветку на листе.

Леди Шарлотта придвинула альбом ближе.

— Вы научили её рисовать?

— Я немного занимаюсь с нею. У Кэти хороший глаз, только ей хочется закончить раньше, чем она успеет как следует посмотреть.

— Потому что потом хочется рисовать другое, — объяснила Кэти.

— Это весьма уважительная причина, — сказала Изабелла.

Но леди Шарлотта уже не слушала.

Она рассматривала маленькую ветку так внимательно, что я почувствовала смущение. Потом её взгляд поднялся к моему лицу и снова опустился на бумагу.

— А портреты вы рисуете?

Сердце почему-то ударило сильнее.

— Да, миледи. Иногда.

Она помолчала.

— Не согласились бы вы... — начала она и остановилась.

Изабелла выпрямилась, но ничего не сказала.

Леди Шарлотта осторожно закрыла альбом и потянулась к сумочке, лежавшей на соседнем кресле. Замочек поддался не сразу. Я увидела, как дрогнули её пальцы, и едва удержалась, чтобы не помочь.

Наконец она достала небольшой бумажный конверт. Края его были потёрты, одна сторона укреплена тонкой полоской бумаги.

— У меня есть фотография Гарри, — сказала она. — Мне давно хотелось иметь рисунок. Но я всё откладывала...

Она вынула карточку и несколько мгновений держала её перед собой.

Кэти перестала качать ногой.

— Вы нарисуете папу?

В её голосе было столько внезапной надежды, что я не сразу смогла ответить.

— Если твоя бабушка этого хочет.

— Очень, — тихо сказала леди Шарлотта.

Она протянула мне фотографию.

Гарри было на ней лет четырнадцать.

Он сидел вполоборота, положив руку на спинку стула, и смотрел чуть в сторону от объектива. Волосы были приглажены, но одна прядь выбилась над виском. В серьёзном выражении лица чувствовалось усилие: казалось, ещё мгновение и он перестанет слушаться фотографа, повернётся к кому-то за кадром, улыбнётся.

Я взяла карточку за самый край.

Какой же он был юный и так похож на Эдварда.

Вчера, при встрече с Шарлоттой, я думала о её погибшем сыне. Сейчас передо мной оказался мальчик, которого она когда-то уговаривала сидеть спокойно. Наверное, поправляла ему воротник перед съёмкой. Может быть, сердилась на растрепавшиеся волосы.

Ещё ничего не произошло. Ещё не было учебы в Оксфорде, дружбы с Джоном Картером и моим братом...

Я почувствовала, что слишком долго молчу.

— Попробую, миледи.

Кэти немедленно соскользнула с дивана.

— Я принесу бумагу.

— Только плотную, из нижнего ящика, — попросила я.

Она остановилась на пороге.

— Самую хорошую?

— Самую хорошую.

Когда Кэти убежала, леди Шарлотта негромко сказала:

— Если вам нужно больше времени, не торопитесь. Я не хотела отнимать у вас утро.

— Вы ничего не отнимаете.

Мой голос прозвучал слишком горячо. Я опустила глаза на карточку.

Изабелла поднялась и освободила от писем столик у окна.

— Здесь будет светлее.

Я поблагодарила её.

Вскоре вернулась Кэти, прижимая к груди несколько листов. Под мышкой она держала коробку карандашей.

— Я не знала, какой лучше.

— Сейчас выберем.

Она придвинула себе стул, но прежде, чем сесть, посмотрела на меня с необычной серьёзностью.

— Я не буду толкать стол.

— Благодарю тебя.

Леди Шарлотта осталась в кресле неподалёку. Изабелла снова взяла письма, но ручка больше не двигалась.

Пока я раскладывала бумагу и выбирала карандаш, в груди у меня поднималось то тяжёлое, почти смиренное чувство, которое бывает перед вещью одновременно страшной и необходимой. Я не была виновна в гибели Гарри. Я никогда не знала его, не видела живым, не делила тех решений, что привели к его смерти. И всё же теперь, стоя перед его матерью, я не могла отделить свою судьбу от его памяти.

Я начала с линии лба и волос.

Кэти, как и обещала, сидела тихо, хотя время от времени не выдерживала и шептала:

— Папа тут серьёзный...

— У него нос почти как у дяди...

— А глаза вы потом нарисуете, да?

Изабелла отложила работу и подошла ближе, но остановилась на почтительном расстоянии, чтобы не мешать. Леди Шарлотта сидела неподвижно. Только раз я заметила, как её пальцы медленно сжались на ручке кресла, когда на бумаге начали проступать черты лица.

Я не рисовала быстро. Мне хотелось не просто воспроизвести фотографию, а вернуть в лицо мальчика что-то живое, не ту неподвижность, которую оставил объектив, а выражение, ещё не успевшее спрятаться. Карточка показывала юного Гарри. Но сквозь него, едва заметно, уже проступал мужчина, которого здесь помнили и которого не могли вернуть.

Когда я закончила, в комнате стояла такая тишина, что было слышно, как где-то в коридоре проббили часы.

Кэти первой выдохнула:

— Он настоящий.

Я передала лист леди Шарлотте.

Она взяла его не сразу. Сначала посмотрела на меня, словно хотела что-то сказать, но передумала. Потом опустила взгляд на рисунок.

Долго не говорила ни слова. Потом тихо рассмеялась.

Смех был коротким, непривычным, она сама словно удивилась ему.

— Здесь он прячет вторую руку, — сказала она, указывая на карточку. — Накануне ободрал костяшки. Я велела ему не лазать на дерево, пока не придет фотограф.

— А он полез? — спросила Кэти.

— Конечно.

— Как дядя Эдвард.

— Они оба были невозможные мальчишки.

Кэти, тронутая важностью момента, вдруг прижалась к колену бабушки.

— Мой папа красивый, правда?

Леди Шарлотта погладила её по волосам.

— Очень.

У меня задрожали губы. Я отвернулась, чтобы скрыть свои эмоции.

Мне хотелось попросить прощения.

Не объясняя, не называя себя, не произнося имени Даниэля. Просто опуститься перед нею и сказать эти два слова, которые ничего не исправили бы, но хотя бы перестали бы жечь меня изнутри.

Вместо этого я сказала:

— Этот портрет ваш, миледи.

Леди Шарлотта подняла голову.

— Вы подарите мне его?

— Конечно.

Она протянула мне руку.

Я вложила в неё свою, и её пальцы сомкнулись вокруг моих — сухие, тёплые, удивительно бережные.

— Благодарю вас, мисс Симоне.

Я склонила голову.

Несколько мгновений она не отпускала меня.

Я смотрела на наши руки и думала, что вчера боялась даже встретиться с нею глазами.

Леди Ашборн появилась в дверях, когда Кэти ещё стояла возле бабушки.

— Шарлотта, дорогая, тебе следовало бы...

Она не договорила, заметив рисунок. Подошла ближе и положила руку на плечо дочери.

— Покажи мне.

Шарлотта приподняла лист.

Леди Ашборн долго смотрела на него, потом перевела глаза на меня.

— Благодарю вас.

Больше она ничего не сказала, только осталась рядом с дочерью.

Позднее миссис Уолтон увела Кэти переодеться к прогулке, а леди Шарлотта осталась у окна. Она попросила не уносить ни рисунок, ни фотографию.

Я собрала карандаши и вышла в коридор.

— Мисс Симоне.

Изабелла догнала меня возле лестницы.

— Вы позволите мне немного пройтись с вами?

— Разумеется.

Мы вышли через боковую дверь в сад. Возле стены ещё держалась тень, и Изабелла направилась туда, не раскрывая зонтика, который несла в руке.

Некоторое время мы шли молча.

— Мама давно не вспоминала Гарри так, — сказала она наконец.

Я посмотрела на неё.

— Как?

— Без того, чтобы всё сразу возвращалось к его смерти.

Она провела пальцами по деревянной ручке зонтика.

— Мы иногда так боимся причинить ей боль, что почти перестаём произносить его имя.

А потом мне кажется, что от этого она остаётся с ним совсем одна.

Я не нашла ответа.

Изабелла остановилась возле низкой каменной скамьи.

— Сегодня она вспомнила, каким он был. Я хотела поблагодарить вас за это.

— Я рада, если могла доставить ей хоть немного утешения.

— Дело не только в утешении, — ответила Изабелла. — Иногда человеку нужно не забыть, а увидеть снова так, чтобы стало возможно дышать.

Я опустила глаза на коробку карандашей.

Изабелла словно почувствовала моё смущение и не стала продолжать. Мы сели на скамью. За стриженными кустами слышались шаги садовника, но его самого не было видно.

— Вчера Бланш долго разговаривала с вами, — произнесла она после паузы.

Я невольно напряглась.

— Некоторое время.

— Я надеюсь, она не сказала ничего... неприятного.

Слишком осторожный выбор слова заставил меня поднять голову.

Изабелла смотрела на меня с явной неловкостью.

— Простите. Это не моё дело.

— Леди Бланш говорила о мистере Фейне.

— Я так и подумала.

Она отвела взгляд.

Я ждала.

— Мне кажется, вам следует знать, почему мы приехали так внезапно, — сказала Изабелла.

Сердце моё забилося быстрее.

— Разве не из-за здоровья вашей матери? И не чтобы увидеться с леди Ашборн?

— Маме действительно полезно побыть здесь. Но можно было приехать и через неделю. Или раньше. — Она помедлила. — Бланш настояла именно на этой поездке после письма.

Я крепче прижала коробку к коленям.

— Какого письма?

— От некой Эми Дженкинс. Кажется, она до недавнего времени жила здесь.

Я вздрогнула. Имя прозвучало так неожиданно, что я не сразу ответила.

— Да.

— Вы её знали?

— Знала.

Изабелла посмотрела на мои руки и, вероятно, заметила, как они напряглись.

— Я не читала письмо целиком, — поспешно сказала она. — Бланш прочла мне несколько строк. Там говорилось, что Эдди уделяет гувернантке Кэти особое внимание.

Я почувствовала, как лицо заливают жар.

Вот откуда Бланш знала обо мне.

Не от Эдварда. Не из случайного семейного разговора.

Эми.

Даже покинув дом, она нашла способ протянуть до меня руку.

— И леди Бланш решила приехать, — произнесла я.

Изабелла кивнула.

— Она сказала, что хочет своими глазами увидеть новое увлечение Эдварда.

Слова повисли между нами.

Изабелла тут же добавила:

— Это её слова, мисс Симоне. Не мои.

Я медленно провела пальцем по крышке коробки.

Теперь мне стали понятны и первый внимательный взгляд Бланш, и её улыбка, и разговор на террасе. Она ещё не знала меня, но уже отвела мне место в истории, которую собиралась исправить.

— Благодарю вас за откровенность, — сказала я.

Изабелла вздохнула.

— Мне неловко говорить об этом. Но ещё более неловко было бы делать вид, что вы ничего не должны знать.

Я подняла на неё глаза.

— Вы тоже хотели увидеть меня?

Она не стала сразу отрицать.

— Мне было любопытно, — призналась она. — Но не так, как Бланш.

Она чуть улыбнулась, но улыбка вышла печальной.

— Когда брат был моложе, мне казалось совершенно естественным, что он женится на Бланш. Так думали все. Они выросли рядом. Наши семьи этого ждали. Она красива, умна, умеет держаться так, будто для неё не существует сомнений. В восемнадцать лет это кажется почти добродетелью. А потом Эдди вернулся из Лаоса...

Я боялась даже пошевелиться, сердце больно сжалось.

— Вы знаете, он всегда занимал слишком много места, — продолжила она, и на губах её появилась слабая улыбка. — Не потому, что требовал внимания. Просто стоило ему войти, и сразу начиналось что-нибудь: спор, какая-нибудь невозможная затея. Иногда я злилась на него. Мне казалось, что в доме нельзя спокойно прожить дня. Но после его возвращения, стало так тихо...

Она сжала ручку зонтика.

По дорожке пролетела тень птицы.

— Сначала я думала, что нужно подождать. Что нельзя расспрашивать его, нельзя мешать. Все говорили: время поможет. Но проходили недели, а он... — Изабелла замолчала и сделала короткий вдох. — Он был с нами, отвечал, когда к нему обращались, садился за стол. Иногда даже спрашивал о моих делах. И от этой вежливости становилось страшнее.

Я молчала, потому что не могла довериться голосу.

Изабелла нагнулась и подняла с дорожки маленький лист, упавший к её туфле.

— Нам казалось, что Эдвард увлёкся, потерял голову. Что однажды вернётся и снова станет таким, каким мы привыкли его видеть. Бланш ведь всегда была рядом. Всё представлялось таким очевидным. Но время шло, а ему становилось только хуже.

Я не могла отвести от неё глаз.

Она разорвала черешок листа и тут же посмотрела на него, словно удивившись тому, что сделала.

— Теперь мне стыдно.

В саду стало совсем тихо.

Я слышала, как где-то за стеной дома закрыли окно.

— За что? — спросила я осторожно.

Изабелла долго не отвечала.

— За то, что слишком легко соглашалась, когда мне объясняли, что для него лучше. За то, что молчала, когда следовало возразить.

Она подняла голову.

В её глазах стояли слёзы, но выражение лица было напряжённым, почти испуганным.

— Простите. Я не должна была говорить об этом с вами.

Я опустила глаза.

Она несколько раз провела ладонью по складке платья. Когда заговорила снова, голос уже был ровнее.

— Я очень люблю брата, мисс Симоне. Знаю, это легко сказать. Особенно после того, как уже ошиблась. Но вчера, когда бабушка рассказала, что он смеялся...

Она не договорила.

Я вспомнила, как дрожала её улыбка в гостиной.

— Он действительно смеялся, — медленно произнесла я.

Изабелла посмотрела на меня.

— Часто?

— С Кэти — часто. Иногда она заставляла его забывать обо всех делах.

— Заставить Эдди забыть о делах непросто.

— Ей удаётся.

Изабелла улыбнулась. На этот раз без усилия.

Потом улыбка исчезла.

— Бланш уверена, что ему нужно вернуться к прежней жизни. Будто она сохранилась в точности такой, какой он её оставил. Будто достаточно занять своё место, и всё снова станет правильно.

— А вы так не считаете?

— Я не знаю, что ему нужно, — ответила она после паузы. — Наверное, в этом всё и дело. Я больше не хочу делать вид, что знаю.

Я медленно разжала пальцы.

Вчера Бланш ни разу не позволила себе такой неуверенности.

Изабелла посмотрела мне прямо в лицо.

— Я только хотела сказать... — она помедлила, подбирая слова. — Если между вами и Эдди действительно возникла привязанность, я не стану расспрашивать вас. Вы не обязаны объясняться передо мной.

Я мгновенно вспыхнула до самых ушей.

— Мисс Фейн...

— Я только хочу, чтобы вы не принимали слова Бланш за мнение всех нас.

Она произнесла это негромко, но твёрдо.

— Она давно привыкла говорить о будущем Эдварда так, будто оно уже решено. Мне это больше не нравится.

Я ничего не ответила.

Ещё вчера мне казалось, что все эти женщины стоят по одну сторону, а я — по другую. Теперь Изабелла сидела рядом со мной на нагретой солнцем скамье и говорила вещи, от которых вся эта уверенность рассыпалась.

Мне хотелось спросить её, что она думает о жене брата. О том, что она слышала. Приняла бы она сестру Даниэля Марэ.

Но я не решилась.

Если бы она сейчас подняла глаза и поняла, что я и есть та самая жена Эдварда из Лаоса, сохранилось бы это доверие?

Я не знала.

И впервые незнание не казалось мне доказательством того, что всё непременно закончится плохо.

Из открытого окна донёсся голос Кэти.

— Мисс Симоне! Мы идём гулять!

Изабелла вытерла уголок глаза и засмеялась.

— Кажется, нас разыскали.

Я поднялась.

Она коснулась моего рукава.

— Спасибо, что выслушали меня.

— Вам не за что благодарить.

Я хотела сказать что-нибудь ещё, но подходящих слов не нашлось.

Мы направились ко входу в дом.

На ступенях стояла Бланш с раскрытой книгой в руке. При нашем появлении она заложила страницу пальцем.

— Вот ты где, Изабелла. Я искала тебя.

Её взгляд ненадолго задержался на мне.

— Мы немного прошли, — ответила Изабелла.

— Вижу.

Я прошла мимо с легким поклоном.

Перед прогулкой я поднялась за шляпой.

В комнате всё оставалось так, как утром: раскрытая книга на столике, стакан воды у кровати, тонкая полоска света на полу.

Я открыла нижний ящик комода.

Там лежали вещи, которые накануне я начала откладывать для отъезда: перчатки, дорожный воротничок, несколько носовых платков. Я сложила их отдельно, чтобы потом не пришлось собираться в спешке.

Некоторое время я смотрела на них.

Мистер Джойс был добр ко мне. Он обещал найти безопасное место, где можно дожидаться известий о Джи. Ещё вчера это представлялось единственным разумным выходом.

Теперь я не могла думать об отъезде с прежней убеждённостью.

За стеной послышался смех Кэти, затем тихий голос леди Шарлотты. Я не разобрала слов, только интонацию — мягкую, внимательную.

Я вспомнила её ладонь, державшую мою руку.

Изабеллу, признавшуюся, что не знает, как сделать брата счастливым.

И Эдварда, который пока не получил от меня даже возможности услышать правду.

Я не знала, простят ли они меня. Не знала, что скажет он сам, когда поймёт, сколько времени я провела рядом под чужим именем, как долго и жестоко ему лгала.

Но сегодня я впервые ясно почувствовала: мой страх ещё не был ответом за всех них. Мне казалось, будто в стене, которую я сама возвела между собой и будущим, появилась первая, едва заметная трещина.

Я закрыла ящик, не взяв ничего.

Кэти звала меня снова.

На этот раз я пошла к ней сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.